

№3 (81)
МАРТ

2020

UNESCO
Организация
Объединённых Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

СИМБИРСКЪ

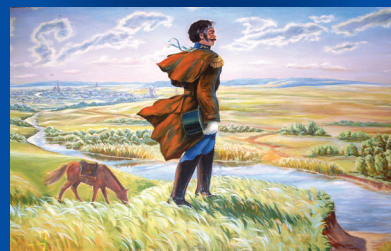
Литературный журнал

12+

Почта России продолжает
досрочную подписку
на 2-е полугодие 2020 г.

Цена подписки:
1 мес. – 122,05 руб.
6 мес. – 366,15 руб.

Индекс ПА041

Денис Давыдов в преданиях
и легендах Симбирского края
стр. 6

Новые лауреаты поэтической
премии им. Н.Н. Благова
стр. 19

Творить словами благо.
Литературно-музыкальный
вечер журнала «Симбирскъ»
стр. 40

Ко Дню театра.
Премьера в Ульяновском
молодёжном театре.
М. Балакшин «Эвитаго»
стр. 55

СИМБИРСКЪ

12+

№3 (81)

МАРТ

2020

Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

*Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 18.03.2020 г.

Дата выхода 25.03.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №367

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный,
д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297,
www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №3 (81), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.
На обложке: А.Е. Андреев. Весна на Мазке.
На обороте обложки: Вячеслав Таранов. Звонит апрель.

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №3 (81), март 2020

Содержание

Сияет вешняя лазурь. Слово редактора	3
Литературное наследие	
Ирина Маршалова.	
Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков.....	4-5
Софья Узбекова. Д. Давыдов в преданиях и легендах Симбирского края.....	6-10
Дороги памяти военной	
Анатолий Жуков. Черная и белая. Рассказ	11-15
Ольга Шейпак. До самого неба.....	16
Молодые голоса	
Алина Осокина. Нежность. Рассказ	17
Молодые литераторы. Итоги совещания	18
Страна поэзия	
Ольга Даранова.	
Новые лауреаты Благословской премии	19-20
Анатолий Гребнев. Берёза, иволга, звезда. Стихи	21-23
Память сердца	
Любовь к книге – это судьба.	
Памяти Анатолия Пирогова	24-30
Перекресток	
Сергей Гогин. Философия творчества Эдгара По.....	31
С любовью ко всему родному	
Была нам молодость дана.	
Об итогах областной фотовыставки.....	32-38
Премьера пьесы	39
Наш «Симбирскъ». Творить словами благо.....	40-42
Нина Климова. Навстречу жизни, радости, весне.....	43-45
В кругу друзей.	
Презентация книги Н. Климова «Только мгновение».....	46
Черемшан	
Елена Ермошина.	
Из цикла «Записки домохозяйки»	47-51
Весенняя сказка, или Мартовская звонница (стихи А. Беловой, Р. Кашкировой, И. Гаак, С. Зазимко, Н. Алиевой, В. Волконской)	52-54
Ко Дню театра	
Максим Балакшин. «Эвитанго». Пьеса	55-76
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	77-78
Юбилейный календарь. Апрель 2020 года	79-96

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

СИЯЕТ ВЕШНЯЯ ЛАЗУРЬ...

В мартовском номере журнала – стихи и проза, краеведческие очерки, хроника культурной жизни.

Рубрика «Литературное наследие» посвящена поэту-партизану, герою войны 1812 года Денису Давыдову.

Представляем недавно вышедшую книгу «Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков», здесь же публикуем материалы одного из авторов издания Софьи Узбековой «Д. Давыдов в преданиях и легендах Симбирского края».

В Год памяти и славы продолжаем публикации к 75-летию Победы. Наш земляк известный писатель Анатолий Жуков часто в своем творчестве обращался к теме военного времени. Эхо войны звучит в его рассказе «Черная и белая». (Послесловие Ольги Шейпак.)

Фронтовик, гармонист – герой рассказа «Нежность» молодого прозаика Алины Осокиной. История будничная и трагическая. Как живет сегодня ветеранам, тем, кто уцелел на войне и дожил до наших дней?

В феврале были объявлены имена лауреатов поэтической премии имени Н.Н. Благова. Церемония награждения состоялась в Торжественном зале Дворца книги. Ольга Даранова рассказывает об этом событии.

В рубрике «Страна поэзия» читайте стихи известного поэта, одного из новых лауреатов Благовской премии Анатолия Гребнева (Пермь).

*«Ты сыграл бы ещё хоть немножко
Для любимых своих и друзей –
Под свою золотую гармошку
Жизнь была бы куда веселей!»
(Посвящение Г. Заволокину.)*

Публикуем материалы о недавно ушедшем нашем старшем друге, симбирском книголюбе, интеллигенте Анатолии Алексеевиче Пирогове. В журнале мы часто рассказываем о писателях, а в этом номере впервые раздел «Память сердца» посвящаем читателю, для которого «любовь к книге стала судьбой».

На цветных страницах «Симбирска» лучшие работы участников областной фотовыставки «Была нам молодость дана».

Об очередном занятии в литературной студии «Восьмёрка» рассказывает Сергей Гогин, на этот раз участники встречи говорили о творчестве Эдгара По.

Недавно состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный 30-летию со времени выхода первого номера альманаха «Симбирскъ». Рассказываем об этом событии. И благодарим авторов, читателей, друзей журнала за участие в этой встрече, за поддержку и душевное тепло!

21 марта отмечается Всемирный день поэзии. Поэтические страницы мартовского номера журнала продолжает подборка стихов Нины Климко «Навстречу жизни, радости, весне».

Раздел «Черемшан» посвящен творчеству димитровградских авторов. Они приветствуют наступающую весну стихами – читайте коллективную подборку «Мартовская звонница». Здесь же представлены рассказы Елены Ермошиной из цикла «Записки домохозяйки».

27 марта – День театра. В Ульяновском молодежном театре в марте состоялась премьера музыкального спектакля по пьесе ульяновского автора Максима Балакшина «Эвитанго». Публикуем пьесу и фотографии с премьеры. Следите за афишей!

С новостями программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» знакомит читателей Гала Узрютова.

Завершает номер «Юбилейный календарь» на апрель 2020 года, подготовленный Николаем Маряниным.

«Надо верить, – без этого жить не стоит, – есть в мире царство превыше всех царств, – царство Духа», – пишет, размышляя о Блоке, Александр Гидони.

Как нравственный камертон звучат слова Константина Паустовского: «Русская литература, музыка, живопись, вся наша великолепная культура, наконец, история – все это неразрывно срослось с красотой русской земли. Она наложила отпечаток на формирование характера нашего народа – великодушного и талантливое, простого и мужественного. Нет для нашего сердца милее края, чем Россия...».

Любовью к родной земле наполнены поэтические строки Николая Языкова:

«Как хороша весна! Как я люблю ее / Здесь в стороне моей родимой, / Где льется мирно и незримо / Мое привольное житье...».

Пусть душа наполняется весенним светом и чистой радостью!

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

*Ирина МАРШАЛОВА, кандидат филологических наук,
сотрудник музея И.А. Гончарова*

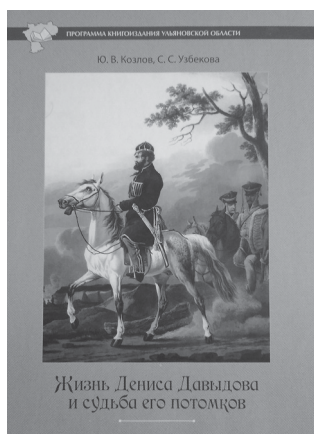
ЖИЗНЬ ДЕНИСА ДАВЫДОВА И СУДЬБА ЕГО ПОТОМКОВ

Презентация книги

30 января 2020 года в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова состоялась презентация историко-документальной книги «Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков».

Авторы издания – Юрий Васильевич Козлов и Софья Сергеевна Узбекова, сотрудники музея-заповедника «Усадьба Дениса Давыдова» в селе Верхняя Маза Радищевского района, филиала Ульяновского областного краеведческого музея. Книга стала результатом многолетней работы исследователей в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Самарской области и Ульяновска. В ней впервые наиболее полно представлены новые и малоизвестные факты из биографии боевого генерала, поэта и военного писателя XIX века, который последние годы своей жизни провел в Симбирской губернии, а также материалы по непростым судьбам многочисленных потомков Д.В. Давыдова.

Презентация в музее И.А. Гончарова началась с приветственного слова заведующей отделом развития, туризма и информационных технологий Ольги Егоровны Бородиной. В выступлении заместителя директора музея по музейной деятельности Валерии Игоревны Лосевой акцент был сделан на дальнейшей популяризации имени Дениса Давыдова в регионе и на всероссийском уровне, продемонстрированы ключевые аспекты концепции создания нового музея. Видеообращение Юрия Васильевича Козлова было направлено на представление структуры издания, описание источников, послуживших основой публикации, указание на вписанность данной монографии в традицию научно-популярного жизнеописания видных деятелей истории и культуры России.

Софья Сергеевна Узбекова рассказала не только о работе над книгой, но и о многообразных формах деятельности музея-заповедника «Усадьба Дениса Давыдова» по продвижению имени великого земляка. На презентации присутствовали научные рецензенты издания: доцент Ульяновского государственного университета, ведущий специалист АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области», кандидат исторических наук Надежда Валерьевна Липатова и заведующая сектором научно-исследовательской работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова, кандидат филологических наук Ирина Олеговна Маршалова.

«В 2019 году отмечалось 235 лет со дня рождения Дениса Васильевича Давыдова – героя Отечественной войны 1812 года, поэта пушкинской плеяды, военного писателя, блистательного мемуариста, – отметила в своем выступлении Ирина Маршалова. – В этом же году исполнилось 180 лет со дня его смерти. Почётно, что данные юбилейные даты увенчала, подвела им определённый итог массивная, многоаспектная книга «Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков», которая повествует о жизненном пути и наследии столь видного деятеля военной истории, литературы, культуры России.

Село Верхняя Маза Радищевского района Ульяновской области занимает особое место на историко-литературной карте России. Именно здесь Д.В. Давыдов провёл последние десять лет своей жизни. В этом удалённом от суеты, располагающем к литературным трудам месте он написал детально проработанные военно-исторические статьи и мемуары, несколько десятков проникновенных и ироничных стихотворений, вёл активную переписку с известными современниками. Здесь же и окончил свой земной путь.

Особый акцент в книге сделан на семейственном начале в характере героя, его рачительности как хозяина значительного имения. Данные, свидетельствующие о том, что отцом восьмерых детей

Выступает Ирина Маршалова

Д.В. Давыдовым в собственном владении были отменены телесные наказания, значительно ослаблены барщина и оброк, заложены парк и сад, устроен пруд, открывают нам ещё одну немаловажную грань личности отставного генерал-майора, пекущегося о благополучии собственной семьи и вверенных ему людей. Неоднократно подчёркнуто, что Денис Васильевич обращался дружелюбно и достойно с каждым, заслуживающим такого внимания, независимо от рода и звания. В книге живо представлен эпизод возвращения прославленного военного из Франции, относящийся к 1814 году, когда, «двигаясь на перекладных по Смоленскому тракту, генерал Давыдов не без волнения вглядывался в знакомые места, где воевал со своими партизанами. Вспомнил крестьянина Федора из села Царёво-Займище, который изъявил желание служить в его отряде, хорошо зная местность и людей. <...> Денис Васильевич остановился в селе, чтобы посетить своего храброго товарища, но узнал, что его уже нет на свете».

Книга «Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков», безусловно, призвана облегчить работу филологам-профессионалам, архивным и музейным работникам, преподавателям различных учебных заведений, учащейся молодёжи в вопросах осмысления уникального явления русской культуры – военно-исторического, лирического, мемуарного, эпистолярного наследия Дениса Васильевича Давыдова на фоне современной ему российской и мировой действительности.

В рамках презентации демонстрировалась выставка «Дары С.А. Блохина музею-заповеднику «Усадьба Дениса Давыдова». В экспозиции были представлены материалы, переданные в дар музею-заповеднику коллекционером Сергеем Александровичем Блохиным (г. Москва): прижизненное издание стихотворений Дениса Давыдова 1832 года, серебряный бокал для вина 1839 года, поддужный колокольчик 1814 года и другие предметы.

Книга «Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков» издана в рамках областной программы по книгоизданию при поддержке губернатора С.И. Морозова и правительства Ульяновской области. В ближайшее время она поступит не только в библиотеки региона, но и в крупнейшие федеральные библиотеки России.

Материалы, переданные в дар музею-заповеднику коллекционером Сергеем Александровичем Блохиным

Софья УЗБЕКОВА, зав. филиалом Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова «Музей-усадьба Дениса Давыдова», заслуженный учитель РФ.

ДЕНИС ДАВЫДОВ В ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ СИМБИРСКОГО КРАЯ

Герой Отечественной войны 1812 года, талантливый поэт и военный писатель Денис Давыдов жил два века назад, его век – «бурный, дивный век, громкий, величавый». В русскую литературу и историю Д.В. Давыдов вошел как воин-поэт. За два столетия изучены многие архивные документы о военной деятельности Д.В. Давыдова, автографы его военных записок и лирических произведений, сохранившаяся переписка Д.В. Давыдова с должностными лицами и современниками. Изданы его стихи и военные записки, опубликовано много историко-документальных материалов биографического характера.

В последние годы в ходе работы над новой книгой «Жизнь Дениса Давыдова и судьба его потомков» нами, авторами, выявлено много новых архивных и эго-документальных материалов, которые впервые опубликованы в этом исследовании. На основе исторических документов и творческого наследия можем судить о натуре героя, об истинной роли этой личности в истории.

Д.В. Давыдов в Верхней Мазе. Худ. Л.Н. Нецветаев. Холст, масло. 2003. Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина

А каким остался он в памяти крестьян села Верхняя Маза – последнего приюта его «вольных муз», в памяти простого народа, который в XIX веке не видел ни этих документов, ни его писем и книг?

Рассуждая об этом в настоящем, можно утверждать, что мнение, взгляды местного населения на своего героя-барина, представление о его образе жизни в Верхней Мазе отражены в преданиях и легендах. Примечательно, что они не представляют просто чистую фольклорную фантазию. Изучение этой темы показывает, что предания и легенды о Денисе Давыдове имеют вполне действительные событийные основы. Они ярко переключаются с собранными в разное время у местного населения и потомков воспоминаниями, также с письмами самого Дениса Васильевича, написанными им при жизни в Верхней Мазе. Попробуем рассмотреть некоторые из них в такой параллели.

Верхняя Маза. XIX в. Рис. А.Е. Андреева

Старая церковь

Верхняя Маза. 50-е годы XIX в. Худ. А.Е. Андреев. 1982. Филиал УОКМ «Музей-заповедник Д.В. Давыдова»

Предание о Денисе Давыдове и Терентии

Одно из верхнемазинских преданий о Д.В. Давыдове было записано Н.А. Задонским, которого очень интересовала личность известного героя-партизана. В конце мая 1944 года эвакуированный в Ульяновск журналист Задонский побывал в последнем месте проживания партизана Д.В. Давыдова – в селе Верхняя Маза Радищевского района. Здесь он ознакомился с участниками и протоколом недавней конференции, посвящённой знаменитому земляку. Собрал хороший материал для своего очерка «Верхняя Маза» [1]. Отыскал среди стариков почти столетнего Николая Борисовича Волкова, отец которого служил личным камердинером у Дениса Васильевича. Со слов отца престарелый, но сохранивший память Волков рассказал много любопытных подробностей о последних годах жизни «барина-героя» и сообщил историю партизана Терентия.

Эскиз к картине о партизане Терентии в селе Верхняя Маза. А.Е. Андреев

Денис Давыдов в 1812 году. Худ. Л.Н. Нецветаев. Холст, масло. 2009. Радищевский районный краеведческий музей

Встреча ветеранов. Худ. А.Е. Андреев. Холст, масло. 1982. Радищевский районный краеведческий музей

Хотя в военных записках и письмах Д.В. Давыдова имя партизана Терентия нигде не упоминается, тем не менее имя это не вымышлено. По словам старика, Терентий «прежде с Денисом Васильевичем на войне был», а затем, возвратившись домой в свою губернию, подвергся каким-то гонениям со стороны своего барина, «не стерпел мучительства и стал беглым». Услышав, что Денис Васильевич находится в Верхней Мазе, а может быть и по случайности, Терентий очутился в этом селе. Терентий рассказал барину-герою про свою беду. Денис Васильевич отнесся участливо к бывшему партизану. Пользуясь изданным ещё в 1803 году императорским Указом «О вольных хлебопашцах», который впервые в истории крепостнической России разрешал помещикам отпускать крестьян на волю за выкуп, Денис Васильевич Давыдов выкупил Терентия у его барина. Так Терентий поселился в Верхней Мазе, где и прожил до глубокой старости.

Николай Борисович Волков знал его стариком, всегда со слезами на глазах вспоминая покойного генерала Дениса Васильевича, который будто бы дал ему вольную, определил в конюхи и всегда при нужде оказывал помощь. Волков показал даже место, где стояла изба партизана Терентия. Другие верхнемазинские старики это подтвердили [2]. Позже эти предания нашли отражение в исторической хронике Н.А. Задонского «Денис Давыдов».

Предания сына дворового мальчика о Денисе Васильевиче

Николай Борисович Волков поделился ещё такими рассказами своего родителя: «Отец мой в дворовых мальчиках у самого Дениса Васильевича находился и всегда добрым словом вспоминал. Против соседских господ куда как справедливей был! Случится ежели пожар или недород произойдёт – он всегда поможет. Лошадей очень любил. Не только что своих, но всяких. Бывало, ежели заметит, что у мужика лошадь справная, обязательно остановит. «Спасибо, – скажет, – что ты за лошадью хорошо ходишь, вот тебе полтина за усердие». А ежели кто плохо ухаживает, лучше на глаза ему не попадайся!»

Действительно, Д.В. Давыдов в Верхней Мазе отменил телесные наказания, убавил барщину, уменьшил оброк, часто посещал крестьянские избы, интересовался, в чём нужда, спрашивал стариков, как лучше обустроить земли. Старожилы вспоминали и такие случаи:

Неизвестный художник.
Из собрания А.С. Ермолова.
Иллюстрация в книге
В. Жерве «Очерк его жизни
и деятельности»
(1784 – 1839 гг.).
Типография Поставщиков
Двора Его Императорского
Величества Товарищества
М.О. Вольф, 1913

«Бывало, когда очень занемог слуга, когда собака укусила учителя-француза, православную бабу, Давыдов посылал человека к соседу-помещику с просьбой одолжить лекаря на ночку или хотя бы несколько часов». Эти факты также нашли отражение в письмах, отправленных Д.В. Давыдовым А.В. Бестужеву в Репьевку в 1834 году [3].

Легенда о встрече Дениса Давыдова с оборотнем

Д.В. Давыдов в Мазе. Худ. А.Е. Андреев. 1982.
Верхнемазинская сельская библиотека имени Д.В. Давыдова

Отправленный поневоле в отставку генерал Давыдов в письме своему лучшему другу князю П.А. Вяземскому, явно бравируя, сообщал: «Почувствовать не можешь, как после шума оружия и серного запаха сельское безмолвие и чистый воздух упоительны! Я нежусь в моем уединении <...> Жена да дети – пища душевная, а для лакомства – книги, бумага, перо и чернила, охота псовая и ястребиная, и все это приправленное счастьем дальнего соседства...» [4].

Охота в Верхней Мазе. Н. Поливанов. Бумага, акварель.
Ульяновский областной художественный музей

В 1836 году после поездки в северную столицу, Денис Васильевич тоже в таком же тоне написал дальнему родственнику Н.В. Путяте: «Что касается до меня, то я только что отдохнул от вашего душного Петербурга. Наслаждаюсь моими необъятными степями и дышу свободно! Скачу за волками, лисицами и зайцами сломя голову и успеваю в этих атаках порядочно...» [5]

Около десятка лет назад мною совместно с членами детского объединения «Школа исследователей-краеведов» была проведена большая научно-исследовательская работа на тему «Диалектная лексика села Верхняя Маза как культурное на-

Денис Давыдов на охоте. Рис. А.Е. Андреева

следие» [6]. В ходе экспедиции у жительницы села М.И. Ивёнышевой, 1925 г.р., посчастливилось записать очень интересную легенду о Денисе Давыдове и оборотне.

...Дело по весне, на самой вербной неделе вышло. Ростополь уж началась. Кругом одни бакалды да лывины были, хоть балакайся. Посадил Денис Василеч на бережку Мазки малые вётла и на охоту удумал, на тетёрок, значит. Собак не взял, шоб не взбулгачили дичь. Сунул барин в ташку опальш, вскочил на коня любимого, и токо видели его. Не впервой ему!

М.И. Ивёнышева у своего дома (1903 г. постройки). Село Верхняя Маза, ул. Дениса Давыдова, д. 94. 2008

За мазарками и встретился он с лохматым оборотнем. Волчище – во-о-о! Шерсть лоснится вся, клыки во стороны торчат, глаза адским светом горят. Барин ружьецо вскинул, а оно, как запирка от ворот, не стреляет, а только «пуфф»! Прут прутом! Им токо землю под ногами брылять! А злодей окаанный хоть бы хны, ни с места, дуется, огромным делается, будто бык-полуторник. Герой наш тут первый раз в жизни опешил. Чуть с коня не съярашился. Волк на него пялится, зубы скалит, вот вот махнёт и в горло уцепится. А Денис Василеч тут возьми да в злодея глазами упёрся. Они у него будто угли самоварные, льдину пробуравят. Волк хвост-то и поджал.

Не волк, не тварь лесная, а лихой человек это был. Побёг шеметом через Мазку в Атмалу, живей шкуру менять...

Словарь диалектных и просторечных слов:

Вербная неделя – неделя до Пасхи.

Ростополь – оттепель.

Бакалды да лывины – ямины, углубления в почве, заполненные вешней или дождевой водой.

Балакаться – играть в воде, брызгаться.

Не взбулгачить – не потревожить.

Ташка – гусарская кожаная сумка.

Опальш – лепёшка, испечённая на пыли.

Мазарки – кладбище.

Запирка – деревянный затвор.

Брылять – разбрасывать.

Бык-полуторник – в возрасте от года до двух лет.

Съярашиться – упасть.

Шеметом – быстро, без задержки.

Мазка – речка.

Атмала – покрытая лесом возвышенность в окрестностях Верхней Мазы.

Денис Давыдов. Последний год. Худ. С. Клёнов. 1999

Легенда о Давыдове и разбойнике Пигареве

В одном из своих писем из Верхней Мазы Д.В. Давыдов сообщил Ф.И. Толстому следующее: «У меня есть и другая охота, от которой ты, верно, не отказался бы, – гоньба за разбойниками. Здесь их довольно, и так нахальны, что не довольствуются разбоями на дорогах, а штурмуют господские дома. Я по старой партизанской привычке и за ними гоняюсь, хотя они, всех грабя, всякую мою собственность и мужиков моих собственность щадят по пословице: Corsairs attaquant corsairs ne font pas leurs affaires (с фр. «Ворон ворону глаз не выклюет». – **Авт.**). Недавно я мимо их проехал, как они говорили пастухам, в ста шагах, искавши их, но они спрятались, и я не мог их увидеть в лесу и в ужасных оврагах; а то была бы схватка, которая напомнила бы мне старинное партизанское удалство мое!» [7].

Эта же «разбойничья тема» в период жизни в Верхней Мазе возникает и в письме, написанном Денисом Васильевичем жене Софье Николаевне в Мазу 28 января из Москвы:

«Сегодня ровно неделя, как я в Москве <...>. Начиная не совсем скучать, но прискучивать, и как подумаю о Мазе, то так сердце и обольется же-

ланием быть с тобою и с детьми. Вообрази, мой друг, что здесь я никого не встречаю – да, именно никого, чтобы не спрашивал меня, как я воевал с разбойниками. Здесь пронесся некогда слух, и многие по сие время уверены в том, что разбойников было множество и что будто туда двинуты были войска и что я был назначен Имянным повелением начальствовать этими войсками. Что я гонялся за разбойниками и что будто получил от них письмо, в котором было написано, чтобы я их оставил в покое, потому что они знают партизанское дело не менее меня, ибо я проезжал мимо их в 10 шагах несколько раз и не видал их – а они меня всегда видят и пр. и пр. Бесподобные бредни... Мочи нет, как все начинает приедаться! Все те же люди, и, кроме моих кровных, все преутомительные для меня! Теперь эта толпа, как китайские тени, прошла мимо меня, позабыв меня довольно – теперь уже почти мне надоела. Толи дело Маза и Мазинская жизнь моя» [8].

Действительно, в семье Давыдовых из поколения в поколение передавалась такая легенда о разбойнике Пигареве и Давыдове. Вот так её пересказала в своих «Воспоминаниях» внука Дениса Васильевича – Софья Николаевна Буторова, до 55 лет, то есть до самой революции 1917 года, жившая в своем хуторе Вязовое при селе Верхняя Маза.

Атмала. Худ. А.Е. Андреев. Бумага, акварель

...Однажды в Атмалах (лес, принадлежащий тогда Мазе) появился разбойник по имени Пигарев. Он делал набеги на сёла и помещичьи усадьбы, но ни разу не тронул мазинских крестьян. А если останавливал посланных Денисом Васильевичем с поручением в город, то велел низко кланяться

генералу и передать ему преданность и уважение. Однако жалобы соседних помещиков и крестьян надоели Давыдову. Он собрал своё село и поехал облавою в Атмалы ловить разбойника, но весь день проездил пусто – никого не нашёл и вернулся ни чем. Но вечером получил «подмётное письмо» (тайно подкинутае письмо), в котором Пигарев в очень почтительных выражениях сообщал, что «пока Ваше Превосходительство меня искать в Атмалах, я был в Дубровке (тоже лес около Мазы, только на противоположной стороне). И видел, как вы изволили съезжать с мазинского двора на арабском кабардинце. А в прошлое воскресенье я удостоился чести молиться в храме Божиим, стоя недалеко от Вас». Всё это извело Дениса Васильевича, и он просил разрешения изловить войсками. Пигарев понял, что тут шутки плохи, и бежал неизвестно куда, зарыв, по преданию, клад на вершине Белой горы в Атмалах. Туда с тех пор много народу ходило рыть клад, но ничего не нашли» [9].

Герой-поэт на берегу Мазки. Худ. А.Е. Андреев. Холст, масло. 1984 г. Верхнемазинский сельский дом культуры

Эти народные предания и легенды о жизни героя-поэта Дениса Давыдова, безусловно, являются бесценным культурным наследием. Они носят локальный характер: всего о нескольких деталях жизни этой исторической и творческой личности в маленьком селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. И в некоторых из них чувствуются следы литературной мистификации. Но независимо от этого, также от их социально-бытового характера, они помогают ярче увидеть живую натуру героя войны 1812 года, особенности эпохи, в которой он жил. Эти маленькие повествования отражают не только характер Д.В. Давыдова – в них и нравственные идеалы, и социальные чаяния, и творческая фантазия самого народа.

Литература и источники

1. Задонский Н. Верхняя Маза // Ульяновская правда. 1944. 14 июня.
2. Задонский Н.А. Денис Давыдов. Историческая хроника. Куйбышев: Кн. Издательство, 1888. С. 456-458, 710.
3. Русская старина. 1891. Т. LXXI. Вып. 7-9. С. 375
4. Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю

1. П.А. Вяземскому. СПб, 1917. С. 30.
2. РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-1 об.
3. Возвращение к истокам: сборник / автор-сост. С.С. Узбекова. Ульяновск: УлГТУ, 2012. С. 118-125
4. РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 34 об.
5. РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 67. Л. 25-26.
6. Буторова С.Н. Мои воспоминания. 1962 – 1917. Париж, 1999. С. 7.

75
ПОБЕДА!
1945–2020

Анатолий ЖУКОВ (1931 – 2013), известный советский писатель.

Многие произведения автор посвятил своей малой родине – Мелекесскому району Ульяновской области. После окончания Литературного института им. Горького А.Н. Жуков остался жить и работать в Москве. Но никогда не терял связи с родными краями, горячо интересовался жизнью земляков.

Автор более 20 книг: «Надежда», «Последняя шутка Гуляева», «Дом для внука», «Осенний крик журавлей», «Были Заволжья» и др. Лауреат литературной премии Союза писателей СССР (1979) и Международной премии им. М.А. Шолохова. Член Союза писателей СССР (с 1972) и России.

ЧЁРНАЯ И БЕЛАЯ

*Посвящается Валентине Малиновой,
прекрасной моей сестре*

Человеческие имена, как и всякие названия, давно потеряли первоначальный смысл и остались просто условными обозначениями, номинальными «видами на жительство» того или иного лица. Действительная их сущность не соотносится с реалиями личности, не принимается во внимание. Да и трудно это принять, поскольку имена даются не взрослым, сформировавшимся людям, а существам, не имеющим почти ничего определённого.

Я листаю книжку русских имён, в которой даётся краткое описание их нарицательного значения, и, конечно же, ищу своё имя и имена близких родственников. Очень произвольно они выбраны, пожалуй, даже бездумно.

Анатолий – это восточный, житель Анатолии, которой я никогда не видел. Мой добродушный отец (Николай – «победитель народов»!) тоже не был там, разве что читал, а мать (Александра – «мужественная, защитница людей») по неграмотности совсем не знала о существовании Малой Азии. Вряд ли и мечтали они, простые русские крестьяне, о ней, вряд ли чувствовали какое-то тяготе-

ние к Востоку. Имя они выбрали по моде того времени – среди моих сверстников много Анатолиев, – а где истоки моды, бог ведаёт. У меня нет никакого желания их отыскивать.

В детстве я спрашивал отца, почему я родился, и он мне просто объяснил, что, когда отец и мать любят друг друга, у них рождаются дети, тоже любимые ими. Очень просто и понятно. Одно меня смущало: почему они решили, что меня лучше называть Толей, а не Петей или Ваней? Но и эту загадку отец разрешил легко: Иван и Пётр – старые русские имена, а я родился при новой, молодой жизни, вот они и выбрали мне такое имя. Сами назвали. И это имя мне очень даже подходит, потому что я смуглый. Вот если бы я был светлым, говорил отец, тогда можно бы, пожалуй, дать мне и старое имя: мы, славяне, всегда были светлыми, русыми, с голубыми глазами, а потом замутились от чёрных монголов и от других разных бед.

Про монголов я не понял и в разные беды, от которых изменяются глаза и темнеют волосы, не поверил, и тогда отец рассказал о своей бабушке (а может, о прабабушке), которая была типичной славяночкой.

Белокурой она была, синеглазой, в молодости носила длинные косы, одевалась в цветной расширенный сарафан и любила петь песни. Румяная была, крепкая, весёлая баба. Бабушка. Или прабабушка.

А дед (или прадед?) уже «замутился», смуглый был, скуластый, и дети у них рождались то светло-волосые, то чёрные, как цыганята. Потомство этих детей больше пошло в смуглость, потому что рождалось оно в степных наших заволжских краях, где на каждые два года урожайных приходился один недород, а один – совсем голодный год. А беды, они ведь не проходят бесследно, рассказывал мне отец, вот и потемнели твои родственники, славянский корень в глубину ушёл, от засухи схоронился – чтобы выжить. Если выживет, то погонит опять вверх те родные, светлые соки, и опять всё станет на своё место, как было раньше.

– А если не выживет? – спрашивал я.

– Выживет, – говорил отец. – Но случается, и не выживают. Вот у нас на огороде хороший, крепенький рос кустик от старого пенька, а потом ударило два засушливых года подряд, он и засох. Верхние, молодые корни у него влаги не получали, а основной корень ушёл очень глубоко, мёртвую землю достал и в ней погиб.

– Зоенька у нас светлая была, волосы пушистые, а глаза синие, большие. – Мать вытирала свои непроглядно-чёрные повлажневшие глаза и глубоко вздыхала. – Теперь бы помощница мне...

Зоенька была первым и особенно любимым ребёнком у моих родителей, но родилась она слабенькой и через несколько месяцев померла. Часто вспоминая и жалея её, отец и мать согласно признавали, что они сами виноваты в том, что она родилась слабенькой: больно уж они переживали тогда, по своей темноте боялись колхозов, о которых в захолустной Хмельёвке ходили самые страшные слухи – и есть-то заставят из одного котла, и спать-то положат под общим одеялом, и детей-то отберут, чтобы содержать их гуртом в садах и детских яслях...

Садов в степной Хмельёвке от века не было, и не

Анатолий Жуков с сестрой Валентиной

верилось, что они когда-нибудь появятся, а яслями у нас называют кормушки для скота. Других не знали. Извечная крестьянская жизнь, хоть и трудная, голодная, однако привычная, переделывалась наново, с самых основ, с глубинных её корней, поэтому дело тут не столько в слухах, которые распространялись мироедами, сколько в том, что им верили, этим слухам, люди, всю жизнь бившиеся за кусок хлеба. Верили потому, что не знали, как оно там повернётся, какая установится жизнь в незнакомом этом колхозе.

Отец с улыбкой передавал тогдашние страхи своих односельчан и весело смеялся над собой и особенно над матерью, которая так боялась за судьбу ещё не родившегося ребёнка, будто наступал конец света. Если бы не эти переживания, Зоя родилась бы крепкой. И уверенно обещал:

– Родится ещё такая. Или такой. Жизнь теперь пришла сытая, прочная, беспокоиться нам нечего – и, значит, родится.

Я листаю книжку русских имен, ищу и нахожу: Зоя означает «жизнь». Архейская эра, протерозойская, палеозойская, мезозойская, кайнозойская – в последних четырех названиях геологических эр лежит корень з о я – жизнь. Отец с его церковноприходской школой едва ли знал это, мать совсем не имеет об этом понятия, и, следовательно, имя первой своей дочери они выбрали произвольно, руководствуясь какими-то своими соображениями.

– Мама, почему вы первую дочь назвали Зоей?

Мать сидит со мной на диване и вяжет шерстяные носки. Она приехала понаведать меня, провела, в чем я хожу, и решительно забрала тонкие «машинные» носки, в которых «ни сугреву, ни покою». Вот она свяжет мне свои, деревенские, тогда всю зиму проживу беспечно: ноги как в печурке будут, тёплые всегда, сухие.

– Красивая она была, – отвечает мать со вздохом. – Как Валентина. И глаза у неё такие же были, и волосы, и весь облик пригожий, ясный.

Валентина – по книжке, «здоровая, сильная, крепкая» – моя младшая сестра. Она действительно красива, но она черноволоса, смугла, а Зоя была светлой, белокурой.

– Нет, она стала бы красивше Вали, – говорит мать. – Глаза у неё были синие-синие, как небушко после дождя, а волосы белые, льняные... Виновата я

перед ней, покойной, и Валька тоже виновата – всегда её забивала.

Мать говорит уже не о первой Зое – первую она почти забыла, – а о последней, вместе с которой родилась Валентина. Родилась она слабенькой, плаксивой – это я хорошо помню. Мне было десять лет, и, как старший ребёнок в семье, я присматривал за младшими, был им нянькой. Может, поэтому мне и запали так глубоко разговоры отца и матери о первой Зое, моей старшей сестре, которой я не видел. Будь она жива, детство моё не прошло бы за лямками зыбки, в которой поочередно качались все мои сестры: Тося, Валя, Зоя, Люда. Впрочем, Зоя качалась недолго, она умерла через восемь месяцев после рождения, и в смерти её повинна мать. Так считает она сама, она убеждена в этом, хотя я и не вижу её вины...

Близнецы родились у нас в июле сорок первого года, когда много мужиков из нашей деревни уже было взято на фронт, а отец, оставленный по брони как механизатор, ждал повестки со дня на день.

– Я настояла тогда, чтобы назвать Зоей, – говорит мать и, положив вязанье в колени, крестится. – Господи, прости меня, грешную, неразумную, прости и помилуй!.. Что, думаю, делать с вами, с пятерыми, когда останусь одна? Отец против был, ругал меня, но я всё равно настояла и назвала Зоей, чтобы умерла. Поверье такое есть: назовёшь младенца именем своего умершего ребёнка – и младенец тоже умрёт. А она была точь-в-точь первая наша Зоя – белая, полная, синеглазая. В больнице взвешивали их сразу после рождения: Зоя вышла на пять фунтов, а Валя только на четыре. И тощая Валька была, чумазая, никудышная. Я, грешница, хотела её назвать Зоей, но ведь она была не похожа на ту Зою и могла выжить, а я боялась за вас – не хватит сил у меня вас вырастить, у одной-то, вот и назвала бленькую: пусть уж младенцем Бог приберёт, пусть ничего она не узнает. Будто и не было...

«Будто и не было». А сама глядела на неё, обречённую, покаянными, тревожными глазами, плакала по ночам, когда переворачивала их, лежащих рядышком, голова к голове, чёрную и белую, и когда прибегала с поля или фермы кормить грудью, первой брала Зою – торопливо ощупывала её, оглядывала всю и успокоенно поправляла ниточки у запястий белых ручек, повязанные для того, чтобы девочку не «сглазили». И выпытывала у меня, не плакала ли Зоя, не обижала ли её Валя, не убежал ли я на улицу, оставив их на попечение восьмилетнего брата и четырёхлетней сестры.

На улицу я, конечно, убежал, когда близнецы засыпали, но ненадолго и безоглядному веселью своих сверстников не предавался – всегда помнил, что дома остались крикливая Валька, которая способна орать сутками, и молчаливая Зоя, встречающая меня после отлучки взглядом сочувствия и упрёка. Я стыдился этого взгляда, отводил виноватые глаза.

Спокойная Зоя никогда не плакала, не кричала. Даже когда она болела и её светлые льняные волосы прилипали к вспотевшему лбу, она только тихо стонала и глядела осмысленно, терпеливыми, страдающими глазами. Позже, став взрослым, я заметил, что так глядят глухонемые или тяжелобольные, умирающие люди, лишённые речи. Они всё понимают,

они давно поняли, что обречены, но сказать этого не имеют возможности.

А Валька орала по всякому поводу: и когда она мокрая, и когда хотела есть, и когда болел животик, и, захлёбываясь криком, кусала матери грудь, требуя больше молока. А если нажёванную хлебную соску в марле она высасывала всю, так что во рту у неё оставалась одна марля, она выталкивала её, протягивала ручонку к лежащей рядом сестре и вырывала у неё соску, чтобы тотчас сунуть себе в рот. И глаза при этом у неё ничего не выражали, блестили только ярче, как у голодного животного при виде пищи.

Зоя не плакала в таких случаях, когда они оставались одни: я встречал только её укорчивый и прощающий взгляд, а следов слёз не было заметно. Но если при таком насильственном изъятии пищи присутствовали мать, отец или кто-то из нас, старших детей, и мы видели, как Валька вырвала у неё соску, не помешав свершиться жестокой несправедливости, небесные глаза Зои заплывали, и две крупные слёзы ползли по вискам и прожигали на подушке тёмные, долго не просыхающие пятна. А лицо оставалось спокойным – ни гримасы на нём, ни морщинки, даже губы не дрогнули. Лишь глаза, почти немигающие, глубокие, осенённые пушистыми ресницами, спрашивают с недоумением и обидой: «Неужели вы не видели, что она сделала? Почему вы допускаете это?!»

До сих пор я не знаю, откуда у грудного ребенка могла быть такая осмысленность, даже взрослость взгляда. У Вали глаза были как лакированные чёрные пуговицы, и у других, у моих уже детей такие же бессмысленные в этом возрасте, и у прочих, каких я вижу ежедневно у своего многолюдного коммунального дома. А Зоя будто знала, что обречена, и вот глядела на нас, хотела понять, почему она принесена в жертву, почему именно она, которая никого не обижает, не плачет, когда ей голодно или больно, и всех нас любит.

А она любила нас – в этом я уверен. Уже через несколько месяцев после рождения она различала всех, улыбалась каждому приветливо и радовалась отцу, когда он брал её на руки. А отец редко бывал дома, летом и осенью сутками пропадал в поле, зимой уехал на ремонт тракторов и возвращался домой только по воскресеньям, чтобы помыться в бане. Но она, видно, знала его, если радовалась, лицо её прямо-таки светилось от улыбки, от счастья; она приникала к отцу, хватала его дрожащими ручонками, и глаза её, взрослые, жившие как бы отдельно глаза, уже не укоряли, а с робкой надеждой спрашивали: «А может, обойдётся? А может, и не надо мне умирать?»

Отец тетёшкал её, подымал к потолку, но потом не выдерживал её вопросительной улыбки и отдавал матери или мне. «Умрёт, – говорил он. – Первая Зоя тоже так глядела».

Он был чуткий, мой отец, и если он говорил при нас так, то лишь потому, что не мог простить себе слабости, не мог в своё время настоять, чтобы девочку назвали другим именем. И, наверно, хотел напомнить маме, а может, и нам, старшим детям, – чтобы знали, чувствовали серьёзность жертвы, приносимой только ради нас. Да, это было жестоко, но мы уже знали, для чего бленькую девочку назвали

Зоей, мать сама проговорила, терзая себя раскаянием, и отцу ничего не оставалось делать, кроме как объяснить и смягчить общую их вину. Мы поняли это и ни в чём не обвиняли своих родителей.

Война была и в глухой нашей деревушке, за тысячу километров от фронта. Некоторые солдатики уже получили похоронные на своих кормильцев, отпали как-то сами собой выходные дни, хлеб с начала сорок второго года нам стали выдавать по карточкам.

Будь мы колхозниками, у нас, возможно, остались бы какие-то хлебные запасы на первый год, но мы уже привыкли к положению совхозного рабочего с его ежемесячной зарплатой, свежим хлебом из пекарни, продуктами из магазина, и карточная система, особенно для многодетных семей, оказалась тяжкой.

Я и сейчас помню, как тонко нарезала мать хлеб, какие маленькие ломтики – по одному на каждого – оставляла нам, уходя на работу. И хотя мы только позавтракали, ломтики эти притягивали нас, мы нетерпеливо провожали мать до двери, и, едва она уходила, хлеб как-то сам собой исчезал, кроме двух ломтиков – для Зои и для Вали.

Этот хлеб был неприкосновенным и находился под моей личной ответственностью. Я до сих пор, будто подвигом, горжусь тем, что, нажёвывая близнецам соски, ни разу не проглотил ни крошки хлеба. Правда, я и не мог этого сделать: брат Шурка и сестра Тоська ревниво за мной следили. Они ведь тоже могли нажевать соски, Тося даже просила доверить ей и клялась, что есть совсем не хочется, только поддержать хлеб во рту хочется, но рисковать я не мог, и брат меня в этом поддерживал.

Следили мы и за Валькой: она быстро справлялась со своей в марлю завёрнутой долей и начинала кричать – верный сигнал её недобрых намерений, которые мы тут же пресекали.

Близнецы росли в равных условиях. Зое даже уделялось больше внимания, но уже через несколько месяцев четырёхфунтовая Валя сравнялась с ней, окрепла и стала уверенно обгонять. Она росла жадно, напористо, ей было тесно вдвоём в качающейся зыбке, она стремилась занять больше места, отталкивала сестру и хваталась ручонками за борт, чтобы встать. В полгода она садилась сама и пробовала подняться на ноги, подтягивалась на ляжках зыбки, норовя выбраться совсем. Её жизненная цепкость, дерзость, уверенность были поразительны. Мы и любовались ею, и сердились на неё: она совсем не замечала Зои, не считалась с ней, будто её и не было, а была она одна, Валя, и о ней, только о ней мы должны были заботиться. Такая нахалюга.

А Зоя – таяла. Медленно, трепетно, безнадежно. Как тоненький светец излучины, который мать зажигала среди ночи, вставая к близнецам. Она вроде и не болела сильно, не чаще Вали болела, она именно таяла, безмолвно, невозвратно. Только последние два дня, видимо, не в силах сдержать своих страданий, она тяжело стонала, и белое лицо её, размякшее, жаркое, покрывали мелкие пшенички пота. А глаза будто просили прощения – за эти стоны, за хлопоты возле неё, за тревожную нашу озабоченность.

Она угасла в одну из февральских вьюжных

ночей нестерпимо холодной военной зимы. Самой первой, самой жестокой. Мы по колена увязали в снегу и растирали обжигаемые стужей лица, когда шли за её маленьким, как зыбка, гробом.

Овражистую нашу степь уже давно похоронили обильные снегопады, сугробы намело почти до крыш, а метельный пронизывающий ветер всё не утихал, всё резвился и выл на бескрайней белой равнине.

– Вот и слава Богу: увидел, прибрал к себе, – шептала баба у могилы, истово крестясь. – Теперь ей полегше будет, Лександре-то.

– Полегше. Вот бы и вторую-то... спаситель наш...

– Типун тебе на язык – «вторую»! О своих вспомни!

– О своих и думаю...

Перочинным ножиком я вырезал на кресте краткое: «Здесь лежит Зоя, от роду восемь месяцев, мир праху её». А мать, глотая слёзы, уже торопилась домой, где орала совсем осатаневшая за эти дни Валька.

Теперь она осталась одна в двухместной зыбке, и обе материнские груди принадлежали ей одной, но молоко у матери иссякло в это время, а двухместная зыбка оказалась непривычно просторной и холодной, потому что рядом не было спокойной, греющей её сестры. Валька кричала, каталась от одного борта зыбки к другому, комкала ногами пелёнки и одеяльце, и успокоить её не было никакой возможности. Хлебной соски и той не было.

Долгие февральские вьюги перемели дороги, пекарня в совхозе не работала – не было дров, – и по карточкам вместо хлеба выдали муку. С учётом сорокапроцентного припёка, то есть почти наполовину меньше. Мать варила затируху с картошкой и, уходя на работу, ничего нам не оставляла. Мы терпеливо ждали обеда, мы привыкли к таким ожиданиям, но приучить Вальку не могли.

Совсем отчаявшись от её крика, от того, что в школу опять придётся идти, не выучив уроков, я хватал щепоть муки из кастрюли и бросал в распнутый звенящий рот сестры.

Мгновенно смолкнув, Валька изумлённо глядела на меня, вытаращив глаза, – «Ага, соображать начинаешь, негодница!» – кашляла, пыхая в меня мукой, потом начинала жевать белыми губами, шевелить приклеенным языком, облизываться. И затихла на время.

Такие смирительные операции потребовали бы много муки, но Вальке они, к счастью, не понравились, и через несколько дней, к общей нашей радости, она перестала кричать. Возможно, ещё и потому, что уже привыкла к своему одиночному проживанию в зыбке, а может, от сытости: у матери опять восстановилось молоко – и Валька теперь опустошала обе груди. Но всё же я думаю, что мука тоже сыграла свою положительную роль. Во всяком случае, Валя окончательно освободилась от своей воинственной плаксивости и выросла здоровой и крепкой, оправдав имя, данное ей при рождении.

Несколько лет назад я был у неё на свадьбе. Валя окончила институт и осталась работать в городе. Мать, так и не дождавшись с войны отца, продала нашу опустевшую избу и переехала к ней.

На свадьбе мать сидела рядом с Валей и поглядывала на незнакомых гостей с гордостью богатой хозяйки: вот, мол, какую я дочь вырастила – красавица!

А городские гости гордились своим женихом и тоже не сводили глаз с невесты. Даже я, знающий сестру с пелёнок, глядел на неё с изумлением: когда только она успела так расцвести, эта черномазая чертовка! Сидит в белом воздушном наряде, смуглая, раздурманенная, а большие цыганские глаза, скошенные на такого спокойно-надежного жениха, счастливо хлопают лопушистыми ресницами. Вот же, выбрала себе мужа почему-то не чёрного, а белого, с голубыми глазами. Или он её выбрал, белый – чёрную. По контрасту, что ли? Или сердце так подсказало?

О женихе я знал, что он рано остался без родителей, детство было сиротским, детдомовским, потом он пошёл «в люди», учился и работал, работал и учился и вот стал добрым специалистом, инженером в строительной организации. Он любит книги, стихи, увлекается живописью и фотографией, обещает стать хорошим семьянином.

Гости глядят на них, влюблённых и счастливых, улыбаются и, опрокинув рюмки, с воодушевлением кричат «горько!». Им приятно смотреть, как целуются молодые, и кричат они после каждой рюмки весь долгий праздничный вечер.

Радостная была, весёлая свадьба.

Год спустя счастливые сестра и зять поздравили меня с племянником и сообщили, что он смуглый, черноглазый и черноволосый, имя ему – Олег, что означает «святой». Олег Александрович.

Приятная эта весть была дорогой ещё и потому, что грамотные родители сознательно выбрали своему ребёнку имя, хотя я и не вижу тут прямого смысла. Святой, святость – до этого ли нам, людям атомного, космического века! Впрочем, возможно, что если не святости, то сердечности, бережности отношений к миру и друг к другу нам порой и не хватает. Но восполним ли мы этот недостаток, вы-

ражая свои надежды в именах родных детей? Ведь первоначальное значение именам – как заклинание, как молитвенную просьбу о будущем – придали наши предки, которые завещали исполнение своих желаний детям, не добившись этого сами. Теперь мы возвращаемся к тому же на новом уровне, хотя для нас человеческие имена давно потеряли первоначальный смысл и остались просто условными обозначениями того или иного лица. Чёрное оно или белое – не важно.

Я люблю своих сестёр, радуюсь их молодой свежести, горжусь их уверенной смуглой красотой. И всё чаще и чаще думаю о Зое, белокурой и синеглазой, которой не суждено было вырасти. И первой Зое. И второй. Первая была бы теперь старше меня, советчицей была бы, другом.

Мама сидит на диване со мной, вяжет носки к зиме и не вытирает тихих, безмолвных слёз, которые бегут и бегут по её щекам. Вот так, наверное, древние люди мучились, принося в жертву неведомому богу лучших своих детей.

И видятся мне распахнутые синие глаза на белом лице, пушистые завитки волос на висках и на лбу и русая коса, опустившаяся до пояса. Потрогать бы её, ощутить тугую тяжесть родных волос.

Но у меня не рождаются такие девочки. И у брата моего тоже. И у сестёр. Смуглые рождаются, темноволосые дети.

Неужели в глубинах нашей родовой сущности не осталось больше наследственных почек, изначальных, первых, из которых выходили бы синеглазые девушки и парни? Неужели эти две Зои были последними?

Я хочу как-то возвратить принесенных в жертву, воскресить их в новом поколении, загладить незабываемую вину ни в чём не виноватой моей матери. Горькая ты моя, бедная мама!

Я с завистью гляжу на белокурых и голубоглазых парней и девушек, гляжу на них с трепетной любовью и нежностью, и давняя боль невозвратимой потери бьётся во мне.

ДО САМОГО НЕБА

21 февраля 2013 года оборвалась жизнь большого русского писателя Анатолия Николаевича Жукова. Когда-то его произведения издавались миллионными тиражами. Широкую известность получили романы «Дом для внука», «Судить Адама!», «Были Заволжья». По роману «Судить Адама!» был снят художественный фильм «Повод».

В советское время Анатолий Николаевич заведовал отделом прозы журнала «Новый мир», был директором издательства «Советский писатель», руководителем Международного сообщества писательских союзов.

С Анатолием Жуковым я познакомилась в 2004 году, и вскоре наше общение переросло в теплую дружбу. Он очень скучал по родине, Мелекесскому району, селу Новая Хмелевка, где прошли детство и юность и началась трудовая деятельность. Во время войны десятилетним мальчишкой Жуков работал на тракторе, позже стал пробовать свои силы как корреспондент районной газеты.

Это был удивительно добрый, сердечный человек, любящий людей, своих земляков. Эти качества уживались с прекрасным чувством юмора, умением мгновенно создать сатирический этюд и точно охарактеризовать жизненную ситуацию. От его зоркого писательского взгляда не ускользала ни одна значимая деталь. Неудивительно, что произведения Анатолия Жукова отличаются сочным афористичным языком и остроумием. Мир его книг – притягательно живой, чувственный, сильный.

Будучи тяжело больным, Анатолий Николаевич продолжал работать. Горькие думы не отпускали ни днем ни ночью. Настроение писателя, его душевное состояние легко понять по названиям последних книг: «В летаргическом сне», «Летальный исход», «Позади будущее», «Как жить, Егорыч?».

Я была свидетелем того, как он, не жалея сил, готовил к изданию свои дневники. На его кухонном столе были разложены рукописи, дневниковые записи, тетради разных лет. «Тут – вся правда 90-х годов о крушении страны, – объяснил писатель, – об

На родине. А.Н. Жуков (справа) с другом поэтом-фронтовиком Е.С. Лариным, 1982 г.

уничтожении издательства «Советский писатель», о разорении Союза писателей».

Из этих записей он успел собрать двухтомник «Так и живём». Большую ценность для нас, его земляков, представляет последняя книга Жукова: «Неслучайные встречи». Сюда вошли очерки о дорогих людях: Николае Благове, Станиславе Романовском, Борисе Примерове, Евгении Ларине, Николае Рубцове, Юрии Кузнецове, Александре Проханове и многих других известных писателях XX века.

Горькие предчувствия Анатолия Жукова о будущем русской литературы оправдались: уходят в небытие имена русских-советских классиков – их потихоньку вытесняет псевдолитература. И все-таки мы должны сохранить книги Анатолия Жукова на библиотечных полках, ведь от того, как мы расставим читательские приоритеты, зависит духовное и физическое здоровье нации.

Ольга ШЕЙПАК

Анатолий Жуков о малой родине

Я живу в середине России, на берегу родной Волги, где ясными летними утрами угадываются за дрожащей чертой окоема голубые Жигули.

Волга здесь безбрежна. До самого неба расплеснула вдоль, размахнула виширь зеркальные свои воды, глядятся в них пышные груды облаков, бегут, звонко перекликаются белые теплоходы, тяжелые синие тучи добирают здесь животворные силы и грузные, как баржи, плывут в безлесные степи Заволжья с грозой и ливнем.

Буйно красив, богат, щедр бесконечный и безначальный этот мир. От малой травинки в каплях утренней росы до вечерней звезды, дрожащей, далекой, живет он во мне и пульсирует в каждой клеточке моего тела, в каждой жилке. Целый громадный мир – во мне! И я, всему открытый, каждодневно смертный, один в этом мире. Неужели один? И неужели только потому, что все люди временны и каждый рождается и умирает в одиночку? Пусть так. Но вокруг меня, рядом со мной живут прекрасные, неповторимые, удивительные люди...

Алина ОСОКИНА, прозаик, лауреат конкурса «Первая роса». На Всероссийском совещании молодых писателей в феврале 2020 года принята в Союз писателей России.

НЕЖНОСТЬ

Рассказ

Жил в нашем подъезде ветеран дядя Боря. Был он маленьким, седым и горбатым. Его вечно прищуренные глаза сверкали какой-то хитринкой, как будто знал он что-то такое, чего другим знать было не положено.

Всю жизнь дядя Боря проработал на нашей текстильной фабрике. «Хотел, ребята, стать моряком, а стал тряпичником», – часто говорил он нам и совсем не по-моряцки доставал портсигар и закуривал «Приму». В начале девяностых фабрика наша задышала на ладан, и дядя Боря ушёл на пенсию. Пенсионером он был вполне обычным, можно даже сказать образцовым: разгадывал кроссворды, летом копался в огорожке за домом, зимой рыбачил на заливе, иногда скандалил с ЖЭКом и местными бабушками.

Жил дядя Боря один, жену свою он давно похоронил, а сын его уехал в Прибалтику и навещал старика раз в год, а то и реже. Зато друзей у дяди Бори было полгорода, если не больше. А всё потому, что была у него зелёная, как майская трава, гармошка. Дядя Боря называл её «трофейной», хотя была это самая обычная наша советская «Рябинушка».

Задорный гармонист, как и хороший тамада, всегда ценился у нас не меньше драгоценного металла. Почти каждые выходные дядя Боря играл на свадьбах или юбилеях. Деньги за работу он никогда не брал, говорил, что грех талант продавать, зато выпивал и закусывал с большой охотой и отплясывал не хуже молодых. А летними вечерами, когда солнце медленно угасало, дядя Боря выходил на улицу с гармошкой. И мы всем двором распевали песни под дяди-Борин аккомпанемент.

Однажды накануне Девятого Мая в нашей школе решили организовать концерт. Пригласили ветеранов, в том числе и дядю Борю. Все ветераны пришли, что называется, при параде, с начищенными орденами и медалями. А дядя Боря явился в своём обыкновенном залатанном пиджачишке, да ещё вместо медалей приволок гармошку.

Наш хор на том концерте, едва попадая в ноты, пел, раскачиваясь из стороны в сторону, «Эх дороги». Большинство мальчишек, как обычно, только открывали рты, активно артикулируя, чтобы никто не подумал, что они забыли текст песни. Ветераны терпеливо улыбались, слушая нас, и в конце даже аплодировали. Больше всех, конечно, бил в ладоши дядя Боря. Он едва мог усидеть в кресле. Казалось, что прямо сейчас он выскочит на сцену и как заиграет да запоёт вместе с нами.

Но с нашим завучем Натальпальной такие штуки были немислимы. У неё всё должно было идти строго по сценарию: сначала номера художественной самодеятельности, потом цветы гостям. По завершении концерта Натальпална пригласила ветера-

нов на сцену для ответного слова. Те робко сжимали гвоздики и отказывались выходить. Одного дядю Борю не нужно было уговаривать. Он мигом взлетел на сцену вместе с гармошкой и, поворачиваясь то к залу, то к Натальпалне, бегло заговорил.

– Спасибо большое, что не забываете, что пригласили. И вам спасибо, – он кивнул в сторону завуча, – и вам, ребяташки, конечно.

– И вам спасибо, Борис Иванович, что нашли время прийти, – ответила Натальпална. – Вы бы рассказали нам о своей фронтовой юности.

– Да что тут рассказывать, давно это было. Я уж и не помню почти ничего, – простодушно сказал старик, почёсывая ухо.

– Ну как же, – не отступала завуч. – Мы очень хотим послушать о ваших боевых подвигах, правда, ребята?

Она обратилась к залу, который только и ждал, когда всё закончится и можно будет убежать на улицу. Ни о каких подвигах наши ребята слушать уже не хотели, да и слышали сто раз. Дядя Боря обвёл взглядом гудящий зал и совершенно серьёзно сказал:

– Да какие там подвиги. Ребята не знали войны и, дай бог, никогда не узнают. Давайте я вам лучше сыграю. Песня есть такая известная, «Нежность» называется.

Старик надел ремни на плечи и заиграл. Постепенно все успокоились, те, кто знал слова, даже начали подпевать. И только Натальпална растерянно озиралась кругом, ведь всё пошло не по плану.

Дядя Боря вдруг стал каким-то другим. Хитринки из его глаз исчезли, уступив место мрачной задумчивости. Не было прежнего задорного гармониста, который лихо играл на всех праздниках. А был старик со своими тёмными тайнами и печальями.

В конце девяностых дядю Борю убили. Говорили, что у ветеранов пенсии большие, вот Валерка-наркоман со второго этажа и повёлся. Что уж между ними произошло, одна милиция знает, да только вечером соседи обнаружили старика в его квартире с проломленной головой. Валерку быстро взяли вместе с награбленным. Всего награбленного оказалось пара мятых сторублёвок, часы с дарственной надписью от фабрики да пробитая пулей медаль.

Много лет прошло с тех пор. В дяди-Бориной квартире давно поселились новые жильцы, да и мало кто в нашем дворе знал старика. Когда слышу по радио песню «Нежность», то всегда вспоминаю дядю Борю и его зелёную гармошку. И только одного я никак не могу понять, что за незатихающую боль принёс он с войны, что приглушить её могла только нежность.

МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ. ИТОГИ СОВЕЩАНИЯ

13 – 16 февраля в г. Химки на базе Московского государственного института культуры проходило III Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России.

Программа была чрезвычайно насыщенная: круглые столы, школы для организаторов литературного процесса, презентации журналов, экспресс-лекции, большой поэтический вечер участников и мастеров и многое другое. Но всё же ключевым событием этих трех дней стали творческие семинары для молодых поэтов, прозаиков, критиков и мастеров детской литературы. Руководителями семинаров стали редакторы «толстых» литературных журналов, преподаватели Литературного института им. М. Горького, известные поэты и прозаики.

По итогам творческой программы к вступлению в Союз писателей России были рекомендованы два молодых ульяновских прозаика: Алина Осокина и Татьяна Филатова.

Председатель Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов вручает билет Алине Осокиной

Билет члена Союза писателей получает Татьяна Филатова

Участники совещания молодых литераторов

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Дворца книги – областной научной библиотеки им. В.И. Ленина

НАЗВАНЫ НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИМЕНИ НИКОЛАЯ БЛАГОВА

3 февраля в Торжественном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина состоялось награждение лауреатов III Межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова.

Церемония награждения. Премию получает Александра Белова

Ранее учреждённая в статусе областной, премия направлена на развитие писательской культуры и увековечения памяти нашего земляка поэта Николая Благова. В 2017 году при непосредственной поддержке губернатора Ульяновской области С.И. Морозова премия приобрела статус межрегиональной и стала стимулом к объединению талантливых поэтов Поволжья.

В сложной творческой борьбе лидеры были всё же определены. Талантливые поэтические строки Александры Георгиевны Беловой, проникнутые любовью к большой и малой Родине, к живописной России в таких родных и близких её проявлениях, как деревенька Лопата и зелёный город Димитровград, как три российские реки – Волга, Черемшан и Енисей, дошли до читателя и нашли отклик в его сердце. Ей досталась награда – сертификат лауреата III Межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова в размере 150 000 рублей и нагрудный знак в номинации «Земляки Благова» за сборник стихотворений «Навсегда мне Россия дана».

Непростая, горькая, но яркая биография поколения нашла отражение в поэзии Анатолия Григорьевича Гребнева, поэта, члена Союза писателей России (город Пермь), который получил награду – сертификат лауреата III Межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова в размере 150 000 рублей и нагрудный знак в номинации «Волжская пристань» за сборник избранных стихотворений и поэм «Сильнее и жизни, и смерти».

В номинации «Верность традиции» (молодому литератору) серти-

фикат лауреата III Межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова в размере 100 000 рублей и нагрудный знак лауреата достались Екатерине Огарёвой, поэту, члену Союза писателей России, члену Совета молодых литераторов Союза писателей России (город Пенза) за сборник стихотворений «Стежки и стёжки». «Для конкурсной комиссии я представила свой дебютный сборник стихов, посвященных родному Пензенскому краю, селу Старое Зёмкино. Сборник уникален тем, что в нём есть вpletение эрзянской речи – моего родного языка», – рассказала Екатерина Огарёва.

Трое лауреатов в своём ответном слове выразили благодарность Ульяновску, правительству и губернатору Ульяновской области за учреждение премии, которая носит почётное имя прекрасного поэта-волжанина Николая Благова, и за честь продолжать традиции благовского слова в своём творчестве.

Николай БЛАГОВ (1931 – 1992), русский, советский поэт, лауреат Государственной премии России.

Награждается Екатерина Огарёва

Лауреат премии им. Н.Н. Благова Анатолий Гребнев (г. Пермь)

ПРИШЛА ТЫ ИЗ ВЕСЕННЕГО ЛАЗОРЬЯ...

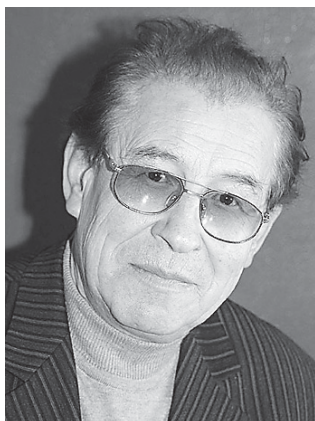
Пришла ты из весеннего лазорья
Будить и звать, как первая гроза.
Ни неба, ни степей, летящих к морю.
Нет ничего – одни твои глаза!

И веет на меня холодноватым,
Чуть приоткрытых солнцу утром щёк.
Скажи,
Что под улыбкой принесла ты –
Любовь иль просто аленький смешок?

Понять ли мне,
Когда одни глаза я
Лишь вижу – так просторны и светлы.
Какая ты – я ничего не знаю,
Не знаю ничего. Но это ты!

Все дни мои тебе навстречу рвутся,
Светлы тобою ночи сон за сном.
Я вправе, вправе к счастью прикоснуться
Всем ожидаемым, кровью, всем теплом...

И ты пришла – мой услышала голос –
Простая. Без улыбок и без слов.
И в городе, где пыль о стены тёрлась,
Вдруг задохнулось лето от цветов.

Анатолий ГРЕБНЕВ, поэт, член Союза писателей России.

Родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор поэтических сборников «Приволье» (1972), «Родословная» (1977), «Зелёный колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Храм» (1991), «Возвращение» (1991), «Колокольчика вятского эхо» (1995), «Берег родины» (2003) и др. Лауреат премии им. А. Гайдара (1980), премии Пермского края (области) в сфере культуры и искусства (1996, 2002, 2015), премии журнала «Москва» (1997), премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2004), премии им. А. Решетова (2007), премии им. Н. Заболоцкого (2008), премии им. А. Мерзлякова (2017). Заслуженный работник культуры РФ, кавалер ордена Достоевского I степени. Живёт в Перми.

В феврале 2020 года Анатолий Гребнев стал лауреатом премии им. Н.Н. Благова, был гостем Ульяновска, принял участие в церемонии награждения, которая состоялась во Дворце книги.

БЕРЁЗА, ИВОЛГА, ЗВЕЗДА...

* * *

Сыплет искры звёздный всполох
Карусельным колесом!

В сеновал,
сухой, как порох,

Бьёт огнем
Зарничный всполох!
Ты меня пустила в полог.
Неужели это сон?

Эти хлынувшие ласки
Мы не в силах превозмочь.
Будет сниться мне,
как сказка,
Удивительная ночь.

Этих звёзд июльских спелость,
Эта страсть до забвения.
И застенчивая смелость,
И отчаянность твоя...

Где меня ты целовала
В расцветающей тиши,
Нет ни дома-сеновала,
Ни деревни,
Ни души.

Там, где длится,
Не стихает
Наш сливающийся вздох,
Нежно,
Горько полыхает
Яростный чертополох!

В ДЕРЕВНЕ

В России царствует разруха,
И, к ней привычная давно,
Как Богородица, старуха
Глядит в забытое окно.

В старинных стенах прокопчённых,
Уже давным-давно одна,
Она детей своих учёных
Перебирает имена.

Ты встретишь взглядом
Лик иконный
И оправдаешься с тоской:
Не прирастает старый корень
На почве новой, городской.

Но ты приехал не затем ли,
Чтобы понять, как дальше жить?
Хмель
Так обвил
Телеантенну,
Как будто хочет задушить!

* * *

И снова Родина светла
На переломе невеликом.
Уже малина отошла,
Уже поспела ежевика.

Ещё не выкошена рожь,
Но вдруг душа прослышит
Осень
В неясном шуме сникших сплошь
Тяжёлых впрозолоть колосьев.

Ещё чиста за речкой даль,
И журавли не открывали.
Ещё покамест не печаль,
А лишь предчувствие печали.

НА БЕРЕГУ ПУСТОМ...

Виталию Богомолу

Болит моя душа в постылом
отдаленье

От материнских мест –
Уж столько лет подряд!
И вот хожу-брожу
В забытых снах деревни,
Шатаюсь по лугам

куда глаза глядят.

Стою, смотрю до слёз
На синь озёрных плёсов,
И упаду в траву,
И памятью души

Услышу перезвон весёлых сенокосов –
Вот здесь, на берегу,
Стояли шалаши!

Вот здесь, на берегу,
Я костерок затеплю,
Глаза свои смежу
И в отблесках зари
Увижу, как идут,
Идут косою цепью,
По грудь в траве
идут враскачку косари.

А вёдренный денёк
Встаёт, дымясь в росинках.
И далеко видать:
Цветасты и легки,
пестреют на лугу
платочки и косынки,
А впереди – в отрыв –
Идут фронтовики.

...Вот здесь, на берегу,
В подлунном свете тонком,
В кругу встречались мы,
забыв-избыв дела.

И краше всех в кругу
была моя девчонка,
Гармонь моя в кругу
Звончей других была!

...Как отзвук жизни той,
Которой нет успенья,
Доносит до меня, не ведая препон,
Под шелест камыша и волн
озёрных пенье,
Молитвенный распев
И колокольный звон.

И сердцем этот звон
Вдруг радостно восхитишь,
Воочью разглядишь –
до камушек на дне –
Звонит в колокола
невидимый град Китеж
И главами церквей сияет в глубине!

Там всё родное мне!
Вон мать идёт с причастья.
Вон сверстники в лапту играют
Под крыльцом.
А ближе подойди –
расслышал бы сейчас я,
О чём на пашне дед беседует с отцом.

Он только что с войны.
Он был убит под Ржевом.
И на шинели след
от пули разрывной.
Он с дедом говорит –
Дед озабочен севом.
И вот сейчас отец
обнимется со мной!

И вся деревня здесь,
И вся родня – живая!
И вот уже поёт
И плачет отчий дом!..

На берегу пустом,
лица не отрывая,
Сижу и плачу я
На берегу пустом...

НОЧЛЕГ

Дождливой ночью на глухом лугу
В потёмках мы заканчивали метку.
Отужинавши с мамой всухомятку,
Заночевали мы в своём стогу.
Она вздыхала рядом, не спала
И говорила с радостью усталой:
– Ну, вроде направляются дела, –
И под ноги мне сено подтыкала. –
Теперь Краснухе есть у нас сенцо.
Намаялся? Жидка ещё силёнка.
Эх, вот метали мы с твоим отцом...
Был годовалый ты, как похоронку...
Конечно, не запомнил ты его...
Накатывалась сладкая дремота,
Сквозь дождь
кричала чернеть на болоте.
Но я уже не слышал ничего.

* * *

Кровли родной деревушки –
Полузабытый приют.
Ласточки-береговушки
Снова над нами снуют.

Лёгкими крыльями вёсел
Ласточка-лодка взмахнёт,
Чувствуешь – снова ты сбросил
Клятого времени гнёт?

Снова гуляй как захочешь!
Снова с тобой мы одни
В эти купальские ночи,
В эти купальские дни.

Годы нас не разделили.
Разве разделишь добро –
Наших купавок и лилий
Золото и серебро?

В речке, как молодость, быстрой
Полдень бездонно высок.
Нам мать-и-мачеха листья
Стелет в прибрежный песок.

Словно не веря удачи,
Краткое счастье цена,
Как ты целуешь и плачешь,
Плачешь, целуя меня...

* * *

Нас куда-то несло и несло
По местам,
тишиною заросшим.
Позади оставалось село,
Светлый бор
и урёмные рощи.

А потом
начинались луга,

А потом
расстилались озера.
И на тормоз давила нога,
И стоял мотоцикл без надзора.

На какой-то забытой тропе,
Среди трав бесконечной отчизны,
Мир высокого полдня кипел
Миллионами крохотных жизней.

Были стебли травы горячи.
Одурь запахов в голову била.
И тесней, чем трава и лучи,
Мы в траве и в лучах этих жили.

А сегодня я съездил туда.
Там стога
и пустые озёра.
Видно, скоро придут
Холода.
Да и снег, видно, выпадет
Скоро.

БЕРЁЗА, ИВОЛГА, ЗВЕЗДА

И был я, радуясь находке,
Счастливым самым из людей,
В пропахшей сбруей конюховке
Читая клички лошадей.

Сияли в сумраке прогорклом
Слова, как детские года:
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Берёза, Иволга, Звезда.

Ах, конюх Фёдор свет Иваныч,
Меня, бездомного, согрей
И четвертинку, глядя на ночь,
За наше сретенье разлей.

Я закурю твоей махорки,
И поплывут, сменив места,
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Берёзка, Иволга, Звезда.

Смысл этих слов первоначальный
Вдруг оживёт во мне – и вот,
Вот где-то иволга печально,
Почти что плача, запоёт.

И целый мир, роня слёзы,
Поймёт ту песню, и тогда
Над соловьиною берёзой,
Дрожа, проклюнется звезда.

И где я,
Что я,
Что за сила
Меня взяла и вознесла,
И душу вечную России
В слезах почувствовать дала.

Россия!
Радостно и горько
Мне этим чувством жить всегда.
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Берёза, Иволга, Звезда.

ФРОНТОВИК

И соседи давно уж не рады –
Снова сдвинулся Ванька, дурит:
Он костёр разжигает в ограде
И кричит: «Севастополь горит!»

Урезонивать Ваньку без толку,
В этот час его лучше не тронь.
В белый свет он палит из двустволки
И орёт: «Батарея, огонь!»

Он крушит, что попало, неистов,
По команде: «В атаку! Вперёд!»
Разобьёт подчистую фашистов,
Севастополь России вернёт...

Успокойся,
Баньку истопит.
Но, друзей вспоминая, твердит:
«Севастополь родной, Севастополь...
Слышишь, друг,
Севастополь горит!»

ПАМЯТИ

ГЕННАДИЯ ЗАВОЛОКИНА

Ты сыграл бы ещё хоть
немножко
Для любимых своих
и друзей –
Под свою золотую
гармошку
Жизнь была бы куда веселей!

Под метель и под звоны капели,
Когда воздух,
как спирт, голубой,
Сколько песен с тобой мы не спели,
Сколько мы не успели с тобой!

И беда нам бывала не горе,
Когда слушали мы не дыша:
На лихие твои переборы
Отзывалась Россия-душа!

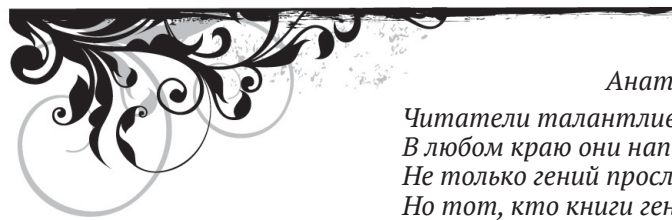
Ликовала весёлая сила!
Ты гармошкой
весёлою той
Разбудил, всколыхнув
всю Россию,
И оставил её сиротой.

И она, словно горлинка,
стонет,
О твоей сожалея судьбе.
Но поют молодые
гармони –
Эта вечная память тебе!

Стылой мглой из-за плачущих окон
Застилается свет голубой.
Заволокин ты наш,
Заволокин,
Как же мы распрощались с тобой...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Анатолию Алексеевичу Пирогову

*Читатели талантливые – редкость,
В любом краю они наперечёт.
Не только гений прославляет местность,
Но тот, кто книги гения прочтёт.*

*Кто может оценить и поделиться,
О том, чем автор ценен, рассказать.
Читателем талантливым родиться –
И щедро Дар свой людям отдавать!*

Елена КУВШИННИКОВА

ЛЮБОВЬ К КНИГЕ – ЭТО СУДЬБА

Памяти талантливого читателя и книголюбца
Анатолия Алексеевича Пирогова (1929 – 2019)

Из интервью разных лет.

– Любовь к книге – это судьба. С чего она начиналась у Вас?

– Просто много читал. Вальтера Скотта, Майна Рида. Настоящее увлечение литературой пришло не сразу.

– За долгие годы работы в Клубе книголюбов Вы выступили с множеством очень интересных сообщений. Слышала, как приглашали сходить в клуб «послушать Пирогова». Как получилось, что Вы – капитан речного флота, занялись литературоведением?

– Мне всегда было мало чисто школьных сведений о том или ином писателе. Особенно если автор был мне близок, если я чувствовал, что это не только по-настоящему великий писатель, но и интерес-

ный человек. Хотелось узнавать о таком писателе всё больше и больше.

– Назовите Ваших любимых писателей.

– Во-первых, Иван Алексеевич Бунин. Я до сих пор в плену его удивительного русского слога, не перестаю им восхищаться. Прочел о нем, кажется, все что можно. Мне близок по слогу и по духу Паустовский. Люблю даже его произведения для детей. Я бывал в местах, которые он описывал. Собственно, детство мое прошло на кордоне, в лесхозе. Когда я впервые взял в руки книги Паустовского о природе, узнал в них свои ощущения.

Позже познакомился с сотрудниками музея Паустовского в Москве, в каждой поездке узнавал новые подробности его жизни.

Капитан «Метеора-151», 1984 год

Теплоход «Комдив Гай» прибывает в первый раз в Ульяновский порт, 16 мая 1977 года

Теплоход «Александр Блок» в Ульяновском порту, 1984 год

Теплоход «Николай Карамзин» в Ульяновском порту. 30.07.2000. Был назван в ноябре 1991 г. (к 225-летию) – бывший теплоход «Советская Конституция»

На одной из встреч в клубе рассказывал о том, что мне удалось узнать о писателе. Ему ведь тоже было нелегко. Хотя, казалось бы, творил в относительно свободное время. Известно, что четвертая его книга «Повести о жизни» так и не была опубликована в «Новом мире». Запретил... Твардовский. Из-за того что лирический герой мало принимает участия в революции. Еще было одно замечание: слишком много внимания Бабелю, Багрицкому.

– На Вашей «золотой полке» еще одно имя – Николай Рубцов.

– С этим поэтом меня сдружил флот, ведь Рубцов – моряк. Чтобы ближе познакомиться с его творчеством, ездил в Вологду, встречался с людьми, которые его знали, общался с Сергеем Багровым. Об этих встречах рассказывал в Клубе книголюбов.

Еще одна трагическая фигура в нашей литературе – Блок. Я несколько лет принимал участие в Шахматовских встречах, знаком со Станиславом Лесневским, вдохновителем блоковских праздников. Однажды он настоял, чтобы я выступил на конференции по подготовке к 220-летию со дня рождения Николая Карамзина. «Не могу», – говорю, а он: «Ты должен. Как земляк, как книголюб».

Согласился. Поднял вопрос о присвоении одному из теплоходов имени Карамзина. Когда-то был такой пароход, он сгорел в годы Гражданской войны. Конференция была подготовительной. За пять лет – к 225-летию – удалось осуществить задуманное. В феврале 1991 года один из больших теплоходов – «Советская Конституция» – был переименован в теплоход «Николай Карамзин».

– Этот теплоход бывал в наших краях?

– Только однажды. К сожалению, я узнал об этом поздно. Увидел в вахтенном журнале: был, проплыл мимо «Николай Карамзин». А вообще-то этот теплоход совершает рейсы из Санкт-Петербурга в Москву.

С моей подачи были названы еще два теплохода: «Комдив Гай» и «Александр Блок».

– Чьи имена Вам хотелось бы увековечить подобным образом?

– В последние годы я много прочел о Русско-японской войне. Известно, что мирный договор между этими странами подписывал Сергей Витте. Один из министров Николая II, тот, кого свергла революция. Это был интереснейший человек своего времени. Именно он предложил построить Транссибирскую магистраль. И, предложив, сделал все, чтобы эта идея осуществилась. Не думаю, что он был врагом своей державы. Факты говорят обратное. Я не могу не уважать этого человека. Кстати, до революции на Волге был пароход «Сергей Витте». Старые ульяновцы помнят его, только под другим именем – «Новиков-Прибой». Думаю, было бы справедливо восстановить имя Витте.

– Знаю, что многим событиям в Вашей жизни Вы обязаны увлечением Паустовским. С чего все началось?

– В 1981 году я попал в музей Паустовского при одной из московских школ. Был солидарен с его организаторами в том, что в Москве должен быть

музей-центр Паустовского. Вскоре так и произошло: школьный музей получил статус государственного, литературного. В этом доме, ставшем для меня родным, я упомянул Базарный Сызган. (В «Повести о жизни» К. Паустовского есть глава, где действие происходит в 1915 году в Базарном Сызгане Симбирского уезда.) Рассказывал сотрудникам музея о своей поездке в этот районный центр, «по следам писателя», о том, что мне хотелось посмотреть на современных базарносызганцев глазами молодого Костика Паустовского. Надо ли говорить, с каким волнением сотрудники музея восприняли весть об увековечивании в Базарном Сызгане имени писателя. Только в конце 2003 года идею о библиотеке имени писателя поддержали. И за месяц до 31 мая (дня рождения писателя) 2004 года библиотека получила название «имя Паустовского». В ноябре 2005 года на здании библиотеки появилась вывеска с его именем. К этому событию в Базарный Сызган приезжали сотрудники Московского литературного музея имени К.Г. Паустовского.

– Знаю, что Вы член клуба «Золотая роза» (по названию самого известного произведения Паустовского). Это к чему-нибудь обязывает?

– Прежде всего к любви и преданности любимому писателю. В прошлые годы я не пропускал мероприятия, посвященные Паустовскому, бывал на литературных праздниках писателя.

Если же говорить об обязанности, которую готов выполнять до конца своих дней, то готов неустанно повторять всем читателям – и молодым, и зрелым людям, школьникам и учителям, всем базарносызганцам, что они – потомки тех, кого встречал, видел молодой санитар Костик Паустовский в далеком 1915 году. А потом, через многие годы, известный писатель К.Г. Паустовский сказал свое немеркнувшее слово о Базарном Сызгане – одно из самых лирических размышлений о России: «Без чувства своей страны – особенной, очень дорогой и милой в каждой ее мелочи – нет настоящего человеческого характера. Это чувство бескорыстно и наполняет нас великим интересом ко всему <...> и нет ничего худшего, чем равнодушие человека к своей стране, ее прошлому, настоящему и будущему, к ее языку, быту, к ее лесам и полям, к ее селеньям и людям, будь они гении или деревенские сапожники».

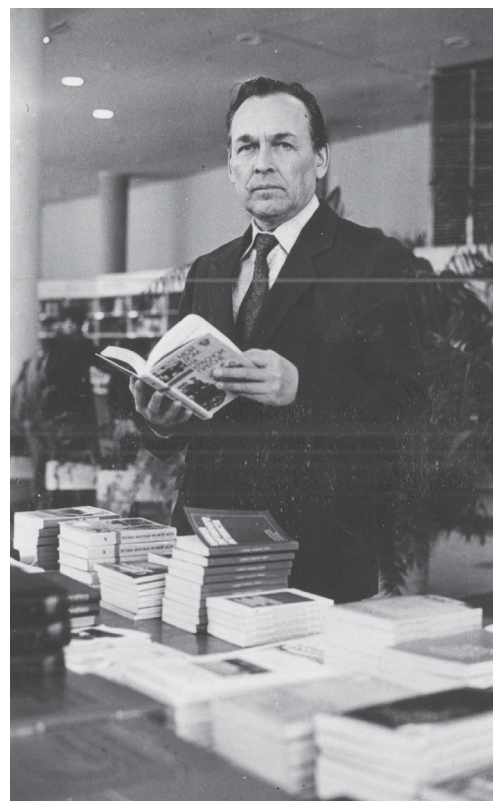
А.А. Пирогов и Вадим Константинович Паустовский (сын К.Г. Паустовского). Музей Паустовского в Москве, 27.05.83 г.

А.А. Пирогов и литературный критик, блоковед Станислав Стефанович Лесневский. с. Шахматово, 11.08.80 г.

Клуб любителей книги «Прометей». Слева на первом плане А.А. Пирогов. Справа в первом ряду Николай Яценко.

А.А. Пирогов

Красная Поляна, 09.05.80 г.
Открытие памятника погибшим в 1941 году.
Слово об отце

– «Чему бы жизнь нас не учила...» – воскликнул поэт. А чему научила жизнь Вас?

– Быть любопытным. Вспоминаю годы учебы. Было это в Горьком... Преподавали у нас очень интересные люди. Литературу – выпускница женских Бестужевских курсов. Она рассказывала нам о Неждановой, Шалыпине, Собинове. Благодаря учителю математики мы узнали много интересного об Александре Степановиче Попове. Они были знакомы. Математику преподавал бывший князь Оболенский. Один из преподавателей, помню, рассказывал, что служил на парусном флоте, участвовал в переходе из Кронштадта в Порт-Артур вместе с адмиралом Макаровым.

Детство, юность были переполнены встречами, которые сегодня стали историей. Почему-то до сих пор вспоминаю женщину, плывшую на пароходе. Она носила на груди Георгиевский крест. Почему я не расспросил ее? Еще Пушкин сказал: «Мы ленивы и нелюбопытны». Это правда. Теперь стараюсь не пропускать ничего. Интересные люди и сейчас есть.

...Вот таким интересным человеком был он, наш земляк, Анатолий Пирогов. Человек-книголюб, человек-интеллигент, человек-гражданин.

Беседовала Людмила ДЯГИЛЕВА

Наша справка:

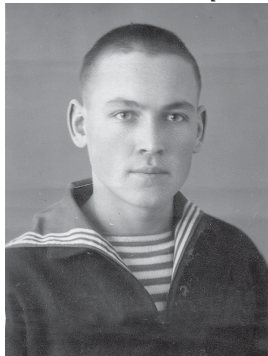
Анатолий Алексеевич Пирогов родился 10 марта 1929 года в селе Темерлик Октябрьского района Татарской АССР.

Отец – Алексей Максимович Пирогов – бухгалтер, мать – Екатерина Андреевна, многодетная мать, занималась домашним хозяйством. Отец ушёл на фронт летом 1941 года. Погиб в 1941 году при защите Москвы, на 27-м километре от неё. Ему было 33 года. У матери на руках осталось четверо детей.

В 1933 году семья А.А. Пирогова переехала в лесхоз, а в 1941 году, в связи с началом Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) вернулась в деревню.

Зимой 1944 года в связи с тяжёлым материальным положением семьи и начавшимся голодом А.А. Пирогов был вынужден бросить школу.

Летом 1944 года начал работать учётчиком-заправщиком в тракторной бригаде, а затем – счетоводом колхоза «Красная звезда».

В 1946 году А.А. Пирогов продолжил образование, был принят в седьмой класс посёлка Кирпичный Октябрьского района, после его окончания поступил в речное училище города Горький (сейчас Нижний Новгород).

В 1952 году, после окончания училища, был направлен в Волго-Донское речное пароходство судоводителем.

В 1956 году переехал в Ульяновск и с 1957 по 1991 годы работал в Ульяновском речном порту капитаном на различных судах.

С 1970 года А.А. Пирогов участвовал в работе Ульяновского городского клуба книголюбов «Прометей» в качестве заместителя председателя клуба, а впоследствии возглавил его. Вёл большую просветительскую деятельность, выступал с лекциями и беседами в библиотеках и школах, читал наизусть стихи и прозу любимых писателей.

Темы выступлений: Сергей Есенин, Александр Блок, Николай Рубцов, Иван Бунин, Константин Паустовский, поэзия военного поколения, Николай Карамзин.

Анатолий Алексеевич стал инициатором присвоения судам имён известных исторических личностей. По предложению А.А. Пирогова теплоходы получили названия «Комдив Гай», «Александр Блок», «Николай Карамзин».

А.А. Пирогов в 2002 году передал личные документы (за 1967 – 2002 гг.) в Государственный архив Ульяновской области. В настоящее время в ГАУО хранится личный фонд Анатолия Алексеевича Пирогова.

А.А. Пирогов в 2016 году награждён международным союзом любителей книги дипломом «За заслуги в развитии книжной культуры и многолетнюю просветительскую деятельность среди детей и молодёжи во имя и во славу Книги».

Анатолий Алексеевич Пирогов скончался 4 сентября 2019 года. Похоронен в Ульяновске.

Книголюб Анатолий Пирогов был частым гостем в библиотеках и музеях города, много выступал с лекциями о писателях. В последние годы насколько хватало сил приходил на литературные вечера и на открытие выставок, был благодарным слушателем.

ДРУГ МУЗЕЯ

С Анатолием Алексеевичем Пироговым мы познакомились в то время, когда он возглавлял городской клуб книголюбов «Прометей» в 1980-х годах. Меня, молодую сотрудницу Музея И.А. Гончарова, пригласили выступить на заседании клуба с лекцией о кругосветном путешествии И.А. Гончарова на фрегате «Паллада». С тех пор мы периодически встречались на заседаниях клуба интеллигенции в Центральной городской библиотеке, на различных культурных мероприятиях, он вместе с супругой был постоянным и желанным гостем на мероприятиях Музея И.А. Гончарова. Почти всегда мы находили время поговорить о том, что интересного произошло в жизни музея и в его жизни. Конечно, это были рассказы о его поездках в музей К. Паустовского, о знакомстве и общении с интересными людьми. И сам Анатолий Алексеевич был человеком незаурядным, увлечённым не только литературой, но и родной Волгой, преданным своей профессии речного капитана. Нашему музею он дарил книги, а ещё принёс фотографии и рассказал об истории парохода «Гончаров». Он всегда стремился сде-

Анатолий Алексеевич Пирогов с супругой Зинаидой Александровной. Центральная городская библиотека им. И.А. Гончарова

лать что-то полезное для музея. Анатолий Алексеевич останется в нашей памяти как интеллигентнейший, всесторонне образованный, очень порядочный и добрый человек.

Ирина Вениаминовна СМЕРНОВА,
заведующая Историко-мемориальным центром-музеем И.А. Гончарова

УМЕНИЕ ВИДЕТЬ ГЛАВНОЕ

Я благодарна Анатолию Алексеевичу за тот опыт, которым он щедро делился, сам не подозревая об этом. Встречи, которые мы проводили с ним в Аксаковке, стали для меня образцом того, как нужно рассказывать о писателях. Те, кому довелось услышать в исполнении Анатолия Алексеевича повесть К.Г. Паустовского «Золотая роза», заново открывали для себя творчество этого феноменального писателя. Почему? Чтобы понять писателя, нужно быть талантливым читателем. А.А. Пирогов был таким читателем, глубоко умевшим понимать красоту природы и красоту искусства, обаяние человеческой души и силу человеческой личности. На одной из встреч он прочитал наизусть отрывок из повести Константина Паустовского «Далёкие годы». Переписанный рукой Анатолия Алексеевича, он хранится в моём архиве. Перечитывая его, я каждый раз слышу его чуть глуховатый голос и в очередной раз удивляюсь его умению видеть главное.

Супруги Пироговы были частыми гостями Центральной городской библиотеки им. И.А. Гончарова, участниками встреч в «Клубе интеллигенции».

На фото: Р.М. Гиматдинова, В.А. Волынцев, В.А. Кувшинников, З.А. и А.А. Пироговы. 2011 год

Вот этот отрывок:

«Перед выпускным балом наш классный наставник Субоч В.Ф. сказал нам речь: – В четвертом классе я вас только терпел. В пятом я начал вас воспитывать, хотя было мало шансов сделать из вас настоящих людей. В шестом классе я с вами подружился. В седьмом – я вас полюбил, а в восьмом я начал даже вами гордиться. Я несчастный отец. У меня слишком много детей, не меньше сорока человек. К тому же через каждые несколько лет мои дети меняются. Одни уходят, другие приходят. Отсюда вывод – на мою долю выпадает в сорок раз больше огорчений, чем на долю обыкновенных родителей. И в сорок раз больше возни. Поэтому я, может быть, не всегда был одинаково внимателен ко всем. Мне грустно раставаться с вами. Я стремился сделать из вас хороших людей. Вы в свою очередь давали смысл моей жизни. Я молодец с вами. Я прощаю отныне и навеки все ваши глупые выходки и даже драки с первым отделением. Прощаю все. В этом нет, конечно, никакого великодушия. Но вас я призываю к великодушию. Гейне сказал, что

«Мы жили на этой земле.
Не отдавайте её в руки
опустошителей,
пошляков и невежд.
Мы – потомки Пушкина,
и с нас за это спросится».

(Из завещания К.Г. Паустовского)

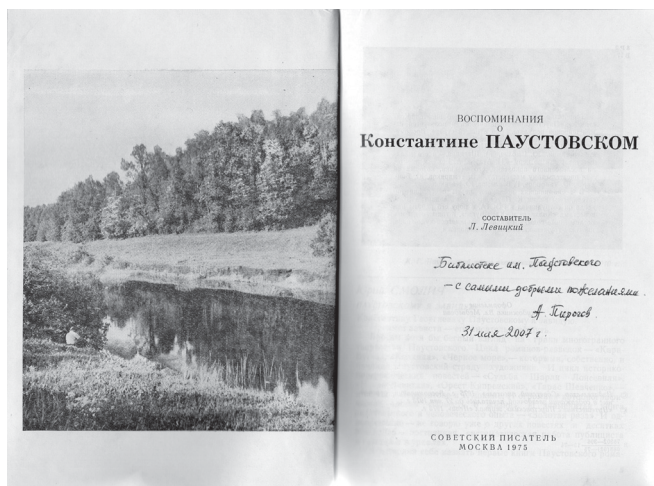
на земле больше дураков, чем людей. Он, конечно, преувеличил. Но что это все-таки значит? Это значит, что ежедневно мы встречаем людей, чье существование не приносит ни им, ни окружающим никакой радости и пользы. Бойтесь быть бесполезными. Кем бы вы ни были, помните мудрый совет: «Ни одного дня без написанной строчки». Трудитесь! Что такое талант? Трижды и четырежды труд. Любите труд, и пусть вам всегда будет жаль с ним расставаться. Счастливой дороги! Не поминайте лихом своих наставников, поседевших в боях с вами!»

**Валентина Ивановна
УКОЛОВА,**
областная библиотека
для детей и юношества
им. С.Т. Аксакова

К.Г. Паустовский «Далекие годы»
Перед вышедшими в светом Нашим классиком Наставником Субот В.Ф.
сказал нам речь:
— В четвертом классе я вас только Терел. В пятом — начал вас воспитывать,
в шестом — я с вами подружился. В седьмом — я вас полюбил, а в восьмом
я начал даже вами гордиться. Я несчастный отец. У меня слишком
много детей, не меньше сорока человек. К тому же через каждые
несколько лет мои дети меняются: одни уходят, другие приходят.
Отсюда вывод — на мою долю выпадает в сорок раз больше забот, чем
вам на долю обыкновенных родителей. И в сорок раз больше любви.
Поэтому я, может быть, не всегда был с вами одинаково внимателен
ко всем. Мне трудно расставаться с вами. Я стремился свести
из вас хороших людей. Вы, в свою очередь, давали смысл моей
жизни. Я молился за вами. Я прощаю ошибки и навеки все
ваши минуты, веходки и даже драки с первым отшельником.
Прощаю все. В этом нет, конечно, никакого великодушья.
Но все я прощаю к великодушью. Тетя сказала, что на земле
больше дураков, чем людей. Он, конечно, преувеличил. Но что
это все-таки значит?

Это значит, что ежедневно мы встречаем людей, чье существование
важно не приносит ни им самим, ни окружающим никакой
радости и пользы. Бойтесь быть бесполезными! Кем бы вы
ни стали, помните мудрый совет: «Ни ~~одного~~ одного дня без
написанной строчки». Трудитесь! Что такое талант?
Трижды и четырежды труд. Любите труд, и пусть вам всегда
будет жаль с ним расставаться. Счастливой дороги!
Не ~~поминайте~~ поминайте лихом своих наставников, поседевших
в боях с вами!

ЩЕДРЫЙ ДАР ДУШИ БЛАГОРОДНОЙ

Одним из знаменательных событий в истории нашего района является пребывание писателя Константина Георгиевича Паустовского в Базарном Сызгане в 1914 году.

К.Г. Паустовский любил повторять, что все его книги — это «истории с географией». В предисловии к «Повести о жизни» он вспомнил географию описанных им мест. Это Урал, Полесье, Карелия и Средняя Россия: «Край чистейшей и скромной поэзии, лесной тишины, заросших озер, забытых рек и лесных людей, сохранивших в своих сторожках всю прелесть, весь музыкальный звон и точность русского языка».

«Города мне почему-то плохо запоминались. Гораздо лучше я помню небольшие станции вроде какого-нибудь Базарного Сызгана, отдельные деревни...», — так начинается глава «Россия в снегах» из книги «Беспокойная юность». Эта история относится ко времени службы Паустовского зимой 1914 — 1915 годов на санитарном поезде, развозившем раненых по российским городам. Базарный Сызган запомнился писателю тем, что здесь поезду из-за вьюги пришлось задержаться до утра, и запомнились ему люди, о которых он и написал.

Библиотеке им. Паустовского
— с самыми добрыми пожеланиями.
А. Тирогов
31 мая 2007 г.

«Мы простояли в Сызгане всю ночь. Была вьюга. Я помню занесенную снегом избу и высокого старика в нагальном тулупе. Он вышел из низкой дверцы и долго смотрел на длинный поезд с красными крестами на стенах вагонов. На голову старика пылила снегом метель. Была зима. Россия лежала в снегах...» А утром в станционном буфете санитары увидели нищего мальчика, которого кормила сердобольная буфетчица.

«Мальчик выпил чай, встал, перекрестился и, глядя за широкое вокзальное окно, запел. Пел высоким скорбным голосом, и в ту пору песня мальчика показалась мне лучшим выражением сирой деревенской России... Тоска была в глазах у мальчика – по избе, которой у него нет, по лавкам вдоль стен, по запаху горячего ржаного хлеба. Я подумал: как мало нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нужно, как только оно появляется».

«Я невольно перевел взгляд туда, куда смотрел мальчик. Снеговая дорога сбегала в овраг между кустами орешника. За оврагом, за соломенными крышами овинов вился струйками к серому застенчивому небу дым печей».

Молодой Паустовский видел от станции чуть подернутый морозной мглой Базарный Сызган и стройную церковь с высока венчавшую всю округу...

Знаменитый писатель передал свои впечатления в книге, сделав их достоянием читателей.

Всякое хорошее дело зиждется на энтузиастах, подвижниках. В 2004 году сотрудники нашей библиотеки встретились с почитателем творчества К. Паустовского, председателем Ульяновского клуба книголюбов Анатолием Алексеевичем Пироговым, говорили о том, что пребывание великого писателя в р.п. Базарный Сызган не может быть забыто, а мы, библиотекари, должны продвигать идею о присвоении библиотеке имени великого писателя. Собрав необходимый материал, мы обратились в районный совет депутатов с ходатайством. Наше обращение было одобрено, и с 1 апреля 2004 года наша библиотека носит имя Константина Георгиевича Паустовского.

Пирогов, директор Централизованной библиотечной системы г. Ульяновска Роза Мукадесовна Гиматдинова, журналист Людмила Александровна Дягилева, а также представители общественности, учащиеся, читатели. Тематическую книжную выставку дополняли многочисленные фотографии из жизни Паустовского, предоставленные А.А. Пироговым.

Праздник присвоения библиотеке в Базарном Сызгане имени Паустовского, 2 ноября 2005 г.
Первый ряд (слева направо): Р.М. Гиматдинова, И.В. Касаткина. Второй ряд: А.А. Пирогов (слева), И.Г. Штокман. Штокман и Касаткина – Музей К.Г. Паустовского (Москва).

С благодарностью приняли работники библиотеки подарки гостей: подшивку журнала «Мир Паустовского», собрание сочинений писателя в семи томах и цветной фотопортрет Константина Георгиевича работы корреспондента из «Огонька» В. Лидова.

В завершении торжества Анатолий Алексеевич Пирогов прочитал наизусть большой отрывок из главы «Россия в снегах». Он читал с истинной, как нам казалось, паустовской интонацией – негромко, скромно, душевно...

Есть люди, дела и поступки которых вызывают чувство глубокого уважения, наполняют душу радостным добрым светом и сердечным теплом. Таким человеком был для нас А.А. Пирогов, который обладал редким для нашего времени качеством, чертой характера – он умел отдавать, дарить. Щедрый дар души благородной...

В наше время добрые качества и поступки становятся такой редкостью, что человека, их совершившего, воспринимаешь как какое-то уникальное и высокодуховное явление. Нам очень хочется, чтобы как можно больше людей узнали об этом факте, о доброделании Анатолия Алексеевича Пирогова. Он вписал свое имя в историю нашей библиотеки, библиотеки имени К.Г. Паустовского в р.п. Базарный Сызган.

А у нас в библиотеке останутся на память об этом человеке его дары – книги, журналы, листовая коллекция, мы будем вспоминать этого доброго человека и его богоугодные дела.

Любовь МОРЖАНОВА,
заведующая МКУК «Межпоселенческая библиотека имени К.Г. Паустовского», р.п. Базарный Сызган

Сергей ГОГИН, журналист, поэт, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА ПО

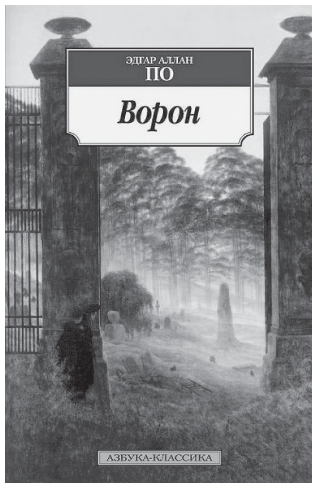
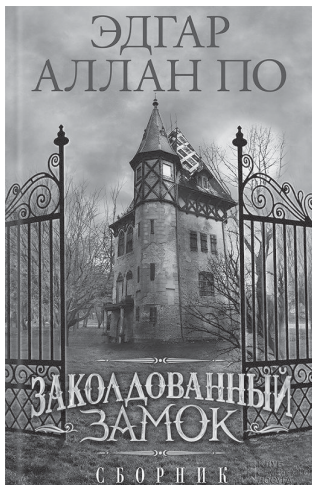
13 февраля заседание литстудии «Восьмерка» было посвящено прозе Эдгара По. Писатель Ганс Эверс в эссе «Эдгар Аллан По» писал, что художник – это пионер культуры в неизведанных землях бессознательного; что По сам был героем своих ужасных историй; что безумие – это своеобразный, но художественно оправданный творческий прием; что нельзя просто упрекать По в злоупотреблениях, ведь даже его алкогольная интоксикация имела творческую природу; что повторяющаяся тема смерти молодой женщины – это не только отражение его биографии, но рефрен как творческий прием.

Сегодня читать Эдгара По (по-английски его фамилия звучит как Поу) – не самый легкий, но, несомненно, благодарный труд. Но ведь и в его время рассказы По читала избранная публика, которая имела средства, чтобы купить или подписаться на литературные журналы, где его печатали. В этом смысле за два века мало что изменилось: По как был, так и остался элитарным писателем. Как пишет тот же Ганс Эверс, ни один художник никогда не творил для своего народа: над любой нацией стоит нация культуры. Возможно, по этой причине По был более популярен в Европе, чем у себя в Штатах, поскольку европейская культура – постарше и поопытнее, она и смогла оценить талант писателя (благодаря Шарлю Бодлеру, который почитал По и много его переводил). Эдгар По, несомненно, был частью нации культуры, причем особого свойства: это культура мистического, готического, мрачноватого романтизма.

Но вот парадокс: элитарный По, который «хватает читателя за волосы, увлекает в бездны и швыряет в глубины ада», причем делает это посредством изысканного, местами вычурного языка с применением французских слов и выражений, стал предтечей таких «демократичных» писателей, как Конан Дойл и Жюль Верн. Ведь именно Эдгара По считают основателем жанра современного детектива (благодаря «Убийствам на улице Морг»), а также приключенческой и научно-фантастической прозы, не говоря уже о хорроре и других «ужасных» жанрах. Зачем люди читают и смотрят «ужастики»? Возможно, чтобы заглянуть в ту самую бездну, чтобы потом с облегчением выдохнуть и сказать себя: «А я еще жив и здоров» (как здесь не вспомнить «Смерть Ивана Ильича» Толстого, который и не романтик, и не «готик», и не мистик, но тема – та же самая, трансцендентная).

Важная особенность прозы По: его рассказы могли быть как угодно фантастичны или «потусторонни», но ткань повествования он держал твердой рукой литератора-мастера, не полагаясь на так называемое вдохновение. В своей прозе он контролировал все, включая поведение мистических персонажей. И это тоже был художественный метод: в своем эссе «Философия творчества» По пишет, что он мог бы выстроить логическую цепочку, объясняющую самый необъяснимый с виду эпизод или сюжет, и демонстрирует свой рациональный подход на примере знаменитого стихотворения «Ворон».

Вот судьба: По рано остался без родителей, жил в приемной семье, изучал филологию, но поддавался соблазнам юности, испортил отношения с приемным отцом и ушел из университета, вынужден был пойти в армию, потом в военную академию, которую бросил. Всю жизнь зарабатывал писательством, а также журналистикой и критикой. Характер имел непростой, малопредсказуемый, был подвержен запоям и депрессиям, прожил всего сорок лет, но при этом посаженное им зерно мистического детектива дало буйные всходы и круглогодично плодоносит в наши дни. А словечко «nevermore» – это уже не просто «никогда», это позывные, культурный код, по которому образованные люди, знающие романтическую поэзию, узнают друг друга в толпе как людей одной нации культуры – поверх любых национальных барьеров.

БЫЛА НАМ МОЛОДОСТЬ ДАНА

Эхо события

Традиционная областная (51-я по счёту) фотовыставка, состоявшаяся в конце минувшего года в Ленинском мемориале, была посвящена молодёжи и приурочена к юбилейной дате – 100-летию Ульяновской областной комсомольской организации.

А наступивший 2020-й год был объявлен в Ульяновской области Годом молодых.

Главные цели областной фотовыставки остались такими же, какими они были и много лет назад: воспитание чувства гражданской ответственности и гордости за свое Отечество, укрепление связей между поколениями, продвижение творчества ульяновских фотомастеров и фотолюбителей, привлечение молодежи к современному фотоискусству. Поэтому не случаен и девиз 51-й выставки – «Была нам молодость дана», и что для участия в ней в первую очередь были приглашены молодые фотожурналисты и фотолюбители, члены молодёжных и детских фото клубов, фотостудий, фотошкол и иных творческих объединений.

Кроме молодёжи, прислали свои работы и некоторые маститые мастера ульяновской фотографии. Всего в оргкомитет поступило более 159 работ 37 авторов. Экспертный совет отобрал для финальной экспозиции 55 снимков в четырех номинациях: «Портрет юности», «Между прошлым и будущим».

По решению жюри победителем 51-й областной фотовыставки в номинации «Портрет юности» признан Игорь Улитин (фотография «Что мне дождь»).

В номинации «Между прошлым и будущим» решением жюри победителем признан Александр Корженков (фотография «Ульяновский художник»).

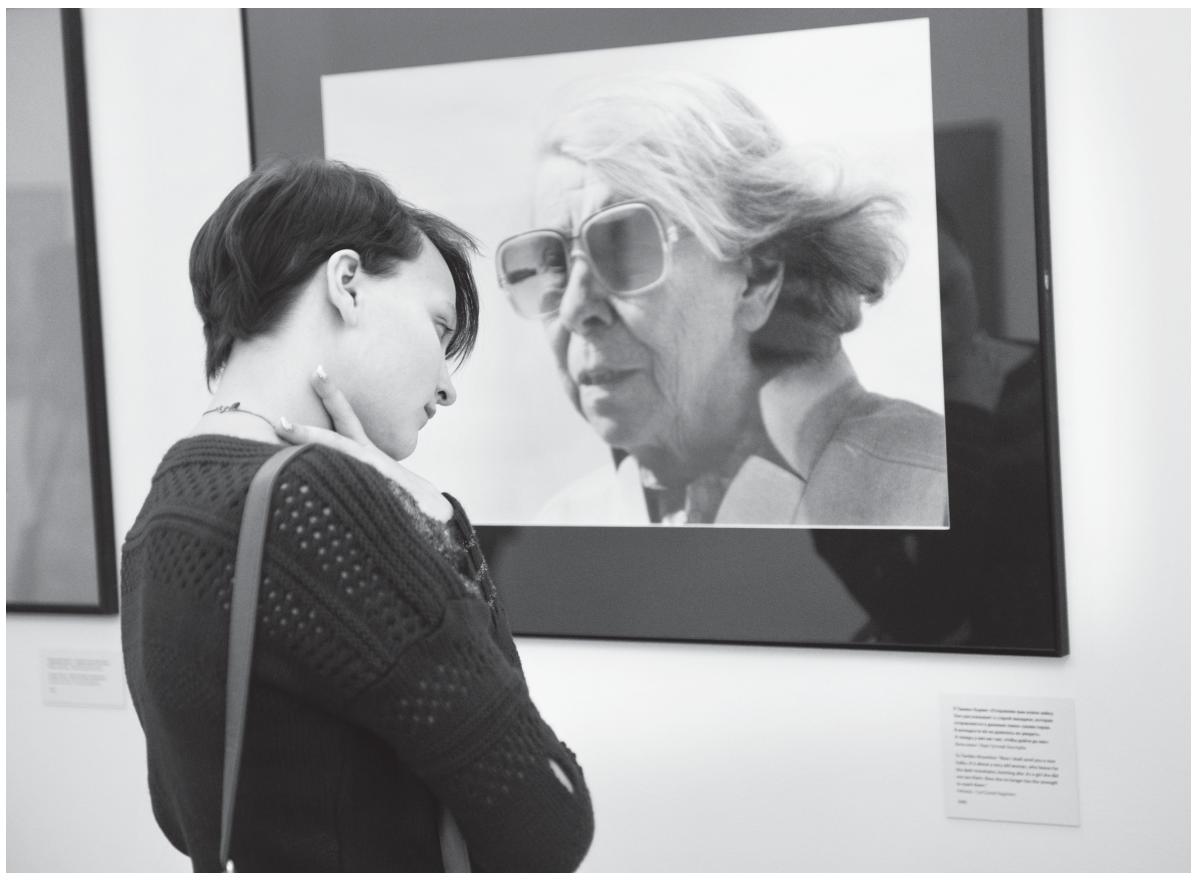
Победителем в номинации «Эксперимент» признана Анна Скороходова (фотография «Под зонтом»).

В номинации «Мобильная фотография» победителем стал Владимир Никишин (фотографии «Музыкальный фонтан», «УлГПУ. Рассвет. Лужа»).

Приз зрительских симпатий получил Владимир Кочетков за фотографию «Бегущий от дождя» (номинация «Эксперимент»).

Собравшиеся почтили минутой молчания память ушедших из жизни в 2019 году талантливых ульяновских фотографов – Леонида Валеева и Валерия Дурнова.

Рады предоставить возможность нашим читателям увидеть на страницах журнала лучшие фотографии участников конкурса.

Михаил Шнейдер. Диалог. Портрет юности

В КАЖДОМ КАДРЕ – ЖИЗНЬ!

Игорь Улитин. Что мне дождь. Портрет юности

Александр Корженков. Ульяновский художник. Между прошлым и будущим

Айгуль Кузнецова. Голуби. Портрет юности

Анна Скороходова. Под зонтом. Эксперимент

Владимир Кочетков. Бегущий от дождя. Эксперимент

*Даниил Горелов.
Для нас не существует время.
Эксперимент*

Владимир Никишин. УлГПУ. Рассвет. Лу́жа. Мобильная фотография

Михаил Четин. Поздравление ветеранов. Между прошлым и будущим

Валерий Соколов. Вторая жизнь «эльки». Между прошлым и будущим

*Владимир Никишин.
Музыкальный фонтан на площади Ленина.
Мобильная фотография*

*Юлия Узрютова.
Равнение на Петипа.
Портрет юности*

*Даниил Михайлов. Символ наступившего лета.
Мобильная фотография*

ПРЕМЬЕРА ПЬЕСЫ

14 марта в Ульяновском молодежном театре состоялась премьера пьесы Максима Балакшина «Эвитанго».

Это захватывающая история любви, иллюстрированная музыкой танго в живом исполнении.

По сложившемуся обычаю в репертуаре Ульяновского молодежного театра под руководством Алексея Храбскова присутствуют не только традиционные жанры, но и экспериментальные и новаторские пьесы, а также произведения местных авторов. Автором пьесы «Эвитанго», а также режиссером-постановщиком, композитором выступил музыкант джаз-ансамбля «Академик Бэнд» Максим Балакшин.

«Мне хотелось создать яркую, ностальгическую, пронизанную музыкой танго историю

любви, которую каждый из зрителей сможет прожить вместе с ее героями, погрузившись в атмосферу послевоенной столицы Аргентины. По сути, это синтез драмы, музыки танго и танцевального искусства», – так рассказывает о своей пьесе автор Максим Балакшин.

«Наш театр открыт для новых жанров и новых авторов. Молодые актеры – самый благодатный, креативный и отзывчивый коллектив для создания атмосферных историй», – подчеркивает художественный руководитель Ульяновского молодежного театра Алексей Храбсков.

Спектакль поставлен при поддержке Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова и регионального отделения Союза театральных деятелей России.

Читайте пьесу М. Балакшина «Эвитанго» на стр. 55 – 76

НАШ «СИМБИРСКЪ»

Ведущая вечера Ольга Даранова

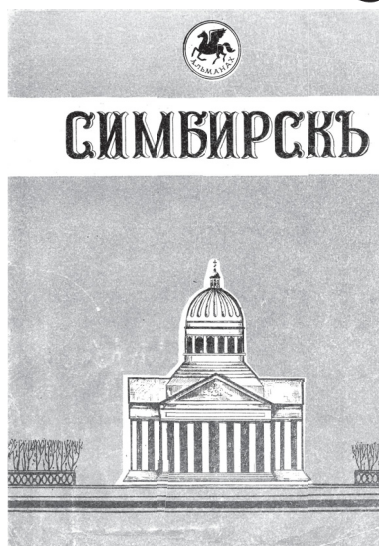
26 февраля 2020 года в Торжественном зале Дворца книги-Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина состоялся литературно-музыкальный вечер «Творить словами благо», посвященный 30-летию со времени выхода в свет первого номера журнала «Симбирск».

«Симбирскъ» объединяет талантливых людей

С ЛЮБОВЬЮ
КО ВСЕМУ РОДНОМУ

Исполнилось 30 лет
со времени выхода
первого номера
журнала «Симбирскъ»

ТВОРИТЬ СЛОВАМИ БЛАГО

На вечере собрались авторы и сотрудники журнала, его учредители и читатели – все, кто причастен к изданию журнала, кто его любит, читает и ждёт.

Краткую историческую справку о журнале, характеристику его основных рубрик представила ведущая вечера, учёный секретарь Дворца книги Ольга Даранова. На экране демонстрировались слайды, рассказывающие об истории журнала и его авторах в разные годы. 30 лет назад вышел первый номер альманаха «Симбирскъ» (главным редактором был Лев Александрович Бурдин), прошли годы, и возрожденный «Симбирскъ» издается на Ульяновской земле, продолжает литературные традиции предшественников. На обложке первого номера, вышедшего в 1990 году, был изображен Троицкий собор, разрушенный в советское время. В каждом выпуске «Симбирска» и сейчас на первой странице – изображение этого собора. Это символично – как знак уважения к замыслу создателей журнала, как продолжение духовных традиций.

С приветственным адресом от министра искусства и культурной политики Ульяновской области выступила заместитель директора департамента министерства искусства и культурной политики Елена Куракова: «Те устремления, которыми жили первый редактор журнала «Симбирскъ» Лев Бурдин, его продолжатель Людмила Бурлакова, – они живы и претворяются в современном «Симбирске». Нынешний журнал «Симбирскъ» –

*30 лет назад, в 1990 году,
в Ульяновске вышел первый
номер альманаха «Симбирскъ».*

*Его создателем
и редактором был
поэт, журналист, военный врач
Лев Александрович
Бурдин (1934 – 1992 гг.).*

*Главной целью издания было
продолжение литературных
традиций нашего города,
связанных с именами Николая
Карамзина, Николая Языкова,
Дмитрия Минаева, Ивана
Гончарова и других выдающихся
земляков-литераторов.*

Н. Маркова, Е. Кувшинникова, И. Таранов, В. Лучников

С приветствием выступает Е.В. Куракова

гордость Ульяновской земли. С каждым номером он набирает силу, радуется прозой и поэзией, знакомит с новыми авторами».

«Журнал выходит в печатном и электронном вариантах. Ежемесячно журнал получают его подписчики, библиотеки, общественные организации города и области. В электронном варианте на портале «Улправда» можно познакомиться с анонсами выпусков и побывать в «Литературной гостиной» журнала, встретиться с интересными творческими людьми. У журнала есть свой сайт, где можно пролистать электронные полнотекстовые версии, прочесть отзывы о публикациях журнала», – отметила Ольга Даранова. С поздравлением выступил начальник департамента массовых коммуникаций управления информационной политики администрации губернатора Ульяновской области Владимир Лучников. Он предложил возродить в журнале рубрику «Карамзинский сад».

Прозвучали поздравления заместителя директора ОГАУ «Издательский дом «Ульяновская правда» Натальи Марковой, председателя Ульяновской региональной организации Союза писателей России Ильи Таранова. Благодарственными письмами издательского дома «Ульяновская правда» были награждены авторы и благодетели за активное сотрудничество с журналом.

Раиса Кашкирова

Свои стихи прочли А. Лайков, Р. Кашкирова, А. Белова, Л. Ануфриева. С музыкальными поздравлениями выступили солист УГАСО, автор-исполнитель, дипломант международного конкурса Олег Киселёв, поэт, автор-исполнитель, победитель VII Пензенского межрегионального фестиваля поэзии и авторской песни «Часовые любви» (2019) Владимир Артамонов, писатель, журналист Алексей Жданов.

Рубрику «Молодые голоса» представил поэт, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области А. Дашко. С приветствием в адрес журнала выступили также старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова Антонина Лобкарёва, прозаик, сотрудник Областной библиотеки для детей и юношества им.

С.Т. Аксакова Любовь Папета, председатель УРО РСНЛ Надежда Малышева, заведующая Музеем народного творчества Маргарита Смирнова, заведующая библиотекой №12 имени Владимира Даля Елена Меркулова, литератор Любовь Токарчук, читатель и автор журнала, член УРО РСНЛ Людмила Серзина, библиотекарка Кротовской средней школы Людмила Мердеева.

Выставку номеров журнала «Симбирск» разных лет подготовил отдел краеведческой литературы и библиографии Дворца книги.

Олег Киселёв

Александр Лайков

Нина КЛИМКО,
поэтесса, член Союза
российских писателей
и член Российского
союза профессиональных
литераторов, лауреат
областной премии
им. И.А. Гончарова,
заслуженный работник
культуры Ульяновской
области.

НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ, РАДОСТИ, ВЕСНЕ

Стихи из книги «Только мгновение»

РАСТРЕВОЖЬ ТЫ ДУШУ МНЕ, ВЕСНА

Растревожь ты душу мне, Весна,
Полыхни костром из алых роз,
Пробуди от тягостного сна,
В мир блаженства вознеси и грёз.
Там, где счастье вечное живёт,
Где любви не видно и конца,
Где моя душа вновь воспоёт
И сольются с милым в такт сердца.
Растревожь ты душу мне, Весна.
Затерялась я среди стылых льдин.
Всё вокруг – снегов лишь белизна,
Лютый холод – злой мой господин.
Растревожь ты душу мне, Весна,
Зачаруй бездонной синевой,
Перезвоном околдуй звеня,
Сердце сладкой напои мечтой.
Растревожь ты душу мне, Весна.
Суждено нам сколько встреч с тобой?
Насладиться мне позволь сполна
Твоей девственною красотой.
Растревожь ты душу мне, Весна,
Полыхни костром из алых роз,
Пробуди от тягостного сна,
В мир блаженства вознеси и грёз.

СКВОЗЬ ШИФОНОВЫЙ ТУМАН

Ещё метёт, старается зима
Заворожить охапкой звёздных роз,
Но сквозь её шифоновый туман
Весны дыханье всюду разнеслось.
Одно мгновенье... и цветным ковром
Покроется озябшая земля,
Лиловые подснежники кругом
Раскроют колокольчики звеня.
Прольётся солнца радужный поток.
И в этом ливне света и огня
Она возникнет – жизни всей исток –
В божественном сиянии, Весна.
И отразившись в лужах-зеркалах
Своей небесной, чистой красотой,
Вся растворится в суетных делах,
Вновь душу опьяняя синевой.
Наполнит мир трепещущей волной
И гомон птиц, и аромат цветов...
И снова с аметистовой зарёй
Для всех на свете будет петь любовь.
Ещё метёт, старается зима
Заворожить охапкой звёздных роз,
Но сквозь её шифоновый туман
Весны дыханье всюду разнеслось.

О, КАК СЕГОДНЯ ГОЛУБЕЕТ НЕБО...

О, как сегодня голубеет небо,
И солнце брызжет – золотой прибой.
Весна спешит, идёт походкой Гебы*
И рушит царства ледяной покой.
Ещё лежат снега, как монолиты,
Хрустальною покрытые бронёй,
Но слышен звонкий гомон певчей свиты,
И виден лик в сиянье над землей.
Всё замерло в священном ожиданье.
Ещё сильна владычица снегов,
Но скоро хладных замков очертанья
Затмят цветущие поля лугов.
И хлынет солнце дождевым потоком
Навстречу жизни, радости, Весне.
А в небе, словно море, синеоком
Её улыбка воссияет мне.
О, как сегодня голубеет небо...

* Геба (Гебея), греч. — богиня вечной молодости.

ШАГИ ВЕСНЫ

Проклюнулись зелёные листочки,
Отчаянный свершая в мир полёт,
А в дымке симбирцитовой – цветочки –
Лучистых одуванов целый взвод.
Им весело на радужной лужайке.
Как сотни солнц, головки их горят,
А очень скоро белогрудой стайкой,
Как пёрышки, под облака взлетят.
А здесь зима как будто задержалась,
Развесив подвенечный свой наряд.
Фата легка от ветра разметалась:
Черёмуха чарует цветом взгляд.
Вот яблонька стоит, как королева,
И мантия ей белая к лицу,
Вся в лепестках, «пленительная Ева»,
Красою лишь подвластная Творцу.
О жизни новой всех оповещаая,

Так громко по утрам галдят птенцы,
Весну и солнце радостно встречая,
Их песнь звенит, летит во все концы.
Шаги весны... Они сегодня всюду,
Всё оживает, всё вокруг цветёт.
Её приход всегда подобен чуду.
Прекрасен миг, когда она идёт!

ОДУВАНЧИКИ

Одуванчиков реснички снова вытянулись в ряд,
Словно лучики от солнца на полянке вновь горят.
Это звёздочки нежданно вдруг упали к нам с небес,
И на травке, распушившись,
дарят всем свой лунный блеск.
Посияют, поиграют своей дивной красотой
И на небо улетают белогривую грядой.

ОСТАНОВИТЬ БЫ ВРЕМЯ НАВСЕГДА...

Любимому мужу А.А. Егорову

Остановить бы время навсегда.
И жить, и жить, не ведая разлуки.
Но, как в насмешку, вскачь бегут года,
Не избежать и нам сей горькой муки.
Жизнь пронеслась мгновением одним,
Рассвет сменился маревом заката,
До благородных дожили седин,
А в сердце – юности гремят раскаты.
Благодарю за каждый светлый миг,
Что был твоею отогрет душою.
Она, как чистых вод, – святой родник,
Хранит наш дом под этою луною.
И пусть не вечны все мы на земле,
Я знаю, наше счастье состоялось.
Однажды в детском смехе, на заре,
Мы повторимся, вечно продолжаясь...

Я ПОМНЮ ГОЛОС ВАШ И ВАШИ РУКИ...

*Моему дорогому врачу, хирургу-онкологу
Эльмире Тимуровне Рахматуллиной*

Я помню голос Ваш и Ваши руки,
Как с нежностью склонились надо мной.
Исчезли, растворились где-то звуки,
И жизнь моя зависла над землёй.
Мадонной в бело-кипельном халате
Являетесь Вы часто в мои сны,
Как в той больничной, сумрачной палате,
Где были мы на смерть обречены.
Улыбкой боттичеллевской Венеры
Вы бинтовали нашу боль и страх.
И отступали чёрные химеры.
И свет надежды теплился в очах.
Вы хрупкая и нежная, святая,
С недугом страшным – каждый день на бой,
Из паутины мрачной вырывая,
Вы – как солдат, что на передовой.
И я молюсь, чтобы хватило силы
Вам выстоять в нешуточной борьбе,
Чтобы любовь Вас наша защитила
И сберегла для будущих побед.

МОЛИТВА ВСЕЦАРИЦЕ

Всецарица моя Пантанасса,*
 Молишь Бога о нас ежечасно.
 Лик Твой чудный что небо в алмазах,
 Пантанасса, моя Пантанасса.
 К Твоим царским стопам припадаю,
 Исцели, защити – умоляю.
 Пусть прольётся, весь мир озаряя,
 Твоя щедрость, о Мать Пресвятая.
 Вознеси свои руки, как крылья,
 И укрой, заслони от засилья
 Тёмных сил, что, как тучи, витают,
 Солнце, звёзды, весь мир затмевают.
 Всецарица моя Пантанасса,
 Я взываю, молю Тебя страстно,
 Ты спаси нас своим омофором,
 Золотым и целебным покровом.
 Пусть свершится заветное чудо,
 Непрестанно просить Тебя буду,
 Всецарица моя Пантанасса,
 Моли Бога о нас ежечасно.

*Пантанасса – образ Божией Матери

УЛЕТАЮТ СТИХИ, УЛЕТАЮТ...

Улетают стихи... Улетают...
 С ними – часть отболевшей души.
 Оседают стихи, нежно тают
 В чьих-то душах и в звёздной тиши.
 Кто-то скажет: «Пустое томленье!»
 Кто-то мир вдруг откроет иной,
 А кому-то придёт исцеленье,
 Долгожданный душевный покой.

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Скоро предстоит нам расставанье,
 Строки, рифмы и мои стихи.
 Скоро вас отдам на поруганье
 Страшной и неведомой стихии.
 Знаю, они вызовут улыбку
 На устах, привыкших всё судить,
 Не простят мне ни одной ошибки,
 Что случилось всеу совершить.
 Ну а ты, мой преданный читатель,
 Тот, кто сердцем примет боль мою,
 Для тебя я в жизни созидатель,
 Для тебя страдаю и пою.
 И стою я, будто бы нагая,
 Предана вселенскому суду,
 Как на покаянье, замирая,
 Всё ж в прощенье верую и жду.

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

И вновь, в который раз, себе солгу,
 Что я, как прежде, молода, красива.
 И не стою давно на берегу
 Пред вечностью, застывшей терпеливо.
 Ну а душа, как в юности, парит
 Среди звёзд, мерцающих в подлунном парке,
 По грёзам ослепительным скользит,
 Опять забывшись в трепетном азарте.
 За гранью света, в лабиринтах тьмы,
 В любых мирах пойду за ней на плаху,
 Читая во спасение псалмы,
 Не ведая отчаянья и страха.
 «Бог есть Любовь!» И, может быть, душа
 В своём полёте лишь к нему стремится,
 Над бездной мироздания кружа,
 Чтобы навек с его улыбкой слиться.
 И это небо манит оттого,
 Что нам Творцом назначена там встреча?!
 Миг славлю вознесенья своего,
 И пусть любви не угасают свечи!

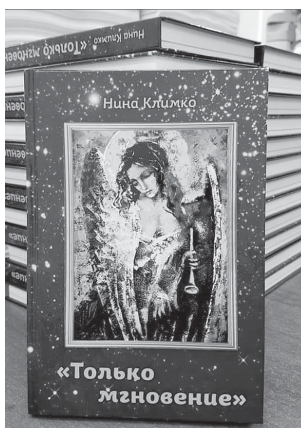

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

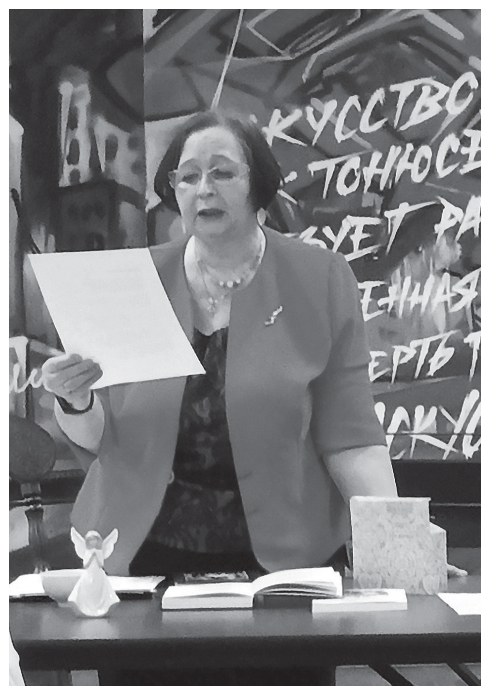
Презентация книги Нины Климко

Презентация книги стихов Нины Климко «Только мгновение» состоялась в городской библиотеке №4 имени Евгения Евтушенко.

Собравшись по перу, члены Российского союза профессиональных литераторов и члены Союза российских писателей, друзья, читатели сердечно поздравили Нину Михайловну с выходом книги. Это был действительно литературно-музыкальный вечер. Прозвучало много песен на стихи Нины Климко в исполнении музыкантов – участников встречи: Лидии Адамовой, Елены Ньюкало, Валерия Ветрова, Арины Сейман, Марины Кузьминых и Валерии Ершовой.

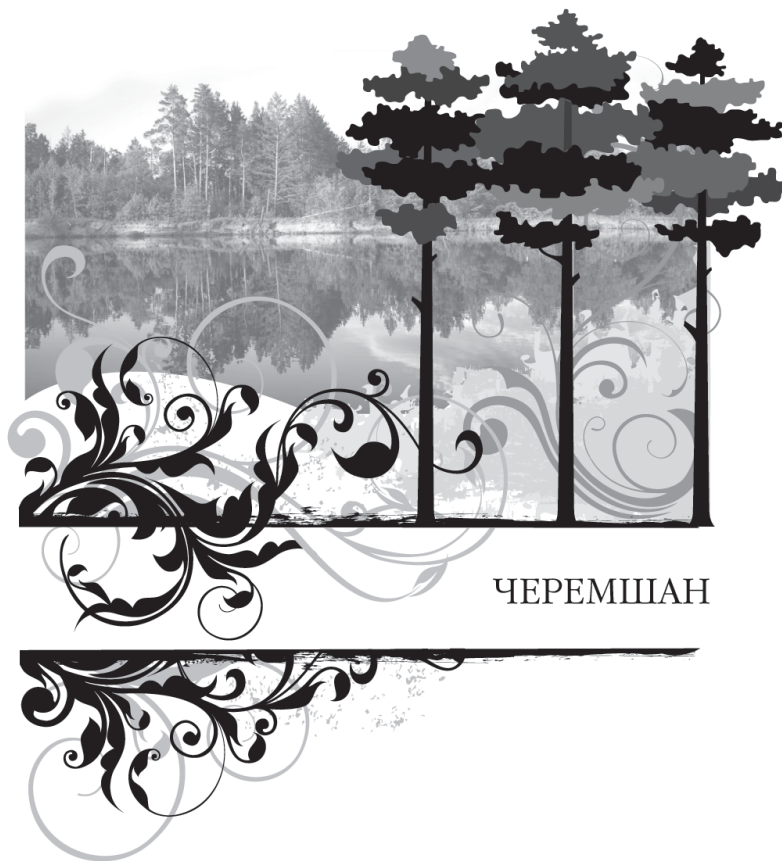
*Книга стихов
Нины Климко
«Только мгновение»
вышла в 2019 году
в издательстве
«Радуга»
(Санкт-Петербург)*

Была исполнена и песня «Белая птица» на музыку Евгения Гранда, которая является своеобразной визитной карточкой Нины Климко. Гости услышали и песни в записи. Многие авторы музыки на слова Нины Климко живут в других городах и даже в других странах. (На стихи поэтессы написано свыше 150 песен. С ними можно познакомиться на литературном портале «Изда-читальня».)

Вечер в кругу друзей в гостеприимной библиотеке надолго запомнится его участникам.

Новые имена в рубрике «Черемшан»

Елена ЕРМОШИНА родилась в Димитровграде. Окончила школу и на волнах перестройки покинула страну. Объехала Европу, долго проживала в Италии, путешествовала по миру. В 2008 году окончательно вернулась в Россию. Сейчас она переводчик с итальянского, блогер. Имеет двоих детей, высшее образование психолога, юриста, преподавателя русского языка.

В цикле «Записки домохозяйки» автор затрагивает актуальные для современного общества темы. Острые, зачастую провокационные, эссе автора вызывают бурную полемику, дают повод к размышлениям. Читайте, наблюдайте, анализируйте, делайте собственные выводы.

«Записки домохозяйки» – это цикл размышлений о нашем мире, о способах решать проблемы, своеобразная медитация в словах.

Современная домохозяйка с позиции Елены Ермошиной – это не комический персонаж в бигуди и халате, с половником в руках. Это женщина, способная одновременно творчески решать несколько задач – будь то воспитание ребёнка, самосовершенствование, стабильность в быту, заработок и т.д.

Елена – вдумчивый наблюдатель: её посты-истории, блестяще рассказанные с тонкой иронией или добрым юмором, заслуживают внимания самой широкой аудитории.

Инга Альбертовна ГААК,
член Союза писателей России, член актива писательской организации «Слово»

Из цикла «Записки домохозяйки»

ДОМОХОЗЯЙКА О БАБУШКАХ

(слабонервным не читать)

Зачем вообще эти бабушки нужны? Моложе, здоровее и умнее они уже не станут никогда. С каждым годом с ними только морока. Многие бабушки, конечно, помогают с детьми, готовят, вяжут, в огороде копаются... Но в любом случае они постепенно дряхлеют, начинают нуждаться в уходе, могут слечь, ходить под себя и в итоге всё равно умирают. Лучше не будет, процесс необратимый, увы.

Примерно так, видимо, в продвинутой Европе думают. Зачем им пенсию платить, какие-то льготы, инвалидность, проездные, место уступать?..

Видится в евробудущем такое. Подходит человеку возраст выхода на пенсию. Собираются знакомые за столом с угощением. Он прощается с коллегами, с детьми-внуками. Подписывает прилюдно и оглашает своё завещание – кому что полагается, чтобы конфликтов не возникло. Выбирает гроб, место на кладбище, всё, согласно своему вкусу, оплачивает это тут же. Потом подписывает согласие на эвтаназию, машет всем на прощание, заходит в комнату, ложится на кровать, и аккуратная вежливая медсестра вкалывает ему смертельный укольчик.

И всё! Никаких лишних трат! Никаких проблем!

Правда, на практике бывают накладки.

Слышали о том случае, в пятнадцатом, что ли, году? Когда бабушка, вроде бы честь по чести, подписала всё, а как медсестру увидела – тут же передумала. Пришлось всей семье, детям и внукам, бегать по дому за орущей сопротивляющейся бабушкой, всем вместе её валить, тащить... Она отбивалась с нечеловеческой силой, но всё-таки сладили, скрутили и укололи. Победили.

Вот такие европейские тенденции. И не думайте, что я вам тут ужасики рассказываю, сама в шоке. Газеты писали об этом, но так, безоценочно, без морали и осуждения, просто по факту.

Конечно же, я абсолютно уверена, что в России такого не будет никогда. Мы перестали догонять Европу и наконец-то пошли своим путём.

Я в последнее время увлеклась нашими бабушками. У меня много возрастных подружек, и с ними я провожу своё время, досуг, мне интересно. Началось с того, что в моей больничной палате кроме меня было пять бабушек, и лежала я там целых десять дней. Потом выдался случай вести бабушкам гимнастику в институте пожилого человека. А затем и вовсе дали путевку в санаторий на двадцать один день, где молодых, то есть 50-летних, человек десять от силы было, а остальная могучая кучка гораздо старше. Как сейчас помню восьмидесятилетнюю соседку, ворвавшуюся ко мне в номер с криком: «Побежали на дискотеку! Двадцать дней всего осталось!» И это был день заезда.

И вот что я хочу сказать в ответ Европе.

Бабушки – наше национальное достояние. Это наше сокровище. Вклад бабушек в жизнь социума невозможно переоценить. Бабушек надо беречь и сдувать с них пылинки.

Вот вам шесть тем про бабушек, над которыми не все задумываются.

1) Роль бабушки в семье – связь прошлого и будущего. Бабушка может рассказать о своей бабушке, то есть ещё на два поколения заглянуть вглубь рода, и тогда становятся видны семейные связи, ошибки и достижения, передающиеся из поколения в поколение, кармические узлы. А если бабушка вспомнит, что рассказывала её бабушка о своей бабушке, – то тут как раз семь поколений открываются. Чем дальше вглубь заглядываешь, тем чётче всё видно становится: и кто ты, и зачем ты.

2) Точно так же бабушки в обществе – тоже связь прошлого и будущего. Они реально жили в Советском Союзе, у них не из книжек и не по агиткам, у них свои собственные воспоминания. Посидите с бабушками и поговорите от души. Великая Отечественная война и её последствия; хороший Сталин был или плохой; как страну из руин поднимали; как жилось, на что надеялись и во что верили... Что про холодную войну расскажут, что про перестройку... Они ещё живы! И они настоящие свидетели того, что происходило. Бабушки врать не будут, всё вам выложат: и хорошее, и плохое, специально выворачивать не станут, не то воспитание...

Также, соответственно, если они вспомнят о том, что их бабушки о жизни и стране рассказывали, так это вообще золотая тема. Хоть всё под запись!.. Срочно!

Да, есть бабушки недовольные. В санаториях, в больницах, в поездах всё учат персонал, что и как делать надо. Дак ведь я сравниваю исключительно с перестроечными годами, и тут только благодарить остаётся, настолько всё сейчас лучше становится, к человеку поворачивается, забота государства начинается чувствоваться. Ведь в тех же больницах в перестройку ничего не было! Если положат, а этого ещё добиться надо было, то список тебе дают, что с собой принести: все лекарства, бинты, йод, постельное бельё даже, полностью всё. А сейчас-то! Ремонты делаются, кормят вкусно, убирают чисто, персонал вежливый, лекарства есть, грех жаловаться. А бабушки жалуются. Да они-то не с худшими перестроечными, а с лучшими временами СССР сравнивают, вот и мало им кажется. Они-то помнят, как должно быть по-настоящему, по-людски!..

3) Из очень хорошего политического: пока наши бабушки живы – никакие сомнительные претенденты не пройдут в президенты. Бабушки социально активны, у них сформирована гражданская позиция, они ходят на выборы и голосуют. Вот ведь так «плохо» было в СССР, что до сих пор голосуют за коммунистов. Видать, «натерпелись»... И очень многие бабушки голосуют за Путина. Я не знаю ни одной, которая голосовала бы за ту же Собчак. Слушайте бабушек!

4) Бабушки – это наш нравственный ориентир, наша совесть. Как не потеряться в сумасшедшем современном мире вывернутых наизнанку понятий и подмененных ценностей? Что же такое хорошо и что такое плохо? Я знаю ответ: проверяйте бабушками! Вот как-то раз я развлекала их, пока ждали

поезд. И вспомнила анекдот из недавнего модного Юрия Дудя:

– Ну как вы, школьная учительница, стали валютной проституткой?

– Да просто по-вез-ло!

И сразу поняла, что я не могу этот анекдот рассказать бабушкам. Потому что он неправильный. Там плохая мораль. Он не учит добру.

Вот теперь открыла для себя этот критерий и любую тему проверяю бабушками – допустимо рассказать им это? Если да, то вперёд, можно распространять, а если это в их глазах неприемлемо, то зачем мне вообще такое кому-то говорить?

5) Ещё одно, чего молодёжь наша и представить себе не может. Бабушки, стоящие на пороге вечности, старшие из живущих в роду, в своей семье, за нас молятся. Не для видимости, не для пафоса, а на полном серьёзе. Они отмаливают наши грехи – и прошлые, и будущие, молятся за страну, за Путина, молятся и за умерших предков наших, и за не рождённых ещё потомков. Кто там из них коммунистом был – неважно это. Из атеистов я знаю только одного дедушку – Познера, остальные все веруют, чувствуют судьбоносность жития и молятся. Вот такой важнейший духовный аспект.

б) Бабушкина мудрость. Они же не родились такими старенькими, да и мы не всегда будем такими бодренькими... Этот факт, конечно, трудно осознать молодому поколению, а вот бабушки, напротив, прекрасно понимают. И, прожив жизнь, начинают видеть суть. Что быть надо и добрее, и терпимее в одних случаях, а где надо – сразу отпор давать. И не перепутать.

Ну и, наконец, мы просто их любим! Стареньких, морщинистых, ворчащих, поучающих, работающих... Любим их! Желаем им долгих лет жизни и здоровья! Активного долголетия и энергии! Ну и с детьми, конечно, помогают...

P.S. К дедушкам всё это тоже относится. Настоящий качественный дед – это раритет и ценность немислимая. К такому надо детей собирать и толпами приводить, чтоб перенимали навыки, опыт, образ мышления, мужской дух... Так и возродимся!

ДОМОХОЗЯЙКА О НАШЕМ СЛАВЯНО-СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Наш человек дружелюбен и великодушен. Всякое создание равным себе считает. Но внутри всё-таки себя старшим братом чувствует, ответственным. Помочь чего, подсобить слабому – это наше. Вражины и смекнули: как погубить нас не могут – враз слабенькими прикидываются. А мы – меч в ножны и давай им помогать. Вот такая натура.

Наш человек милосерден и отходчив: не добить гадюку подлюю в момент всеобщего победного ликования, а отпустить к детушкам малым – это наше. Тем самым обеспечить своим детям новый виток битв, гадюка же всё равно гадюкой останется, а побеждённая – только злобу затаит и детям её передаст. Как и наказ, что мы сильны неизмеримо и надо постоянно придумывать новые методы борь-

бы с нами, хитрые да мягкие. Вот такое получается вечное колесо милосердия и войн.

Наш человек добр и терпим: ведь каким совершенным Отец создал этот мир! А мы – сыны Его. Неужели сынам своим Он плохого пожелал бы? Вон какое хозяйство оставил – мир безграничный и разнообразный. И каких только нет в этом мире букашек и птичек причудливых, зверья разного и людей разноцветных... Мир большой, всем хватит, живите и размножайтесь, если можете. Только не надо никакого навязывания и пропаганды своих причуд! Родился юродивым аль радужным – так живи, нехай с тобой. Только в дом наш не лезь, детей наших не баламуть, в нас образ Отца Небесного глубоко в генах сидит, и знаем мы, что нам чистоту свою блюсти надо.

Наш человек неприхотлив и бескорыстен: солнышко утром встало – он и рад. Кашу заправить маслом есть – уже счастлив. Как тот негр из анекдота, что уже лежит под пальмой и не хочет никаких бизнесов затевать. Будет день – будет пища. Только навязанный нам мягкой силой культ золотого тельца настойчиво и ежедневно убеждает, что мы продажны, мы на всё пойдём ради денег. Все эти современные шоу с денежными призами... Но это неправда. Оставь нас враг в покое на минутку – станем, как раньше в конкурсах «А ну-ка, девушки!» и «А ну-ка, парни!», удаль молодецкую тешить за интерес, за честь села или предприятия, за уважение товарищей. Это дороже нам любых миллионов буржуйских и сердцу милее.

Наш человек щедр и гостеприимен: вот поделиться последней рубахой, вот сбегать по соседям занять-перезанять, но гостя от пуза накормить, вот самому на пол лечь, а гостя на свою кровать уложить – это наше. А ещё – раздавать щедро в бою отвоёванное и делиться на радостях с прилипалами разными, чтоб всем праздник! А прилипалы брать-то берут, а случись нам слабину какую дать – от них ни помощи, ни поддержки, ни «спасибо» даже. На то они и прилипалы, чтобы к сильным прилипнуть. Так и мечутся...

Наш человек миролюбив и доверчив. А по себе и других меряем. Пока вражина нам по голове в открытую дубинкой не настучит, не начнём его в злом умысле подозревать. В дом наш зашёл – гость, значит. А что дубину с собой принёс – так деть некуда было, не бросать же добро. А что махать ей начал – ну, может, привычка у него такая, надо с пониманием отнестись. А что заехал нам по макушке – да случайно получилось... И только когда он нас в кандалы повяжет, а баб в полон поволокёт – тут мы и смекнём: «Да ты никак вражина?!» Цепи разорвём, врага за глотку, он по традиции плакать и молить, мы по традиции отпустим... Потому так беззащитны мы перед НКО всякими чужеродными, фондами Сороса и другими вражескими агентами – у них же надписи на лбу нету, что, мол, враг я твой кровный, пришёл тебя и землю твою разорить да уничтожить. Вот мы и сомневаемся всё, глазам своим не верим. Так мягкая сила нас потихоньку и побеждает.

Наш человек терпелив и жертвенен. Надо затянуть пояс – затянем. Надо потерпеть – потерпим. Надо подождать – подождём. Надо поднажать – поднажмём. Хороший характер у нас, покладистый.

Но цель должна быть великая. Ведь если мы знаем, что от этих наших действий что-то в мире улучшится: дети в Гондурасе позавтракают, дети в Бангладеше пообедают, а ракеты продолжат бороздить космос, – то мы готовы терпеть бесконечно. Наш человек всегда о мире заботится, планету домом своим считает. Но когда наши жертвы и смирение используются некими режиссёрами, политиками и министрами для скупки очередных островов – вот это бесит.

Наш человек нетороплив и уверен, мы знаем: если системе не трогать и не баламутить, она сама сразу же начинает приходить в гармонию и равновесие в соответствии с божественным замыслом и космическими законами. Поэтому-то зло и должно быть постоянно активным, расшатывать, у него миссия такая. Как только зло расслабляется на минутку, мир за эту минутку опять становится более равновесным и гармоничным, вот ведь как умно всё устроено! А мы не зло, мы добро, поэтому сидим на печи и ждём до последнего. Но если видим, что реально уже и сам Бог не справляется – пора вставать. Подсобить, навести порядок в хозяйстве.

Наш человек смекалист и решителен. Если уже понятно, что вопрос решать надо и уже не отлежаться на печи – мы его решим. Независимо ни от ресурсов, ни от ситуации в мире, ни от положения дел, решим и всё. Трусами задушим, в сортире замочим. А если надо самому умереть за это – умрём без колебаний. Ставка больше, чем жизнь. Но вопрос решим.

Так вот и живём себе потихонечку, детишек растим, дом строим, хлеб сеем... На жизнь хватает – и ладно! Мировое господство? Подчинить себе всякую тварь господню? Регулировать численность людей на Земле с помощью войн, голода, болезней, ГМО, наркотиков, алкоголя, пропаганды гомосексуализма и других отклонений? Вставить чипы и всё контролировать? Собрать все сокровища и ресурсы мира загребушими ручонками и спрятать к себе в сундук – об этом Кошей Бессмертный мечтает. Нам – не надо. Нам ещё дерево сажать...

ДОМОХОЗЯЙКА ОБ ЭМИГРАНТАХ (в двух частях)

Часть 1

1) Есть у меня подруга. Работает в госучреждении. Носятся там они все с утра до вечера, летают просто. То приём, то выезд, то изменения в законодательстве, то люлей получают, то бумаг море надо оформлять. Не передохнуть, зарплата небольшая, а ответственность зашкаливает... И тут ей предлагают новую работу – юристом на предприятии. Работы в десять раз меньше, сама себе хозяйка, а зарплата гораздо выше. Рай! Она, естественно, делает всем ручкой и устремляется к лучшей, счастливой, богатой и бездельной жизни.

Встречаю я её через лет через пять райской жизни. Вид замученный, грустный, потерянный, поправилась. Говорит, что сил больше нет терпеть! Как из жизни её выкинули, как рыбу из воды вытащили! Да, зарплата большая, да, сидит целыми днями в отдельном кабинете и в окно смотрит, пасьян-

сы раскладывает. Но разве это жизнь? Нет ничего: ни потока, ни энергии, пустота одна, скука смертная, хоть вешайся!

А ведь в первые годы ещё надо было делать бравого довольный вид, навешая девочек на прежней работе, казаться цветущей и благоухающей, обзывать их лохушками, рабами на галерах, весело над ними смеяться, мимоходом выясняя, чего в мире нового творится, какие изменения в законодательстве. Мимоходом подказать что-то новенькой коллеге, заявляя во всеуслышание, что профессионализм не пропёшь... А потом, в своём постылом отдельном кабинете, где от скуки выращиваешь рассаду и чувствуешь, что тупеешь от сытой жизни, понимать: «Я хочу обратно! Там я живу! Там я дышу! Я там знаю каждую мелочь, там моя жизнь, моё предназначение, моё всё!»

И вот прошло пять лет, и посеревшая подруга моя, уже оставив разговоры о райской жизни, честно мне признаётся: «Ходила к начальству – прошусь обратно. Пока не берут. Но я добьюсь. Я всё равно вернусь».

2) Другая моя подруга лет десять назад уехала в Америку. Первые её приезды домой, встречи с друзьями с рассказами о чудесах, зарплатах, уровне жизни, напоминали передачу из цикла «История моего успеха»: «Девочки, каждая, проявив волю и упорство, сможет достичь того же, чего достигла я. Да, вам будет непросто, этот путь тернист, но...» И никак понять она не могла, что не хотим мы идти её путём, не завидуем ей, Америка нас не привлекает вообще.

Через несколько лет риторика её видоизменилась, зарплата уменьшилась, жизнь усложнилась, бесчисленные бомжи и трансвеститы уже набили оскомину. Конкуренция со стороны азиатских товарищей и низкий уровень их притязаний совсем не оставляют шанса белому человеку хоть как-то нормально существовать и работать в Америке.

Истории успеха закончились, и начались разговоры о том, что Америка не стала ей второй родиной, что ничего её там не держит, что нужно присматривать место в Европе, вроде и цивилизация, не то что наша глушь, но к дому поближе, люди попроще, надо переезжать.

А мы, как тот китаец, сидим, наблюдаем и ждём, когда она переедет, начнет осваиваться, потом поймёт, что и в Европе не рай и когда, наконец, она придёт к пониманию, что дома лучше.

3) Третья моя подруга прожила в Испании десять лет. Хомоны, гаспаччо, сангрии и прочая вкуснота! Вернулась домой решительно, резко, навсегда. Сейчас с упоением преподаёт детям фламенко, всю себя отдаёт работе, счастлива безмерно. Человек на своем месте. Комментирует свой приезд так: «Осознала, что дома и стены помогают, что любой сантехник, таксист, любой врач, учитель, кондуктор – это свои люди, мы все – одно целое. Мы говорим на одном языке, мы мыслим одинаково, мы глубинно понимаем друг друга, у нас общая история, общий быт, мы всегда сможем друг с другом договориться. Это наш Дом! Это наша Родина! И это не лозунги, а правда. А за границей этой мы никому не нужны».

4) Да чего уж, я и сама более десяти лет своей жизни жила в благословенной Италии. Трудностей

не знала, как сыр в масле каталась, мне жаловаться не на кого, всё прекрасно было. Но... Не дом. Вот как объяснить, не на своём ты месте. Не своей жизнью живёшь. Но чтобы понять это, нужно в стране пожить достаточно долго, не туристом на неделю, у туристов всё всегда прекрасно.

Часть 2

...О да, туристов везде ждут, и все им рады. Пока турист несёт деньги, он хорош. Но как только он начинает претендовать на чьё-то рабочее место, оформлять документы, встраиваться в общество – картина разительно меняется, сразу второго сорта становишься. Раз дома тебе не сидится, раз приехал незванный в чужой монастырь, то и место твоё... соответствующее.

По моему итальянскому опыту, наши за границей устраиваются так:

1) Она с детьми сидит дома. Тут проблемы с итальянскими мамочками, с готовкой, ведь мамины спагетти не догонишь никогда, они всегда вкуснее.

2) У мужа бизнес, её туда устраивают. Например, в рестораник семейный официанткой, в офис уборщицей.

3) Просто низкоквалифицированная работа. Одна моя подруга – инженер с высшим советским образованием, эмигрировав, говорила мне: «Я чищу туалеты с утра до вечера, но я в Италии!» Ну не знаю...

4) Мужчин часто встречала рабочих профессий, тяжёлая работа, они через горы, например, дороги строят, туннели. Никакой красоты не видят, денег не тратят ни копейки, работают и спят, и всё. Мечтают о доме. Потом возвращаются, начинают кутить и швырять деньгами и перед соседями рисоваться: «Да я в Италии!..» Чего? Пахал и спал. За палочки хлебные ругался в столовке.

5) Молодые красивые девочки часто идут в модели, в танцовщицы, там такого много, другие идут в проститутки или на содержание. Ну, каждому своё.

6) Немолодые и некрасивые тётеньки идут ухаживать за старичками, типа сиделки с проживанием. Познакомились с одной, плавая в море в живописнейшем месте, где мы отдыхали с детьми. Она плыла за буйками и повторяла в слезах: «Ненавижу!!!! Сволочи!!!! Сдохните!!!!» Потом рассказывала нам о несладкой своей жизни, тяжести такой работы, о скотском отношении родственников старичка, их издевательствах, мелочности...

7) Конечно же, перекупы всё по фабрикам и складам шастали, раньше полно было, сейчас не знаю. Это такие железные люди-лошади, прошед-

шие огонь и воду, циничные, чётко стоящие на земле с сумками на плечах.

8) Есть ли успешные примеры? Есть такие. Только... Бизнес у них строится на наших! На своих соотечественниках зарабатывают. Экскурсионные бюро, переводчики, продажа недвижимости залётным нуворишам, русские газеты и журналы, магазины с гречкой и бородинским хлебушком... Даже репетиторы и коучи, сидящие за границей, предоставляют скайп-услуги своим – советским. Чужим – иностранным – они просто даром не нужны.

При этом всегда перед своими надо делать вид, что «мы тут за границей, в шоколаде живём, а вы – лохи из помойки, завидуйте, облизывайтесь, мечтайте, стремитесь, платите нам, и мы приоткроем вам окно в рай». Это обязательная мантра, на ней всё строится.

И никак русские Ванька и Манька не поймут, что не нужны они никому. Из них вытянут, что есть: красоту, ум, деньги, знания, силу. И всё. Отработанный материал.

Мой друг – успешный бизнесмен, мёд производит. Как-то он размечтался в ту же Италию со своими ульями переехать. Вот круто бы! Всё то же самое, только оплату в евро получать. Вот зажил бы!

Ну как ему объяснить, что там бы его съели. Живём. Проверки, налоги, документы, оформления, аренда. И там бы он НЕ договорился, как здесь.

А мёд его ни итальянцы, ни французы не купят НИКОГДА.

В отличие от нас, ругающих Родину почём зря, обнуляющих все достижения предков, восторженно смотрящих в сторону заграницы, преклоняющихся перед всем инородным, они четко внутренне знают, что надо всегда быть ЗА своих, поддерживать ТОЛЬКО своего производителя, это всё деньги в одном кошельке, один общий пирог.

Их психология проста: если понаехавшие внесут деньги В НАШ кошелек, то мы им аплодируем, улыбаемся, по плечу похлопываем, дружба-жвачка. А как только они пытаются откусить ОТ НАШЕГО пирога, тут им сразу от ворот поворот.

Никогда ни один испанец не купит итальянское масло, француз не купит греческое или португальское, никогда. Только своё!

Вот и нам бы. Перестать оглядываться на чужаков, в рот им заглядывать. Полюбить себя, свою страну, своих соотечественников. Поддерживать отечественное, отдыхать на нашей прекрасной природе. В своём доме порядок и красоту наводить, по своим законам жить.

А не чужие туалеты отмывать.

P. S. Как бы то ни было, в связи с коронавирусом сочувствую жителям прекрасной Италии, да и всем европейцам, да и всему миру. Здоровья и счастья нам, люди!

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА, ИЛИ МАРТОВСКАЯ ЗВОННИЦА

Александра БЕЛОВА

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Пылкий юноша Март повстречался с Зимой.
Я спешила тогда с вечеринки домой.
Ночь была холодна, а Зима – в серебре –
красовалась, как будто февраль на дворе.
Зачарованный Март застывал и робел,
возразить этой ночью Зиме не посмел.
Утром солнце его разбудило едва
и напомнило: есть и дела, и права.
Март очнулся, взглянул на Зиму – увидел,
что не так хороша и не так молода,
и помчался исполнить работы свои.
Стали таять снега. Побежали ручьи.
Только ночью Зима колдовала опять,
не хотела его от себя отпускать.
Март весь месяц отдал этой странной любви,
по ночам забывая заботы свои...
Я смотрела, как в ночь застывает капель...
Неужели Зима приворожит Апрель?!

ВЕСНА В ДЕРЕВНЕ ЛОПАТА

Как чёрно-белое кино...
Березы и дубы. И небо.
Куски подтаявшего снега
и запотевшее окно.
На миг раздвинув облака,
рассеяв цвет и свет унылый,
играя, солнце осветило
косяк гусей издалика.
Мужчина, вверх поднимая глаза:
– Иди-ка, посмотри на небо!
Ведь гуси в марте – это небывь! –
с весенней радостью сказал.
– Вчера малиновки опять
ко мне в усадьбу прилетели,
и слышала бы ты, как пели!
Вернулись, рады, не унять!
– Да, нынче ранняя весна, –
сказала женщина мужчине
и, радуясь первопричине,
стояла долго у окна.

В БЕРЁЗОВОЙ РОЩЕ

На миг из будней женщина ушла.
Тропинка среди искрящегося снега
её следы случайно привела
в страну берёз и мартовского неба.
Здесь вечность с недоступной высоты
на мир глядела синими глазами
и открывала тайну красоты,
раскинувшись над тальными снегами.
Легка, как воздух, женская рука
смахнула с глаз восторженные слёзы.
Была капель слышна издалика,
и вздрагивали радостно берёзы.
Двадцатый век метался рядом где-то,
безумием страстей жила планета.
А женщина в берёзовом лесу
на снег роняла светлую слезу.

Раиса КАШКИРОВА

МАРТОВСКАЯ ЗВОННИЦА

Ночью, в мартовскую звонницу,
сны скользят из-под ресниц:
сторожит мою бессонницу
звон капелей и синиц.
А весна неугомонная
по утрам зовёт в леса,
и сияющей иконою
светят сердцу небеса.
Брызжут цветом сосны рыжие,
почерневшие бока
словно кто нарочно выжжет им,
окропив водой слегка.
Правят лапами зелёными
дух смолистый на горе
и не балуют поклонами
даже солнце на заре.
Великаны мелекесские,
век от века, встав в наряд,
всё глядят, как перелесками
воды тальные журчат.
В эту мартовскую звонницу,
словно лесу – наготу,
пусть простит моя бессонница
дням вчерашним маету.
Смотрят в душу очи синие:
даль высокая светла...
Чувство родины Россия мне
вместе с матерью дала...

Я СЧАСТЛИВА, КАК БУДТО Я – ВЕСНА

Я по утрам весенний свет ловлю –
а он летит светло и невесомо.
Я этот мир отчаянно люблю:
и на земле, и в космосе – я дома.

Какая радость – воздухом дышать
и свежим ветром допьяна напиться,
и синеву небес в глаза впитать
под звонкий голосок большой синицы!

Я счастлива, как будто я – весна,
и оттого безудержно готова
бродить по тихим улицам без сна
с палитрой красок, музыки и слова!

ДО БОЛИ СЛАДКАЯ ИСТОМА

Весна... До боли сладкая истома –
во взрывах пульса жарко и весомо
любовь стучит.
И больше невозможно по-другому...
От близости твоей впадаю в кому –
нелепый стыд.
Оставляю глупый страх и – вихрем – выше,
в ночи твоё дыхание я слышу,
твой аромат
и каплями весенними по крыше

плотаю в оглушительном затишье
нежнейший яд.
В неутолимой жажде смерти сладкой
в её объятья брошусь без оглядки –
на краткий миг,
и разорвут сияющую бездну,
когда я в ней на этот миг исчезну,
мой стон и крик...

Инга ГААК

ВЕСНА

Зима ушла. Роскошное манто
в гримёрке брошено,
источенное молюю...
Театр ждёт мучительно спокойно,
когда придёт Весна...

Вошла она –
невзрачная, седая,
в плаще промокшем,
в грязных сапогах,
с мигренью капельной
и ломотой в костях,
в безудержном захлёбываясь кашле.

Партер молчит, галёрка наблюдает,
насвистывая мартовский мотив.
Весна, свой жидкий локон накрутив
на ледяные папильотки, в кресле дремлет...

Но вдруг свеча, а там ещё одна
среди проплешин снежных загорелась,
сияньем жёлтым авансцену озарив,
Весну-старуху в этот миг преобразив.
Та встрепенулась, вспыхнула, зарделась,
стесняясь наготы, тотчас оделась
в прозрачных капель синеватый флёр,
сменила грим...

Безумствует суфлёр,
звоня синицей: Бон апрель, апрель!
И зазвучала нежная свирель,
и скрип деревьев обратился в скрипки,
на лицах зрителей счастливые улыбки,
и как прекрасны выраженья лиц!..

Пока Весна подкрашивала губы
и освежала синие глаза,
бил барабан и рокотали тубы,
и в майский сумрак погружался зал,
и бесновалась первая гроза!..

Акт третий...
Май...
И ария дрозда...
И в кружевах черёмухи душистой
кордебалет жуков и пчёл кружится.
И папильоны, в воздухе порхая,
весну приветствуют,
и крылышки сверкают,
великолепен майский яблонь бал!..
И боже, как блистателен финал!

ВСЁ БЛИЖЕ ВЕСНА...

В последних метелях
Я в шубе до пят
Брожу, в белизне утопая.
Прощально снежинки
Летят и летят,
Как с яблони цвет среди мая.

Все ближе весна –
Замывается круг
В природе, незыблем и вечен.
И только лишь сердце
Взбунтуется вдруг
В тоске по утраченным встречам..

Светлана ЗАЗИМКО

8 МАРТА

За окошками снег и метели.
В ранних сумерках клонит ко сну.
Но глаза наши вдруг потеплели –
Это праздник навевал весну.

Как дурманяще пахнут мимозы,
Южных веток густой аромат!
И весенние светлые грёзы
Над снегами незримо кружат.

ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Сияние чистого снега
И солнечных ярких лучей.
Всё выше становится небо,
Всё ближе прилёты грачей.

За зимним заваристым чаем
Мы, вдоволь предавшись мечтам,
По светлому маю скучаем
И по соловьиным ночам.

Пусть что-то не сладилось прежде
И болью осталось в груди –
Вновь теплятся наши надежды,
Что лучшее всё – впереди...

СКОРО ВЕСНА

Полила с утра герани
И порадовалась солнцу,
Что сегодня, с самой рани,
Ярко светит им в оконце.
За окном снега повсюду,
Да и март ещё в зачатке,
И понадобятся люду
Шубы, шапки и перчатки.
Но уже не остановишь
Дней весенних приближенья –
Всей душою жадно ловишь
Проблеск сил и вдохновенья.

Нонна АЛИЕВА

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Ностальгия – девятый вал –
 Накрывает, сбивает с ног.
 Мир нелепо-жестоким стал,
 Как на празднике некролог.
 Сто веков без тебя жила,
 Бог даст – тысячу проживу.
 Сто веков наяву – спала.
 А теперь вот во сне зову...
 Знала, знала же: ты из тех,
 От которых не убежишь.
 Ночь, как бусы, рассыплет смех,
 Одиноким, как наша жизнь.
 Бросишь в мартовский снег пальто.
 Мир утонет. Но всё – пустяк...
 Так возможно любить лишь то,
 Что уже не вернёшь никак...

МАРТ

* * *

И снова март, и мир дурманом дышит,
 И сердце ритмы путает в ночи.
 Ты что-то говоришь,
 Меня не слыша,
 И лишь Господь всё слышит...
 И молчит.

* * *

Ты перепутал марты – февраль,
 И небо от кружения устало.
 И вот уже девятым снежным валом
 Грядущее маячит... там... вдали.

Виктория ВОЛКОНСКАЯ

* * *

Холодный март.
 Горшочки гиацинтов.
 Подарки, песни,
 Сонные дворы.
 И как ребенку хочется игры,
 Так нам подай весеннюю палитру.
 Холодный март.
 Прогноз погоды врёт!
 Мы не готовы ночью к снегопаду.
 Нам нужен дождь, а снега нам не надо,
 Но все же снег, как сериал, идёт...
 Аллея веников.
 Гуляющие мы:
 Мой птичий голос.
 Твой суровый профиль.
 Откуда мы взялись,
 Мой Мефистофель?..
 Чьи это неразгаданные сны?

МАРТ. ЛУНА

Это сон, это навь, это то, что должно случаться –
 Толпы дерзких наречий, как гости,
 стоят в прихожей,
 Но безудержный март не создан
 для медитаций –
 Собрание слова «Вечность» из капель –
 сложно.

Что ж, яви мне чудо, мой мир,
 что устал от боли –
 У кого Венера в Весах, тому явно проще.
 У моей же Венеры корона в разрядах молний,
 И серебряный плащ, и запас купидонской мощи.

Я хочу лунатить. Хочу тебе ночью сниться.
 Открывать другие миры,
 подбирать к ним слово,
 И желанием быть твоим, и, конечно, сбыться,
 Ибо верю всему, что чувствую, – безусловно.

Если ты меня спросишь, то вот что тебе отвечу:
 «Мой растрепанный март,
 закутанный в бактус тайны,
 Зачерпнул в колодце луну и к тебе навстречу
 Он спешит по сонным улицам не случайно –

Забирай луну.
 Не пролей воды.
 Если ты придешь –
 Замету следы!»

КО ДНЮ ТЕАТРА

Максим БАЛАКШИН

О себе: Работаю в джаз-ансамбле «Академик Бэнд». Выпускник УлГПУ им. И.Н. Ульянова (филфак). Интересы: музыка, литература, театр, кино.

ЭВИТАНГО

Драма
в трех действиях

Действующие лица:

Карлос Кастильо – музыкант, 33 года
Эва Гуарте – актриса, 26 лет
Капитан Хосе Рикарди – шеф контрразведки, 45 лет
Чучо (Хесус Ромеро) – звукорежиссер, около 30 лет
Софи – пианистка, 29 лет
Диего – директор радиостанции, 40 лет

Действие происходит в октябре 1945 года в Южноамериканской Республике, городе Байресе.

Премьера спектакля «Эвитанго» состоялась в Молодежном театре 14 марта 2020 года.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1. УТРО. РАДИО «БЕЛЬГРАНО». ЧУЧО И СОФИ

Аппаратура. Пульт на столе. Большой студийный микрофон на стойке.

2 магнитофона. На стене портрет Полковника. Стеллаж с полками. На полках много инструментов и коробочек разного размера. Массивный сейф. Холодильник. Диван. Пара кресел. Пара стульев. Вешалка. В радиостудии есть изолированная кабина с большим окном. В окне виден большой студийный микрофон. На стене, что напротив, – окно, солнце светит сквозь жалюзи. Падают тени. Полумрак.

Входит Чучо. Открывает жалюзи. Вешает пиджак. Включает радио. Мы слышим позывные и голос диктора (по-испански без перевода).

Радио. «В эфире радио «Бельграно». Передаем сигналы точного времени. В столице 9 часов. Начинаем радиоконцерт «Ритмы Республики». Для вас звучит музыка танго».

(Звучит концерт музыки танго.)

Чучо включает аппаратуру. Проверяет микрофоны. Сматывает провода. Ставит кофе. Смотрится в свое отражение в стекле. Поправляет волосы и галстук. Берет стул и пытается с ним танцевать – учит шаги. Считает вслух.

Чучо. Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Входит Софи. Застает его за танцем. Чучо смущен.

Чучо. Привет!
Софи. Привет!
Чучо. Кофе будешь?
Софи. Не откажусь.

Чучо ставит стул на место. Наливает кофе. Пытается ухаживать, довольно неумело. Начинает слегка метаться, роняет чашку. Софи немного смешно.

Чучо. Что сегодня пишем?
Софи. А... что скажут. То и запишем.

Чучо. Э-э... мало ли чего скажут? У меня ответственная работа. Нельзя выпускать в эфир всякую галиматью.

Софи. Это не нам решать.

Чучо. Не скажи. Вот одна журналистка начала вчера мне спортивный репортаж. «Яхтсменам предстояла нелегкая задача – идти против погоды!»

Софи смеется. Ободренный успехом, Чучо продолжает.

Чучо. Я ей говорю: это как? А она мне надменно так: «Там у них... у яхтсменов есть такие приспособления, чтобы против ветра ходить!»

Я ей: «Так ведь ПРОТИВ ВЕТРА! А у тебя что?» Она подумала-подумала, и такая: «Ой!»

Софи улыбается, кивает головой. Старается не встретиться глазами с Чучо.

Чучо. Или вот был эксперимент: с телефона записывали интервью из другого города. Корреспондентка, в общем, не семи пядей... короче, пишемся. А теперь представь, во что из-за ужасного телефонного тембра может превратиться фраза: «На фотографии – победитель Хавьер Алонзо, а у меня в руках главный приз турнира – Золотой Шлем!» В записи, естественно, получилось, что у нее в руках золотой...

Софи (укоризненно). Чучо!

Чучо. Это еще что!.. А одна... в общем, не важно... перед тем как начитать текст, вздумала вот в этой кабине порядок навести! Я уж думал, уснула она там, что ли, запись-то включил, а она там провод микрофонный лишний распутывает и сматывает. Пыхтела-пыхтела и томно так говорит – на запись: «Ох, какой он длинный!»

Чучо смеется сам над своей шуткой. Софи – нет. Чучо понимает, что переборщил.

Чучо. В общем, с дамами на радио мне не особо везет.

Софи улыбается.

Софи. Чучо, ты такой славный!

Чучо (со вздохом). Софи, когда женщина так говорит мужчине, это означает, что у него нет шансов... Ладно, пей свой кофе!

Софи. Не сердись.

Софи смотрит на часы.

Чучо. Диего скоро придет. Он никогда не приходит вовремя, но никогда сильно не опаздывает.

Софи. Да я не про Диего... И где его только носит?

Чучо. Кого его?

2. ТАМ ЖЕ. СОФИ, ЧУЧО И КАРЛОС

Входит КАРЛОС. Обнимаются с Чучо.

Карлос. Ба! Чучо! Живой еще? Здравствуй! Софи, а ты чего здесь!

(Далее Софи говорит на фоне бурной встречи друзей, которые ее не слушают.)

Софи. Шутки у тебя дурацкие!.. А спасибо? Приглашай его на работу... и главное – ноль внимания!

Чучо. Карлос! Вернулся! Наконец-то! Давно приехал?

Карлос. Еще весной. В мае.

Чучо. Вот ты и в детстве тоже путал! Это тебе не Европа. В мае у нас осень. Весна как раз сейчас.

Карлос. Все-то у вас набекрень: мир воюет и голодает, а здесь танцуют танго, жарят мясо и пьют вино. По миру ловят нацистов, а здесь они живут, в общем-то, не таясь. Осень у вас в мае. В октябре – весна...

Чучо. Ты чего? Мы же в южном полушарии?

Карлос. Осталось только понять про себя, какое оно, твое полушарие. Правое? Или левое? Лично

у меня после вчерашнего оба с утра не работают!

Ч у ч о. А по-моему, вполне себе в порядке! Что за настроение у тебя?

Все воюешь? Война-то вроде бы закончилась.

К а р л о с. В р о д е б ы закончилась...

Ч у ч о. А для тебя нет? Чего ж ты сюда-то вернулся?

К а р л о с. Должен же кто-то научить эту страну играть танго!

Ч у ч о. Что? А танцевать тоже научишь? Здесь родина танго!

К а р л о с. Вот я влип! Кто бы мог подумать?

Чучо смеется.

Ч у ч о. То есть как? Гардель, Тройло – тебе что, ничего не говорят эти имена?

К а р л о с. Все что писали до меня – скучно.

Ч у ч о. До тебя? То есть твое танго – нескучное?

К а р л о с. Это ты сказал, не я.

Ч у ч о. А ты что, наконец, хоть что-то закончил?

К а р л о с. Как раз заканчиваю. Начинать. Или начинаю заканчивать. Это как посмотреть. Конечно, есть ошибки, которые уже не исправить, но есть такие, что можно и попробовать.

Карлос смеется.

Ч у ч о. И где оно, твое танго?

Карлос стучит себя по голове.

К а р л о с. Пока вот здесь. Но я надеюсь, что ты сможешь мне записаться и у меня получится отличная пластинка!.. Просто отличная!

(На последней фразе гладит обиженную Софи по попе и нагло разглядывает ее.)

Софи дает ему хлесткую пощечину. Уходит в кабинку играть на рояле. Играет нечто гаммообразное, потом «Осеннюю песню» Чайковского.)

3. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС И ЧУЧО. ПОТОМ И СОФИ.

К а р л о с. О-о! Обиделась! Характер! Ничего, объедется.

Ч у ч о. «У меня получится», «Ты сможешь мне записать»... Да ты посмотри на себя! Ведешь себя как индюк и хам... Вот с какой стати я обязан тебе помогать?

К а р л о с. Потому что мне нужна твоя помощь... Было бы неплохо попробовать вернуть потерянное время... Ты же мой друг. А дружба для тебя кое-что значит.

Чучо вздыхает.

Ч у ч о. У тебя и раньше был скверный характер. Просто я подзабыл за эти 10 лет. Ничего, теперь вспомнил.

К а р л о с. Ну ты у нас тоже... не Христос! Ты же у нас Ромео! Нравится? Забирай.

Ч у ч о. Шутки у тебя и правда глупые.

К а р л о с. А... что с вас взять!

(Повисает неловкое молчание.)

Ч у ч о. Что ты делал все эти годы?

К а р л о с. Тратил на лекарства бабушкино наследство.

Ч у ч о. Ну и как? Лекарства подействовали?

К а р л о с. Положительный результат – 50 процентов. Сосуды прочистил. Печень посадил.

Ч у ч о. А сердце?

К а р л о с. Пфф! В точку! Как обычно. Вдребезги разбито. Женюсь! Познакомился тут с одной танцовщицей – ты бы видел ее ноги – это просто... бомба!

Ч у ч о. Кто бы сомневался... А что у тебя с Софи?

К а р л о с. Ну что Софи? Мораль мне прочтешь?

Ч у ч о. Да уж... Мораль – это не про тебя... Что нового? Ты ведь такие штуки творил еще 10 лет назад! Правда, покажи что-нибудь новенькое! Много за эти годы написал?

К а р л о с. Не-а. Есть пара вещей. Немного, конечно, зато шедевры.

Ч у ч о. Прямо шедевры? Кто же это определил? Ты?

Карлос молчит. Разводит руками.

Ч у ч о. А почему так мало? Тебя не было столько лет.

К а р л о с. Вдохновение закончилось.

Ч у ч о. Давно?

К а р л о с. Первый раз – когда бойня началась.

Ч у ч о. А последний?

К а р л о с. Вчера в баре последние деньги просадил. С утра страдаю. Вдохновения ни капли. Прямо не знаю, как быть.

Ч у ч о. Ну хоть идеи-то есть?

Карлос хитро наклоняется к Чучо и говорит вполголоса.

К а р л о с. Идеи-то есть. И главная: надо выпить!

С днем рождения, пухлый! Нарядный такой, молодец!

Ч у ч о. Спасибо! Не забыл? Хорошо. Я угощаю!

К а р л о с. Что с тобой делать? Придется согласиться. Обидишься еще. Угощай. Стану звездой – отдам.

Чучо достает маленькую фляжку, дает Карлосу выпить. Карлос пьет.

Ч у ч о. Не увлекайся. Нам работать.

К а р л о с. Чем тут увлекаться-то?

Карлос залпом выпивает все. Чучо качает головой.

Ч у ч о. Вечером отметим. Полегчало?

Карлос кивает. Возвращается Софи.

С о ф и. Все пьешь?

К а р л о с. Все.

С о ф и. Чучо, ну зачем?

Ч у ч о *(стесняясь)*. У меня сегодня...

С о ф и. Знаю! С днем рождения! Поздравляю!

Обнимает его и целует. Чучо сконфужен.

С о ф и (Карлосу). Только вот мы договаривались вместе поздравлять... и подарок... Вот как с тобой дело иметь, а?

К а р л о с. Что ты как цербер-то, ей-богу!

4. ТАМ ЖЕ. ТЕ ЖЕ И ДИЕГО.

Входит Диего, элегантно одетый человек с портфелем.

Д и е г о. Что за шум я слышу? Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте! Софи, целую ручки! Хесус, поздравляю тебя, вот тебе от меня презент!

Диего дарит Чучо бутылку коньяка. Портфель бросает барским жестом на диван.

Ч у ч о. Спасибо, не ожидал.

Д и е г о. Представишь меня своему другу?

Ч у ч о. Это Диего. Он наш... директор. А это Карлос. Мой друг детства.

(Рукопожатие.)

Д и е г о. Он наш дегустатор?

Демонстративно смотрит на часы.

Д и е г о. Впрочем, я не возражаю, если это помогает работе... А вот, судя по костюму, вы гробовщик.

Карлос разводит руками.

К а р л о с. Не без этого.

Д и е г о. Значит, всякое бывало?

К а р л о с. А что, надо выглядеть как сутенер? Тут радио или театр?

Диего улыбается, удивленно мотает головой и обращается к Чучо.

Д и е г о. Жесткий парень. Прямо ковбой. Матадор. Ценю. Характер помогает в д е л е. (Карлосу) Перейдем на «ты»? Сэкономим время. Поясню. Ты просто не в курсе.

Диего берет Карлоса под ручку и начинает с ним ходить по студии, жестикулируя и показывая студию и оборудование.

Д и е г о. Дело в том, что у нас тут бывают... разные влиятельные люди. Мои добрые знакомые. Бизнесмены, политики, их жены, любовницы... Это все люди любопытные. Жадные до развлечений.

С запросами. Роскоши здесь они не поверят. Им подавай экзотику, правду жизни богемы. Но мы, разумеется, предлагаем им экстра-класс.

К а р л о с. Не пойму. О чем речь?

Д и е г о. Реклама – это золотое дно. Тот, кто это понял раньше, будет в порядке. Но как получить заказ на рекламу? Вопрос. Связи и только связи! К самым богатым клиентам нужен подход! Расходы их не пугают.

Важен ИНТЕРЕС! В ход идут девочки, мальчики, банкеты, экскурсии, актрисы, музыканты, ну и новые проекты, само собой. Их надо выгодно подать... и продать!.. Надо, чтоб ты был одет, мой мальчик.

Диего останавливается и с сомнением тербит пиджак и рубашку Карлоса.

Д и е г о. ...Не как содержатель притона, конечно, но чтоб был похож на артиста, художника, нужен образ, в общем, богема...

Диего заглядывается на его мужественный профиль. Касается его головы.

Д и е г о. Могу посоветовать тебе один магазинчик... так, о чем я?

Карлосу явно не нравится фамильярность обращения. Диего не обращает внимания.

Д и е г о. Да! У нас бизнес с партнерами класса люкс!

Карлос скептически оглядывается.

К а р л о с. Что то непохоже на люкс. Маленькая студия на чердаке. Один сотрудник.

Д и е г о. Ты судишь поверхностно, друг мой. У нас три студии.

Диего вновь начинает ходить, жестикулируя и указывая на технику. Карлос встает как вкопанный, скрестив руки на груди.

Д и е г о. Трансляция идет непрерывно с 6 утра до 12 ночи по расписанию. Пробуем выходить и в записи тоже, что снижает расходы. Это у нас третья студия. Самая маленькая и небогатая внешне, но особого назначения! Здесь бывают гости! Ну и главное – здесь техника элиткласса! Отсюда мы не так часто выходим в эфир, но здесь мы ПИШЕМСЯ!

Диего подходит к кабинке звукозаписи, потом к громоздким магнитофонам.

Д и е г о. Здесь святая святых. Вот наша гордость – только что купленный новейший американский магнитофон. На эти деньги я мог дорогую машину купить. Вся аппаратура английская. А какие микрофоны! Немецкие! Лучшие в Байресе.

Диего подходит к Чучо, слегка обнимает его за плечи.

Д и е г о. Да, здесь работает один звукорежиссер! Но какой! Хесус, заткни уши! Он гений. Ремонтирует, изобретает, предлагает оригинальные технические решения, уши, знания – в общем, голова!..

Ч у ч о. Тогда, может быть, мне зарплату увеличат? Или хоть премию дадут? В честь дня рождения?

Д и е г о. Так! Ладно, к делу. У меня мало времени.

(В облике Диего словно что то меняется. Появляется жесткость, которая была незаметна раньше. Теперь очевидно, что это человек Дела, который четко знает, чего хочет.)

Д и е г о. Помимо всего прочего, мы начинаем новый цикл «Женщина в истории» – среди героинь будут Жозефина, королева Виктория, Жанна д'Арк, Екатерина Медичи... Это будут небольшие ежеднев-

ные выпуски историко-литературного характера.
Издержки на производство – гроши.

Диего достает из портфеля какие-то листы с густо напечатанными текстами.

Д и е г о. Ожидаемый резонанс... думаю большой, но это ладно... посмотрим. Пробный выпуск – лирический – посвящен русской царице Александре. Актриса прочитает текст ее трогательного любовного письма Николаю Второму на фоне вашего музыкального сопровождения. Женщины рыдают украдкой – рейтинг растет... А чтобы не приедалось, следующие выпуски могут быть любыми – комическими, трагическими... Давно мечтаю попробовать... *(смакует, ухмыляется, а потом говорит неожиданно жестко)* забить конкурентов на каком-нибудь скандальном материале... *(ледяным взглядом буравит Карлоса)* Нет у тебя на примете интересной истории о какой-то известной... героине?

Карлос качает головой.

Д и е г о. Если придумаешь выгодную для нашего радио тему, покупаю сразу, так что подумай... Тут можно сделать гешефт... Да, ну вот как-то так... Русскую музыку знаешь?

Последнюю фразу Диего произносит как бы на автомате, в это время он сосредоточенно перебирает печатные листы, будто что-то ищет.

К а р л о с. Знаю. Я там родился.

Д и е г о. Где? В Москве?

К а р л о с. Брест.

Д и е г о. Во Франции?

К а р л о с. Нет. Во Франции Брест тоже есть... Но я и во Франции жил. На будущее – вдруг еще понадоблюсь.

Диего усмехается.

Д и е г о. Где еще жил?

К а р л о с. В Германии, Бельгии, Испании, Штатах...

Д и е г о. Неплохо. Что можешь предложить?

К а р л о с. А какая музыка по характеру нужна?

Диего находит листы, которые искал.

Д и е г о. О! Вот же они!.. Трогательная. Известная. Желательно какого-то знаменитого русского композитора. Печальная. Осенняя что ли...

К а р л о с. «Осенняя песня» Чайковского подойдет? «Времена года. Октябрь»?

Д и е г о. Напомни пару тактов.

Карлос напевает.

Д и е г о. Слишком мягко. А у нас танго-радио. Ну, по крайней мере, в планах. Хотя... сама тема неплоха... А сможешь сыграть эту же мелодию, но ритмично, страстно, как танго?

К а р л о с. А сможешь мне сейчас небольшой аванс выдать? А то я на мели. Помогает работе.

Диего удивляется наглости Карлоса.

Д и е г о. Да неужели?

Карлос хмыкает. Диего дает немного денег. Потом передумывает и ловко выхватывает одну бумажку.

Д и е г о. Хватит пока.

К а р л о с. И на том спасибо! Софи, где у тебя ноты?

Диего улыбается.

Д и е г о. Ну-ну.

Карлос и Софи идут в кабину звукозаписи к пианино.

К а р л о с (к Софи). Сыграем, в принципе, как написано, только ритмичнее, жестче, острее... перед последней темой смодулируем на кварту...

Дверь в кабину закрывается.

5. ТАМ ЖЕ. ТЕ ЖЕ И ЭВА.

Входит Эва.

Д и е г о. Эвита! Драгоценная вы моя! Наконец-то я... снова вижу вас! Если бы вы знали, как я рад...

Э в а. Знаю-знаю. Если б не Полковник, который нашел деньги на этот проект, вы, наверное, и на порог бы меня не пустили... Давно ли это было, Диего? Диего целует руки Эвы.

Д и е г о. Неужели нельзя простить человеку оплошность? Вы же всегда... такая ироничная, остроумная, бесподобная... Просто восхитительная!

Э в а. Что есть, то есть.

Чучо включает звук микрофона из кабины. *(Слышим обрывок разговора – голоса Карлоса и Софи звучат сильно приглушенно.)*

К а р л о с. Софи! Ну не притворяйся глупее, чем ты есть! Бас должен звучать ниже – на то он и бас!

С о ф и. Шарль, ты грубиян! Куда уж ниже?

К а р л о с. Вот сюда. Как вариант – туда.

С о ф и. Да ...как ты смеешь?! Люди за дверью...

(Слышны неясная возня и пыхтение.)

К а р л о с. Ну прости, куколка моя, погорячился...

С о ф и. Пусти, негодяй! Ты пьян!

(Карлос целует Софи, она сопротивляется.)

Диего из-за ракурса окно почти не видно. То, что в окне, неясно, но видят зрители.)

Д и е г о. Хесус?! Эти двое что, не просто коллеги? И зачем вот... мне все это надо... если мне это не надо? Бардак! Благодарите Бога, что у меня мягкий характер! Но всему есть предел!

Ч у ч о. Сам в шоке... Как дети. Прости. Поговорю. Но музыканты очень хорошие.

Диего дает Эве листы с текстом.

Д и е г о. Вот текст – тот вариант, который мы утвердили...

Чучо деланно кашляет в микрофон, нажав кнопку. Пыхтение, возня и хихиканье сразу прекращаются. Эва встревожена и оглядывается на окно кабины звукозаписи.

Д и е г о. Эвита, вы плохо себя чувствуете?
Э в а. Нет, все хорошо.

Чучо включает магнитофон и подает команду:
Ч у ч о. Вы готовы? Пробуем, пишем!

(Звучит музыка.)

Эва украдкой смахивает слезы.

6. ТАМ ЖЕ. ТЕ ЖЕ И КАПИТАН.

Входит Капитан с цветами и портфелем, в черной перчатке на левой руке. Он одет в солидный костюм и шляпу.

Чучо машет на него руками.

Диего машет на Чучо рукой: дескать, все нормально. Капитану Диего знаками показывает «Добро пожаловать!» и «ТИШИНА!»

Капитан делает жест: «Все понял». Вешает шляпу на вешалку, кладет портфель на стул и садится в кресло.

Диего показывает Эве: «Почитай!»

Эва, хоть и по бумажке, но читает очень эмоционально, в глазах блестят слезы.

Э в а. Мое милое сокровище, мой родной! Ты прочтешь эти строки, когда ляжешь в кровать в чужом месте, в незнакомом доме. Дай Бог, чтобы путешествие было приятным и интересным и не слишком утомительным... Я так рада, что у меня есть карта, так что я могу за тобой следить ежечасно. Тебя мне будет страшно недоставать, я не могу привыкнуть, что тебя здесь нет, в доме, хотя при мне наши пять сокровищ. Ах, любовь моя, было тяжело прощаться с тобой и видеть твое одинокое бледное лицо с большими грустными глазами в окне вагона. Мое сердце говорило: возьми меня с собой. Очень грустно мне не сопровождать тебя, но мне казалось, что лучше остаться спокойно здесь с детками. Душа и сердце всегда с тобой... Спи хорошо, мое сокровище. Моя постель будет, увы, так пуста. Тяжело проститься с тобой, мой ангел. Пустота после твоего отъезда так чувствительна, я знаю, тебе будет недоставать твоей маленькой семьи и дорогого Агунюшки. Он скоро поправится теперь, и это для тебя будет облегчением. Уход за ранеными – мое утешение. Облегчать хоть немного их страдания помогает болящему сердцу.

Помимо всего, что мне приходится испытывать вместе с тобой, и с нашей дорогой страной, и народом нашим, я страдаю за мой дом и за многих друзей, испытывающих горе. Какой стыд, какое унижение думать, что немцы могут вести себя так, как они себя ведут!..

Я страшно страдаю от этой разлуки. Мы не призывали к ней, и я так бесконечно люблю моего дра-

гоценного милого мальчика! Вся маленькая семья нежно целует тебя. Так грустно в церкви без тебя. Потом я пришла к Беби и лежала возле него в сумерках. Беби тебя крепко целует. Он лежит потому, что колено еще распухло. Я так надеюсь, что он встанет к твоему возвращению. Милый мой, какая была огромная радость, когда мне принесли твое драгоценное письмо. Благодарю тебя за него от всего сердца. Как хорошо, что ты мне написал! Я прочла отрывки из письма девочкам... А как Агунюшка будет счастлив, что ты написал ему. У него, слава Богу, больше нет болей...

Эта злосчастная война, когда же она кончится?! Я уверена, что... все государства годами будут продолжать страдать от последствий. С Божьей помощью здесь все пойдет хорошо и закончится со славой. Война подняла дух, очистила много застоявшихся умов, объединила чувства. Это «здоровая война» в моральном смысле. Одного бы только я хотела, чтобы наши войска вели себя примерно во всех отношениях, не грабили бы и не разбойничали. Прусские войска дерутся для личной выгоды, а не для славы своей родины. Нет основания следовать дурным примерам. Такая война должна была бы очищать душу, а не осквернять ее, не правда ли? Победа не означает грабежа. Пусть священники в полках скажут об этом...

Как годы пробежали, как много мы вместе пережили! Благословляю тебя. Люблю тебя. Тоскую по тебе. Хотелось бы знать, играешь ли ты в домино. Милый, как одиноко без тебя! Сегодня мы переязывали офицеров, а потом отправились в большую госпиталь для трех операций... Я плохо спала, целовала твою подушку и много думала о тебе. Княжна читала нам лекцию. Мы прошли полный хирургический курс с большим числом предметов, чем обычно, а теперь пройдем анатомию и внутренние болезни... Я сортировала теплые вещи для раненых, возвращающихся домой и опять отправляющихся на фронт. Девочки работают, сами ткнут ковры и обучают этому деревенских баб. Теперь они устроили 20 кроватей и смотрят за ранеными...

Сегодня вечером теплее; я открыла окно. Агунюшка здоров – так хорошо! Как тебе должно недоставать маленького человечка! Я по обыкновению мысленно пожелала тебе доброй ночи, поцеловала подушку, и так хотелось мне, чтобы ты был со мной. В мыслях наклоняюсь над тобой, благословляю тебя и нежно целую все милое лицо. Ах, мой милый, как бесконечно ты мне дорог! Прощай, мое солнышко, спи хорошо, пусть святые ангелы охраняют твою постель и пусть Святая Дева оберегает тебя. Мои нежные мысли и молитвы всегда витают над тобой. Тоскую по тебе, и жажду тебя, и остро переживаю минуты твоего одиночества. Благословляю тебя. Прощай, мой ангел, Бог сохранит и защитит тебя и вернет тебя здоровым.

Твоя Alix.

Когда Эва начинает читать, через несколько секунд бандонеон внезапно прерывает свою игру.

В окне появляется ошеломленное лицо Карлоса.

Фортепиано перехватывает музыку.

Капитан заинтересованно смотрит на всю эту мелодраму.

Диего и Чучо недовольны, обмениваются молчаливыми жестами. Но Диего нравится начитка Эвы, он знаком приказывает Чучо продолжать.

Чучо показывает в окно Карлосу кулак, тот приходит в себя. Начинает играть. Текст заканчивается. Последний аккорд.

Карлос выбегает, чтобы заговорить с Эвой.

Его не пускают Диего и в первую очередь Чучо.

Это видит вышедшая следом Софи – она все поняла. Софи плачет и уходит. Хлопает дверь.

7. ТАМ ЖЕ. КАПИТАН, ЭВА, ДИЕГО, КАРЛОС, ЧУЧО.

Запись закончена. Капитан вручает Эве цветы. Чучо и Диего сдерживают Карлоса.

Э в а. Что за новости?

К а п и т а н. Это от Полковника.

Э в а. Хосе, не надо лгать, тем более по мелочи! Он н и к о г д а не дарит мне темно-красные розы. Потому что отлично знает, что я их не люблю. И даже если б и поручил передать мне букет, он бы точно проинструктировал, что дарить, а что нет.

К а п и т а н. Ну что ж. Должен признаться, что это моя инициатива. Однако просил бы разговаривать со мной корректнее.

Капитан бросает букет в корзину для бумаг.

Э в а (надменно). А что такое?

К а п и т а н. Не надо забывать. Со мной лучше сохранять мир.

Э в а. Не надо мне угрожать! Об этом можно ведь и пожалеть.

К а п и т а н. А я бы не советовал очень-то уж полагаться на могущество Полковника. Оно не вечно, и сам он не бессмертен. К тому же он может узнать что-то про Эву Гуарте. То, что ему не понравится.

Э в а. Опять шантаж. Одно и то же. Что ж нового он может узнать обо мне?

Капитан приподнимает свой портфель, как бы показывая его и одновременно спрашивая: «Открыть?»

К а п и т а н. Он может увидеть фотографии из прошлого...

Э в а (неуверенно). Вряд ли те фотографии его сильно впечатлят. Насколько я помню, ничего ужасного там быть не может. К тому же бульварные листки давно называют меня шлюхой... Интересно сколько это будет еще продолжаться? Я давным-давно не работаю в журналах и веду приличный образ жизни...

Капитан опускает портфель и кладет его на стул. Приобнимает Эву, подходит с ней к портрету Полковника.

К а п и т а н. Думаю, долго. Я 10 лет не выходил в море, а все до сих пор называют меня Капитан. К

тому же там в досье не только те фотографии... Есть и полицейские протоколы, и заключения медиков... а я ведь и не угрожаю, я готов помогать. У меня обширные связи. Артисты, режиссеры, импресарио... врачи...

Э в а (устало). Врачи – это хорошо. Что нужно от меня?

К а п и т а н. Да ничего особенного. Жить своей жизнью и не демонстрировать, что мои знаки внимания в тягость. Всего лишь.

Эва отстраняется, вновь приходит в воинственное состояние, отходит от Капитана и, храбрысь, поправляет прическу, глядя на свое отражение в стекле кабины.

Э в а. Ладно. Плохой мир лучше доброй ссоры. Я пойду. Мне нехорошо.

Капитан подходит ближе и далее говорит понизив голос.

К а п и т а н. У подъезда моя машина. Надо только назвать адрес, а уж шофер предупрежден. Ответ куда надо. А я пройду.

Э в а. Да, это кстати.

К а п и т а н. Еще одно. Молодой человек с бандонеоном... слишком навязчив?

Э в а. Я не хочу с ним разговаривать. Не сейчас во всяком случае.

К а п и т а н. Рад помочь.

Капитан кланяется Эве, явно прощаясь.

Э в а. Спасибо, Хосе! До встречи!

Карлос вырывается.

К а р л о с. Эва! Нам надо поговорить!

Э в а (холодно). Не о чем нам разговаривать.

К а р л о с. Как это? Выслушай меня...

Карлос рвется за уходящей Эвой. Его останавливает Капитан.

К а п и т а н. Позвольте представиться – Хосе Рикарди. Многие мои знакомые называют меня просто Капитан.

К а р л о с (недовольно). Привет.

Рукопожатие – длительное, странное, не без борьбы. Капитан силен и явно задерживает Карлоса. Дает Эве уйти.

К а п и т а н. Прошу прощения, что задерживаю, но счел своим долгом поблагодарить за доставленное удовольствие. Счастлив слышать такое замечательное исполнение Чайковского. Очень уважительно и к классику, и к нашей стране. Кому как не вам так блестяще совместить знание танго и русской музыки! Особенно хороша модуляция перед заключительной темой. На кварту вверх, конечно, кому-то может быть покажется простовато, но на мой взгляд, как раз то, что надо... Мои комплименты! Очень пронзительно звучит. Знаете, напомнило мне одну историю из прошлого... тоже пронзительную в своем роде...

Эва уходит окончательно. Где-то хлопнула дверь.

(Эву уже не догнать.) Карлос ослабляет хватку. Капитан отпускает его руку.

Капитан (к Диего и Чучо). Прошу прощения, вы не оставите нас на пару минут? Спасибо.

Диего и Чучо выходят.

8. КАРЛОС И КАПИТАН.

Капитан. Когда-то слышал я об одном музыканте. Был он сыном иммигрантов откуда-то из Европы, то ли из Варшавы, то ли из Кракова – в общем, помню, что откуда-то из Румынии...

Карлос. Хм. Уже интересно.

Капитан. ...Издали откуда-то. Неважно это. Звали его, представьте себе, Кароль Кац. Какое-то совсем не испанское имя. Даже интересно, он по национальности кто?

Карлос. Думаю, католик.

Капитан смеется.

Капитан. Кац? Католик?

Карлос. А что, вы не одобряете? У нас же католическая страна! Нет?

Капитан. Да я, собственно...

Карлос. А что вам не нравится? Вы-то по национальности кто? Антисемит?

Капитан. Смешно. Вообще-то нет. В нашей стране живут итальянцы, индейцы, немцы, югославы, русские – кого только не встретишь... Просто «Карлос Кастильо» звучит в нашей стране намного лучше, кто спорит. И этот самый Карлос, простите, Кароль Кац – вырос. Научился прекрасно играть на бандонеоне.

Карлос. Не преувеличивайте. Ничего особенного.

Капитан. И даже с успехом гастролировал по стране. И вот встретилась ему девушка с зелеными глазами...

Карлос. Надо же, с зелеными! Ка-а-ак интересно!

Карлос деланно зеваает.

Капитан. Юная. Красивая. Сама Любовь... В общем, увез он ее из дому в Байрес. Да и бросил там... через некоторое время. Поматросил, так сказать. И бросил. В 17 лет...

Карлос. А может, просто поссорились? Или застал с кем?

Капитан. Может быть... В общем, исчез парень. Никто о нем ничего не знал. Это потом уже выяснилось, что он не просто так уехал, а сел на корабль и уплыл за далекие моря. И отправился не счастья искать, а на войну...

Карлос. ...а может от кредиторов сбежал! Или от бандитов с полицией... скорее всего!

Капитан. ...На войне был, похоже, серьезно ранен...

Карлос. Ладно вам, шрам – это я в детстве с сарая упал! Ерунду не говорите!

Капитан. Для музыканта не ерунда. Я о другом. Судя по всему, серьезная травма левой руки.

Карлос. Ах это? Ничего. Я вот бью чаще с правой.

Капитан. ...Беглость пальцев со временем вернулась, а вот гибкость-то и нет. Правая вполне здорова. В общем, одиссея его затянулась лет на 10.

Карлос. На 8. С половиной.

Капитан ухмыляется.

Капитан. Еще и не торопился разыскать свою любимую после возвращения...

Карлос. А смысл? В Байресе полно красоток!

Капитан. И после этого он сильно удивлен, что та девушка не рада встрече...

Карлос. Ну хватит! Вот уж не думал, что мое личное дело настолько интересно легавым... Что вы еще хотите знать? Говорите прямо – что вам нужно?

Капитан. Профессия такая – все знать. А вот вы меня явно не знаете, поэтому и злитесь.

Карлос. Ну почему же? Я тоже, пожалуй, рискну кое-что о вас рассказать.

Капитан. Да ну? Где это вы видели мое досье?

Карлос. Обойдусь. Итак. Вы в прошлом достаточно серьезно занимались музыкой.

Капитан приторно улыбается.

Капитан. Вы мне льстите.

Карлос. ...Давно бросили. Вернуться к этому не можете прежде всего из гордости, хоть и тянет.

На лице Капитана отражается притворная озбоченность.

Капитан. Да, положение знаете ли... обязывает.

Карлос. А также из-за руки. Рука – больная тема? Судя по перчатке и малой подвижности – изуродована. Причину угадать не берусь. Мало информации. Дальше. Судя по знанию моей биографии, имеете отношение к полиции...

(Капитан рассержен, но сдерживается. Тональность речи чуть повышается.)

Капитан. ...или секретной службе.

Карлос. Согласен. В прошлом моряк. В немаленьком звании. За что вас выгнали с флота, Капитан?

(Возникает небольшая пауза. После нее Капитан начинает говорить негромко и насмешливо.)

Капитан. Даже так?! Не слишком ли смело?

Карлос. Нет. Не слишком. Армейское звание капитан вам не подходит – по возрасту и статусу вы явно тянете на большее. На запястье татуировка. Плюс походка. Явно флот. Вот флотский капитан – хоть корвета хоть фрегата – это уже гораздо теплее.

Капитан. Линкора.

Карлос. О! Что и требовалось доказать. Вы почти адмирал. И именно поэтому, скорее всего, флот вы покинули не по своей воле... А после флота... вы, почти адмирал... полиция...

Карлос морщится.

Капитан. Секретная служба.

Карлос. Все равно, это какое то ...

Капитан улыбается.

К а п и т а н. Падение?

К а р л о с. Вынужденный уход. Скажем так.

К а п и т а н. Черт, ничего себе! Да вы храбрец! Давно со мной так не говорили. Один-один. Поздравляю. Приятно беседовать с умным человеком. Где служили?

(Теперь недоволен Карлос. Говорит, тщательно выбирая слова.)

К а р л о с (неохотно). В нашей бригаде... в Испании... была газета. Статейки писал. Воззвания...

К а п и т а н. Вот уж, наверно, бойкие статейки-то были... А разведка у вас в бригаде была?

К а р л о с. Была. А насчет дедукции вы у Конан Дойла не читали, что ли?

К а п и т а н. Ну-ну. Библиотека у вас тоже, видимо, была в порядке.

Карлос смеется.

К а р л о с. Именно! Библиотека и газета при ней.

К а п и т а н. Только надо ведь еще ч и т а т ь уметь... Ладно.

Первое впечатление в целом благоприятное. На вопросы отвечаете ловко, нагло не врете. Очевидное не отрицаете – значит, не дурак. И я в вас не ошибся...

К а р л о с. В каком смысле?

К а п и т а н. Терпение, друг мой. В свое время все узнаете. Позволю себе дать вам совет на будущее: когда играете с опасным соперником, не торопитесь выкладывать все козыри на стол. Как человек... военный, вы должны понимать: резерв может решить исход битвы.

К а р л о с. Знаете, Капитан, я тоже так думаю.

Карлос смеется.

К а р л о с. И мне очень хочется применить резерв!

Капитан смотрит на часы.

К а п и т а н. Не рановато ли?

К а р л о с. По-моему, самое время! Мне любопытно, что вам за дело до судьбы Эвиты? Судя по знанию биографии, у вас к ней устойчивый интерес? Только вот какой? Агентурный? Или амурный? Хм, стихи.

К а п и т а н. ...Два-один. Ничего. Так даже интереснее. Вот вам моя визитка. Хотелось бы с вами еще пообщаться. Не откажите.

К а р л о с. Почту за честь.

К а п и т а н. Мне действительно понравилось, как вы и г р а е т е. У вас может быть большое будущее. Особенно с моей, например, помощью.

К а р л о с (насмешливо). Сыграем дуэтом?

К а п и т а н (думая о своем). Почему бы и нет? Все может быть.

К а р л о с (настороженно). А можно как-то поподробнее?

Капитан улыбается.

К а п и т а н. В другой раз. Всегда рад. Сейчас должен откланяться. Дела... Диего!

9. ТЕ ЖЕ, ДИЕГО И ЧУЧО.

Возвращаются Чучо и Диего. Капитан дает Карлосу визитку. Капитан уходит, оставив Диего небольшой бумажный пакет из портфеля. Диего прячет его содержимое в сейф. Пакет выбрасывает.

К а п и т а н. Диего, проводи меня.

(Далее вполголоса.)

К а п и т а н. Все помнишь? Мой голос убрать. Упоминания обо мне тоже.

Д и е г о. Ну договорились же!

К а п и т а н. И еще одно, мне нужно, чтобы...

Диего и Капитан уходят, продолжают разговаривать, понизив голос.

10. ТАМ ЖЕ. ЧУЧО И КАРЛОС

К а р л о с. Что-нибудь знаешь о нем? Где живет? Где бывает? Привычки-слабости?

Ч у ч о. Нет. Ничего толком... Может, Пабло расскажет? Помнишь Пабло? Он работал у него в управлении...

К а р л о с. Кто у кого работал, не мямли?!?

Ч у ч о. Капитан недавно уволил Пабло! Пабло ненавидит Капитана! Позвони ему, напои...

К а р л о с. Идея хороша. Спасибо.

Ч у ч о (вдогонку). С Эвой у них какое-то старинное знакомство!

Карлос возвращается.

К а р л о с. Это не новость... а может ТЫ Эву про Капитана расспросишь?

Ч у ч о. И не подумаю! Она знает, что мы с тобой друзья. Меня терпит постольку, поскольку помалкиваю. Тебе надо оставить ее в покое. Она не простит тебя. Я когда вернулся, слышал, что еще тогда, в 36-м, она была беременна!

К а р л о с. Что?! Когда точно это было?

Ч у ч о. Ну ты даешь! Сколько времени прошло... Да я и не знал никогда точно...

К а р л о с. А что, у Эвы есть ребенок?

Ч у ч о. Никогда ничего не слышал об этом.

К а р л о с. Так. Напиши мне на бумажке номер телефона – позвоню.

Ч у ч о. Телефон Эвы? Или Пабло?

К а р л о с. Оба.

Чучо пишет. Карлос забирает бумажку и уходит.

11. ТАМ ЖЕ. ДИЕГО И ЧУЧО.

Диего в замешательстве возвращается.

Д и е г о. Хесус, что за бардак? Почему Софи убегает посреди работы в слезах, ни слова ни сказав?.. Да еще этот ее любовник, Карлос, ведет себя... он вообще кто? Кинозвезда, агент ФБР или музыкант все-таки? Полупьяный сумасшедший француз...

Ч у ч о. Он не француз, он из Польши.

Д и е г о. Еще лучше! Иммигрант живет под вымышленной фамилией и преследует женщину Великого Человека! У этих лягушатников только и мыслей, что о бабах! Причем о чужих!

Ч у ч о. Ну ладно хоть не о мальчиках!

Д и е г о. И то слава Бо... Ты это на что намека-

ешь?.. Вот что, ты Софи привел, ты и ответишь! Это работники? Чтобы больше не повторялось! И если они такие классные музыканты, как ты мне пел – к вечеру запись должна быть готова!

Ч у ч о. Да, только у меня пленка почти кончилась. Все, что есть, в работе.

Д и е г о. Пять штук приносил тебе! Ты ее ешь или продаешь?

Ч у ч о. Две на трансляцию в первую студию отдал! И еще одну во вторую студию.

Д и е г о. Не жадничай. Используй то, что есть. Где я тебе пленку возьму?

Ч у ч о. Да в сейфе у тебя! Я же видел, как ты сейчас коробку прятал.

Д и е г о. Что ты видел?! Ты вообще знаешь, какой это дефицит?

Ч у ч о. Диего, добудь, купи, укради, выпроси у своего Капитана, только достань! Мне все равно, как ты решишь эту проблему!

Ты – директор, тебе ее и решать! Работать без пленки невозможно! Уйду в отпуск!

Д и е г о. Ну и наглец. Ладно. Будет тебе...

Ч у ч о. Когда?!

Д и е г о (*раздраженно*). Сегодня! Все!

Уходит. Чучо берет лист бумаги.

Что-то пишет столбиком, бормочет, будто считает. Лезет в карман пиджака. Достает кошелек. Считает деньги. Явно недоволен количеством. Вздыхает.

Звонит по телефону.

Ч у ч о. Алло! Здравствуйте! Сколько вы можете дать за золотые часы? Ну хотя бы приблизительно? Начало века... Хорошо.

Когда у вас перерыв? Да, успею. Спасибо.

Кладет трубку. Вынимает из пиджака золотые карманные часы. Смотрит, будто прощается с ними. Вздыхает. Кладет в карман. Одевается.

Уходит.

Затемнение. Гаснет свет в конце акта.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

12. РАДИО «БЕЛЬГРАНО».
ДЕНЬ. ЧУЧО И КАРЛОС

По радио звучит танго.

Приходит Чучо, приносит пакеты с покупками. Бутылки выкладывает в шкаф, конфеты прячет на полку.

Какие-то пакеты – в холодильник. Входит Карлос.

Ч у ч о. Ну как там Пабло? Ты узнал что-нибудь интересное?

К а р л о с. Узнал. Выключи шарманку.

Чучо убавляет музыку, но не в ноль.

Ч у ч о. Что узнал?

К а р л о с. Да ничего особенного. Картинка пока

не складывается... Ну что, запишешь меня? Пока нет никого. Я готов. Это ж недолго.

Ч у ч о. погоди. Давай сперва проясним...

К а р л о с. Что тут прояснять? Я тебя озолочу, когда стану знаменитым.

Ч у ч о. Это понятно. Куда ты денешься. Я про Софи. Я считаю, что ты ведешь себя непорядочно.

К а р л о с. Зато ты у нас такой порядочный, аж противно. Влюбился? Я ж тебе сказал. Забирай.

Ч у ч о. Она тебе кукла, что ли? Она тебя любит. Если у тебя нет по отношению к ней серьезных... намерений, то я... буду тебя... просить...

К а р л о с. Тебе надо было рыцарем родиться. Долго это все ты так говоришь. Уехать не могу. Вряд ли. Но не буду вам мешать. Поговорить – вообще нет проблем.

Ч у ч о. Хорошо. Спасибо. Если у меня получится... ее... завоевать – хорошо. Не получится – ну что ж. Не судьба, сам виноват.

К а р л о с. Да все получится! Все получится. Ну, в крайнем случае – не получится.

Оба смеются.

К а р л о с. Главное, чтоб пластинка ПОЛУЧИЛАСЬ!

Ч у ч о. Вот... насчет пластинки. Не получится пока ничего. С записью этой твоей. Пленки нет. Что есть – все в работе. А рабочие записи стереть никак нельзя – работы лишусь. Нет. Не могу.

К а р л о с. Будь же ты человеком! Это же дело всей жизни! Я знаю, что ЭТО надо записать! А то так и сдохну, и никто эту музыку не услышит!

Ч у ч о. Я понимаю! Что я – волшебник? Абракадабра, появись!

А главное – я уверен. Она есть. В этом чертовом сейфе. Сам видел, как Диего туда ее клал...

Карлос заговорщически прищуривается на сейф.

Ч у ч о. Не! Что ты? Как можно? Я не знаю, там, может, важное что...

И ключи-то все равно только у Диего... А может, мне показалось и ... заначка там у него... Главное, все обещает, а толку-то? Крутись как хочешь...

Карлос вытаскивает у Чучо незаметно из кармана пиджака пачку сигарет и прячет в карман. Карлос дружески хлопает Чучо по плечу.

К а р л о с. Ладно. Забудь... Дай закурить.

Чучо ищет. Хлопает себя по карманам. Не находит. Задумывается.

Ч у ч о. Странно... Видимо, потерял по дороге из ломбар... да вроде тут они!.. Были...

Ищет еще раз. Не находит.

К а р л о с. Вечно ты все теряешь... Как так-то? Курить даже нечего, дожили. Надо бросать.

Ч у ч о. Сейчас вернусь. Я в киоск. На углу. За сигаретами. Я быстро.

Чучо поспешно уходит.

К а р л о с. Можешь не торопиться...

Карлос стоит, опираясь на сейф. В задумчивости глядит на него. Смотрит на часы. Оглядывается по сторонам.

На полке у Чучо находит фонарик. Разглядывает скважину. Чему-то ухмыляется.

К а р л о с. Не сейф, а одно название.

Ищет на столе у Чучо и находит маленькую тоненькую отвертку. Отверткой ковыряет в скважине. Сейф открыт. Достает с полки коробку с катушкой.

К а р л о с. Нет пленки, нет пленки... оказывается, надо было просто поискать.

Находит в сейфе пачки денег. Свистит. Вздыхает. Кладет обратно.

Прячет катушку к себе в футляр бандонеона.

Слышны шаги и насвистывание Чучо. Слышен звук, будто человек споткнулся. «Черт!»

Карлос начинает суетиться, закрывать сейф, сразу не получается. Приседает на одно колено. Морщится, кричит. После недолгой возни сейф закрыт.

Только Карлос успеваешь закрыть сейф, приходит Чучо с газетой и без сигарет. Карлос не успеваешь встать, только прячет отвертку. Встает уже при Чучо.

Ч у ч о. Ты чего там потерял?

К а р л о с. Наконец-то! Где тебя носило-то?.. Чего без сигарет? У меня тут... Запонка закатилась! (показывает запонку, потряхивает колено) Ладно, давай скорей писаться – у меня руки чешутся!

Ч у ч о. Говорил же тебе: не на что писаться. На рабочей катушке только для рабочих записей место осталось...

К а р л о с. Зануда.

Ч у ч о. ...и то в обрез. Смотри, тут другое.

Чучо показывает газету.

Ч у ч о. Ты это видел?! Через месяц фестиваль танго! Как раз выйдут передачи, программу слепите... Скрипач только нужен.

К а р л о с. Лучше скрипачка!

Ч у ч о. Опять ты! Запишемся! Пленки пока нет, но достанем, мне обещали...

К а р л о с. Жмотом ты был, жмотом и помрешь... Але... Оп! А вот и есть! Давай, повелитель магнитофона, начинай колдовать.

В предвкушении Карлос достает пачку и сигарету оттуда. Постукивает в задумчивости сигаретой. Чучо откладывает газету.

Ч у ч о. Где взял-то? Не было же у тебя ничего... Да и пачка какая-то знакомая...

Чучо разглядывает пленку.

Ч у ч о (с сомнением). Какая-то она... не новая пленка, что ли...

К а р л о с. Ты еще и привередливый стал! Пишем!

Карлос кладет сигарету обратно в пачку, пачку прячет в карман, уходит в кабинку готовиться к записи. Захлопывает дверь. Наигрывает аккорды, фразы...

Чучо настраивает аппаратуру, включает магнитофон и слышит несколько фраз глуховатой записи:

«...необходимо срочно брать власть. После выборов будет поздно... Парелли нужно просто изолировать. С ним не будет проблем...» – «Скажите, Капитан, а полковник – он разве не с нами?» – «Нет. Полковник должен быть устранен. Его смерть – главная гарантия успеха. Наша задача – повесить его смерть на Президента...»

В смятении Чучо останавливает магнитофон. Идет в кабинку к Карлосу. Открывает дверь и останавливается на пороге.

Ч у ч о. Карлос... ты где взял эту катушку?

К а р л о с (смеясь). Где взял там больше нет, я проверял.

Чучо выходит и показывает на сейф.

Ч у ч о. Здесь?

К а р л о с. А хоть бы и так. А что?

Ч у ч о. Как открыл?

К а р л о с. Там замок – смех один, я его этой твоей маленькой отверткой секунд за десять... на, лови!

Карлос кидает отвертку. Чучо ловит.

Ч у ч о. Отверткой сейфы курочить – тоже на войне научился?

К а р л о с. Нет, это в 41-м, в Белграде. Гитлер еще даже на Югославию не напал.

Ч у ч о (тихо). А в Белграде как занесло?

К а р л о с (шутливо). Да после гастролей, не слишком удачных, отдыхал на курорте.

Ч у ч о. В Белграде, насколько я помню, ни моря, ни целебных вод... Ах, ну да. Банки-то и ювелирные магазины там точно есть. И тюрьма, конечно. Сюда-то тоже «на гастроли» вернулся? Или сразу «на курорт»?

Карлос усмехается.

К а р л о с. Что было – то было... Один мой тамошний знакомец... он и научил по дружбе паре трюков... Больше не успел.

Ч у ч о. Замели?

К а р л о с. Ага. Еще югославы. А потом немцы разбомбили весь город к чертовой матери... Мне-то повезло, пара царапин. Ушел. А ему – нет... Так что можешь мной гордиться. Десять секунд, думаю, рекорд.

Ч у ч о. Гордиться?! Знаешь, что ты наделал?! Ты знаешь ЧТО там, на пленке этой?!

К а р л о с. Какая разница? Что ты пристал? Взял на время, запишем, потом отдам. Что за беда-то?

Ч у ч о. Черт, вот я влип с тобой... Нельзя было лезть туда и брать ЧУЖОЕ! Хотя... кому я это говорю! Сигареты таскает из карманов!

К а р л о с. Как баба заладил! Я тебе тысячу таких куплю. Только разбогатею...

Ч у ч о. Знаешь что?

К а р л о с (*глумливо*). Нет.

Ч у ч о. Да пошел ты. Ты не тот человек, который был мне другом. Ты еще не понял, какую кашу заварил. Гастролер! Расхлебывай теперь сам как знаешь.

Чучо собирается выходить. Возвращается.

Ч у ч о. Отдай сигареты!

К а р л о с. Да на. Куда это ты?

Чучо забирает у Карлоса сигареты. Руки Чучо трясутся от гнева. Сигарета пляшет в зубах Чучо.

Зажигалка не срабатывает. Чучо бросает попытку прикурить. Выкидывает сигарету.

Ч у ч о. Даже не знаю... А вот ты... ты даже не спросил! После того как Долли...

К а р л о с. Да я знаю. Мои соболезно...

Ч у ч о. Замолчи! С женщинами мне не везет. Та, которую я... она любит моего друга... Друг, правда, оказался порядочной скотиной, да еще и уголовником... а!.. Напиться надо и под поезд... нет! Я лучше поем. И кофе выпью. А вот потом, может, и напьюсь. День рожденья все-таки! Спасибо за поздравление! Вас, маэстро, не приглашаю.

К а р л о с (*неуверенно*). Не очень-то и хотелось... катись.

Чучо уходит, хлопнув дверью.

13. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС И ЭВА

Карлос идет в кабину, садится работать над произведением: проигрывает небольшой кусок. Останавливается. Начинает снова. Останавливается. Прорабатывает пассаж. Играет целый внятный кусок, вздыхает, чертыхается и т.д.

Входит Эва. Слушает, как Карлос играет. Карлос замечает ее не сразу, прекращает играть, откладывает бандонеон, идет к ней.

К а р л о с. Я не заметил, как ты вошла. Давно ты здесь?

Э в а. Нет. Не очень... Мне нужен Чучо. Его нет, я так понимаю?

К а р л о с. Вышел.

Э в а. Скоро придет?

К а р л о с. Я ему не папа. И не мама. Не знаю.

Э в а. А что ты играл?

К а р л о с. Танго записать попробуем. Я пьесу написал. Хочу назвать ее ЭВИТАНГО.

Э в а. Красиво. То, что я слышала, мне нравится.

К а р л о с. Правда?

Эва кивает. Подходит к радиоприемнику.

Карлос защелкивает дверь на замок и идет за Эвой.

К а р л о с. Надо погово..

Эва качает головой и пальцами прикасается к губам Карлоса. Прибавляет радиоприемник. Звучит танго. Эва кладет ему руки на плечи.

Они танцуют.

С последним аккордом Карлос пытается ее поцеловать. Эва уклоняется и качает головой. Карлос раздосадован. Почти рассержен. Он наливает себе в стакан воды. Отпивает. Держит стакан в руке.

К а р л о с. Надо поговорить.

Э в а. О чем?

К а р л о с. Я должен тебе объяснить...

Э в а. Уже неважно. Не надо ничего объяснять.

К а р л о с. Ну тогда ты мне объясни. Мне тут сказали, ты была беременна, когда я уехал. Это правда? Где ребенок?

Эва меняется в лице.

Э в а. Я потеряла ребенка.

К а р л о с. Как потеряла? Как это произошло?

Эва прячет взгляд.

Э в а. Как-как... Это был несчастный случай.

Карлос в гневе бросает стакан в стену. Стакан разбивается.

К а р л о с. Эва, я вижу, что это был НЕ несчастный случай! Ты что... заплатила какому-то коновалу, чтоб он убил нашего ребенка?!

Эва взрывается и начинает нападать. Карлос отступает.

Э в а. Если даже и так, то теперь уже ничего не изменить... Это было давно! Каждый заплатит за все сполна, а вот как ты смеешь меня упрекать! Ты привез меня в Байрес и бросил! Ты просто пропал!

К а р л о с. Ты ж не знаешь ничего...

Э в а. Мне вполне достаточно того, что знаю!

К а р л о с. А что ты знаешь?

Э в а. Что ты на войну уехал, добровolec-интернационалист... чертов...

К а р л о с. Ты так говоришь, как будто я с девицами отдыхал!

Э в а. Но мне-то от этого не легче! Я была беременна... денег нет. Жить негде...

К а р л о с. Я же не знал о ребенке!

Э в а. Но ты же знал, что так бывает, да? Я осталась здесь одна. Мне было 17! На кого ты меня оставил? А теперь являешься и хочешь каких-то объяснений, отношений... спустя почти 10 лет. Ты серьезно?

К а р л о с. Я хочу вернуть то, что потерял.

Э в а. Да неужели? Нельзя ничего вернуть. Ни ребенка, ни нас.

К а р л о с. У нас может быть еще ребенок.

Э в а. У нас с тобой больше ничего быть не может. Тебе же первому я такая, какая есть теперь, не нужна.

К а р л о с. Это почему?

Э в а. Я недавно ходила к хорошему доктору... Ты прав. Тот врач был действительно коновал, и теперь... Сказали, ничего нельзя сделать... У меня нет

детей. И уже не будет... да и я сама... а! Мне 26, а жизнь уже прошла!..

Карлос приобнимает Эву, как бы успокаивая.

К а р л о с. Ну прямо так уж и прошла...

Э в а. Больше всего на свете я хотела стать актрисой – чтобы на меня с восторгом смотрели тысячи глаз и любили сотни людей...

К а р л о с. Эва, ты замечательная актриса... Ты станешь богиней для миллионов...

Э в а. Много ты понимаешь... У меня не было возможности учиться. А в театр без этого не попасть... С кино не сложилось... Вот на радио-то попала по протекции... Но я поняла, что могу помочь людям – простым, таким как мы, – если буду возле Полковника. Он сможет многое. И не суди его – ты его не знаешь. Он услышит меня. Мы любим друг друга...

Тут Карлос целует Эву, она отвечает ему, он начинает ее раздевать, через какое-то время она спохватывается, сопротивляется, происходит борьба, Карлос целует сильнее и быстрее, она начинает кричать и плакать.

Э в а. Нет!

К а р л о с. Ну ты чего? Это же я!

Э в а. Нет. Это не ты. Ты не Карлос!

Карлос останавливается.

Отодвигается от нее.

К а р л о с. Как это?

Эва плачет.

Э в а. Ты не тот, кого я любила. Тот Карлос пожалел бы меня...

(Настойчиво, возможно, уже не первый раз, стучат в дверь.)

К а р л о с. Минуточку! Иду!

14. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС, ЭВА И КАПИТАН

Настойчивый стук в дверь. Карлос открывает. Эва поспешно – и не очень удачно – поправляет свой внешний вид. Входит Капитан.

К а п и т а н. Прошу прощения, что врываюсь. Вижу – помешал... очень личной беседе... Чрезвычайные обстоятельства! Сегодня арестован полковник Лерон...

Эва перестает плакать, вытирает слезы, размазывает слегка косметикой.

Она явно встревожена и даже рассержена.

Э в а. Что???

К а п и т а н. ...по обвинению в организации военного мятежа с целью свержения президента Парелли.

Э в а. Какая чушь!

К а р л о с. Ну почему чушь, наоборот, очень даже интересно! А можно узнать подробности?

К а п и т а н. Подробностей нет пока. Это очень свежая информация. Пока она перепроверяется моими людьми...

Э в а. А где он сейчас?

К а п и т а н. Знаю только, что арестован и отправлен в тюрьму на острове Мартин-Гарсиа...

К а р л о с. Даже так? Кому-то наш Полковник сильно мешает. Прямо узник замка Иф...

Э в а. Карлос, замолчи! Хосе! Что-нибудь можно сделать? Ведь подобные обвинения против Полковника просто нелепы.

К а п и т а н. Измена и заговор – обвинения тяжелые...

К а р л о с. А уж какие удобные-то... Сразу под арест и долго разбираемся... А там и выборы пройдут... Красота! Просто аплодирую!

Э в а. Перестань красоваться уже! Хосе, умоляю, что я могу сделать?

К а п и т а н. Самое лучшее – пока не афишировать свое отношение к Полковнику. А я должен пока... оценить обстановку... перспективы развития ситуации...

Э в а. Что?!.. Какие-то перспективы... оценить обстановку... к черту вас обоих! И кстати, Карлос, я тебе не сказала, а надо бы... Это, видимо, был не твой ребенок! Можешь расслабиться!

К а р л о с. А чей же?

Э в а. А вот это уже не твое дело!

Эва быстро собирается и уходит.

15. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС И КАПИТАН.

Капитан в раздумье.

К а п и т а н. Интересная история.

Карлос тоже собирается уходить. Его останавливает Капитан.

К а п и т а н. Теперь, когда мы одни, не хотите ли объясниться, сеньор Кастильо?

К а р л о с. А тут и объяснять нечего.

К а п и т а н. На что это вы намекали при даме? Что я причастен к аресту Полковника? Хотите настроить ее против меня?

К а р л о с. Разумеется причастны. Qui prodest. Ищи кому выгодно – ключевой принцип любого расследования.

К а п и т а н. Основания для такого обвинения у вас есть?

К а р л о с. А что? Заговор мог пройти мимо вас? Возникают вопросы. Вы как профессионал чего-то стоите? Или это вы сами все и затеяли? Заговоры разве не по вашей части? У вас есть мотив – это несомненно.

Вы просто подумайте, кому откроется путь наверх, если свалить Полковника, который и так без пяти минут президент страны. Зачем заговор и мятеж главному фавориту за неделю до выборов? И про Эву я бы тоже не забывал – устраняете соперника. Все просто...

К а п и т а н. Зачем вы лезете не в свое дело?!!

К а р л о с. Интересный разговор. Одни вопросы у нас.

К а п и т а н. Вот-вот. И учтите! К вам у меня много вопросов!

К а р л о с. Например?

К а п и т а н. Например, на чьей стороне вы воювали в Испании?

К а р л о с. Какое это теперь имеет значение?

К а п и т а н. Имеет. Наша страна – друг Испании. И великого каудильо.

К а р л о с. Плохо помню. Девчонки-медсестры были замечательные. Симпатичные, не вредные...

К а п и т а н. И так, все ясно. Чем занимались по-

сле победы каудильо Франко над вашими к р а с н ы м и ?

К а р л о с. Что-то вы все загадками говорите. Вас мои предпочтения заинтересовали? Пожалуйста! Франки я уважаю всякие, лучше конечно швейцарские – они выше ценятся, а красному теперь – после Испании – я предпочитаю белое. А лучше крепленое. Вот в Андалусии, в городке Санлукар-де-Баррамеда делают редкий херес мансанилья. Необыкновенное вино. Не пробовали? Зря.

К а п и т а н. Если я вас арестую, что вы на это скажете?

К а р л о с. А за что?

К а п и т а н. За шпионаж в пользу Кремля, например. Или Белого дома. На выбор.

К а р л о с. Артист-шпион? Вас засмеют. Валяйте. У нас демократическая страна. Покажите ордер на арест.

К а п и т а н. Это как раз не проблема!

К а р л о с. А что проблема?

К а п и т а н. Вы. Мне, правда, пока не понятно, являетесь ли вы настоящей проблемой, которую надо решить кардинально. Пока мне просто хочется понять, кто вы все-таки такой, цель вашего возвращения и будете ли вы и дальше докучать чужим женщинам!

К а р л о с. Чужие женщины – это моя слабость.

К а п и т а н. Не бойтесь мести?

К а р л о с (ожесточенно). Чьей? Статуи Командора?

А что, если я как раз и вернулся, чтобы...

К а п и т а н. ...отомстить? А кому?

Карлос успокаивается.

К а р л о с. Ну мало ли. Неверной женщине. Ее любовнику.

К а п и т а н. Что вы о себе возомнили? Вы в своем уме?

К а р л о с. Слушайте, запас моего добродушия исчерпан.

Я не арестован и не обязан вам отвечать. Или вы не поняли, что запугать меня не удастся?

К а п и т а н. Ну хорошо. Ареста и неприятностей по линии полиции вы не боитесь. Это я понял. А вот если предположить, что я – в частном порядке – найду пару костоломов, которые – опять-таки в частном порядке – и вашу правую руку обработают и в негодность приведут? А? Такая перспектива тоже не пугает?

(Молчание.)

К а р л о с. Хотелось бы не доводить до этого... Что предлагаете?

К а п и т а н. Сделку. Вы оставляете в покое Эву. Навсегда. Не пытаетесь воскресить вашу безумную, но – смотрите правде в глаза – ушедшую в небытие юношескую любовь.

К а р л о с (задумчиво). Тем более что у Эвы есть магнит поприятятельней... чем я...

К а п и т а н. Вот именно! Далее. Вы не компрометируете меня в ее глазах!

К а р л о с. Вам-то что за печаль? Кто я и кто вы?

К а п и т а н. Не кокетничайте. Вы человек определенной квалификации и незаурядного ума. И можете ей дать понять многое даже парой фраз. В общем, я вас предупреждаю: если вы будете и дальше задавать много вопросов, мешать мне и лезть не в

свое дело, я ничем не смогу вам помочь. Более того, вы лишитесь возможности заниматься своим любимым делом в этой стране. Гарантирую.

К а р л о с. А если я не буду лезть... не в свое дело?

К а п и т а н. Если мы поладим, то я обещаю, что вы не пожалеете. Слово офицера.

К а р л о с. Что вы имеете в виду?

К а п и т а н. Я могу в этой стране многое. Могу устроить вашу судьбу. А могу и сломать.

К а р л о с. Лучше, конечно, не ломать. А устроить... это сколько – в долларах?

К а п и т а н. Будете довольны. И не надо иронии – я вам не мешок золота предлагаю. Посодействую в карьере. Хотите работать в лучших кабаре Байреса? Подумайте! Это постоянный ангажемент – достаточно солидные деньги, статус и реклама. В перспективе могу помочь с записью и выпуском пластинок. А там недалеко и до гастролов по стране, как раньше... Что еще? Мы планируем развивать отечественное кино, там у меня тоже есть связи... Интересно?

К а р л о с. Очень.

К а п и т а н. Вот и славно. Значит, я в вас не ошибся. И подготовился тоже не зря.

Открывает папку. Достает скрепленные листы.

К а п и т а н. Вот это – контракты на 30 выступлений – по 10 в каждом из трех крупных кабаре Байреса. На сумму обратите внимание. Это для начала.

Карлос читает. Он ошеломлен.

К а р л о с. Они... настоящие?

Капитан смеется.

К а п и т а н. А вы думаете я буду фальшивым золотом заниматься? Обижаете... Один знакомый импресарио все организовал. Под мою ответственность. Я помог ему, а он мне. Надо только поставить подпись.

К а р л о с. Не бойтесь, что я вас обману?

К а п и т а н. Честно? Не очень. Вы же не дурак – понимаете, что в случае чего я вас из-под земли достану... и туда же упрячу... Но думаю, эти крайности нам ни к чему. Вам это просто невыгодно. Вот это – контракт на запись трех пластинок в год. Сумма проставлена как вариант. Можем обсудить. Я оставлю вам это для изучения, хорошо?

Карлос молчит.

К а р л о с. Надо подумать.

Капитан достает из кармана пачку денег. Кладет перед Карлосом.

К а п и т а н. Хорошо. А чтобы лучше думалось, вот аванс.

К а р л о с. Для аванса это много.

К а п и т а н. Ничего. Пустяки. Это только начало. С ответом не тяните. Фортуна дама капризная, настроение у нее переменчивое. Так что звоните в любое время. Если меня нет, мне передадут. Жду.

Покровительственно хлопает Карлоса по плечу. Надевает шляпу. Явно собирается выйти. Карлос его останавливает вопросом.

К а р л о с. Почему я?

К а п и т а н. Что, простите?

К а р л о с. Зачем меня покупать? Почему просто не убрать, если уж сильно мешаю?

Капитан добродушно улыбается.

К а п и т а н. Не знаю. У меня планы большие. Если человек стоящий, он может пригодиться. Рука что? Главное, голова варит. Шучу, шучу!

А уж если верить в дружбу... то все становится еще интереснее. Подумайте над моими словами.

Капитан уходит. Карлос в раздумьях.

16. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС

Карлос включает запись. Проходит в кабину. Говорит в микрофон.

К а р л о с. Эта пьеса будет называться ЭВИТАН-ГО.

Играет медленную композицию.

Заканчивает играть. Выходит из кабины. Чуть перематывает. Останавливает. Включает последние такты. Слушает в задумчивости. Слышим последние аккорды, щелчок окончания записи и остаток затертой записи с компротоматом:

«...необходимо взять власть... Капитан, а полковник – он разве не с нами?..»

Карлос ошеломленно слушает и останавливает магнитофон.

Карлос вынимает катушку из магнитофона. В нерешительности стоит, думает, будто не зная, что делать.

Потом кладет катушку в коробку.

Смотрит на часы, стучит по ним – они стоят. Включает радио. Заводит часы.

Р а д и о. ...полковнику Лерону предъявлено обвинение в подготовке военного переворота в стране. Подробности в интересах следствия не разглашаются. Его кандидатура снята с предстоящих выборов...

Карлос усмехается.

К а р л о с. Что и требовалось...

Р а д и о. ...К другим новостям дня. Сегодня произошло трагическое событие для всех сотрудников нашей радиостанции.

Только что нам сообщили, что в результате несчастного случая буквально полчаса назад погиб наш коллега, звукорежиссер радио «Бельграно» Хесус Ромеро. Автомобиль, сбивший его, скрылся с места происшествия. Полиция ведет поиск машины. Очевидцев инцидента просим сообщить любые подробности в полицию или по телефонам нашей радиостанции...

К а р л о с. Что??? Ну нет, нет. Этого не может... Стоп! Он же... говорил мне, что на катушке... Его убили! Из-за этой чертовой... записи... Он обруба-ет концы! Кто следующий? Я? Это мы еще посмотрим... Эва – нет... Софи!

Карлос берет трубку.

Набирает с визитки номер. Ждет. Кладет трубку. Нервно ходит.

Карлос вновь идет к телефону. Набирает номер по памяти.

К а р л о с. Бросишь трубку – и не спасешь своего Полковника... Слушай внимательно! Позвони 46587. Это номер майора Гонсалеса, моего приятеля, он из штаба ВВС. Ах, знаешь... Отлично. Приходи туда, где мы сегодня были, только с ним и его людьми. Срочно! Скажи ему, что речь о жизни и смерти Полковника. Ну и что? Я просил... Эва! Потому что летчики просто обязаны быстро реагировать! И смогут тебя защитить! Просто ждите меня. Приду – объясню. Или пришлю кого-то... Все.

Карлос кладет трубку. Смотрит на часы. Опять берет трубку. Набирает. Ждет. Кладет. Опять набирает.

К а р л о с. Это я. Ты новости слышала? Нет? И не надо. Все потом. Да все хорошо. Скорее выходи. Ни с кем не разговаривай. Срочно ко мне. Пожалуйста, все вопросы потом! Мне нужно то, что мы приготовили в подарок имениннику. В ресторане. Да.

Карлос смотрит на часы.

К а р л о с. Черт! Да. Выходи прямо сейчас. Никуда не заходи. Не садись в такси. Смотри по сторонам. Волнуюсь за тебя... Это очень срочно. Ну хорошо. Мне тут рядом. Жду.

Кладет трубку. И тут же звонит телефон. Думает, потом все-таки берет трубку.

К а р л о с. Да. Да, это я звонил. А как вы... ах зафиксировали... так точно. Карлос Кастильо. Я хотел услышать дону Хосе. А когда он будет? Нет. Это неудобно. Не могли бы вы передать ему, что я сегодня вечером играю в ресторане «Камелот» и хотел бы встретиться? С 9.

Я буду ждать его с 8.30. Буду там до полуночи. Спасибо. Всего доброго.

Кладет трубку. Смотрится в свое отражение в стекле кабины. Поправляет волосы и съехавший чуть набок галстук. Говорит себе под нос.

К а р л о с. Ну вот и все.

Берет катушку и идет с ней в кабину звукозаписи. Мы слышим звук закрывания крышки пианино. Возвращается без катушки.

С бандонеоном.

Берет шляпу, окидывает взглядом студию, надевает шляпу, уходит.

Затемнение. Гаснет свет в конце акта.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

17. ЛЕТНЯЯ ВЕРАНДА РЕСТОРАНА.
ВЕЧЕР. КАРЛОС И СОФИ.

По радио передают танго. Пара танцует.

Карлос сидит за столом на открытой веранде ресторана возле сцены. Смотрит на часы.

Бутылка на его столе наполовину пуста. В бокале красное вино.

Сидит, играет сам с собой в шахматы.

Смотрит по сторонам. Достает пачку папирос. Там одна. Стучит папиросой. Кладет на место. Отставляет пачку. Пьет вино. Смотрит на часы.

Пишет маленькую записочку. Проверившись, запикивает ее в ювелирную коробочку с кольцом. Кладет коробочку в карман пиджака. Смотрит на часы. Карлос наливает и вновь с наслаждением пьет.

К нему сзади неслышно подходит Софи. Закрывает глаза руками.

К а р л о с. Ты! Наконец-то!

Карлос снимает ее руки с глаз и целует их.

К а р л о с. Выпьешь?

С о ф и. Не сегодня. Шарль, мне надо с тобой серьезно поговорить.

К а р л о с. Вот прямо серьезно? Что ты как долго? Принесла? Я же просил срочно! У нас очень мало времени, мне надо встретиться тут кое с кем.

С о ф и. Ясно. Пойду тогда.

К а р л о с. Ладно, говори.

С о ф и. Не сейчас. Встречайся. Кое с кем.

К а р л о с. Это не то, что ты подумала. Не томи.

С о ф и. Помучайся немного.

К а р л о с. Стой...

Карлос цепляет Софи. Софи, уходя, рассыпает нечаянно стопку нотной бумаги, которая была у нее в руках.

Карлос бросается поднимать. Она тоже. Стукаются лбами.

Он находит среди нот д р у г о й, явно отличающийся (маленький, тонкой желтой бумаги) листок. Читает. Карлос явно озадачен.

К а р л о с. Это точно?

С о ф и. Я от врача. Это уже повторное заключение.

К а р л о с. Сколько недель?

С о ф и. Там написано.

Карлос читает.

К а р л о с. И ты хочешь сказать, что это мой ребенок?

С о ф и. Наш. У меня не было никого, кроме тебя, уже очень давно.

К а р л о с. Софи, а что у тебя с Диего?

Софи вздрагивает – вопрос в точку.

С о ф и. Почему ты спрашиваешь?

К а р л о с. Софи, это простой вопрос.

С о ф и. А если я откажусь отвечать?

К а р л о с. Если ты скажешь правду, разговор имеет смысл. Если попытаешься мне солгать – прощайся.

С о ф и. Что??

К а р л о с. Ты поняла. Мы теряем время. А его и так не осталось. Я спешу...

С о ф и. Он не любовник мне, если ты об этом. И никогда не был им. Я обязана ему... он выручал меня... работаю у него...

К а р л о с. Софи! Ты чего-то не договариваешь!

С о ф и. Он когда-то пытался ухаживать за мной. Пригласил на свидание. Мы катались на его машине. У него страшно дорогой, просто роскошный «мерседес», он еще его как-то называет... Что-то похожее на эскалатор, но только с рыцарями связано, в памяти всплывает...

К а р л о с. «Экскалибур»?

С о ф и. Точно! Я попросила порулить и сбита человека. Насмерть.

Он спас меня. Взял все на себя. Сбитый оказался пьяницей. Ну а у Диего большие связи, и его оправдали. Ухаживания прекратились. Он дает мне какие-то поручения... Я просто обязана ему. Это все.

К а р л о с. И все пока мимо. Что ты делала по его приказу? Следила за мной?

С о ф и. Да, я рассказывала Диего про тебя все, что его интересовало.

К а р л о с. А когда это я начал его интересоваться?

С о ф и. Да с самого начала. Это он помог мне устроиться на работу в то кафе, где мы познакомились... Потом он спросил про новых интересных людей. Я рассказала про тебя.

К а р л о с. Ясно. Я ходил туда каждый день, когда вернулся.

Что именно ты рассказывала про меня?

С о ф и. Что ты воевал. Что хочешь снова играть. Ищешь работу. Работаешь в ресторанах и кабаре. Что мечтаешь написать и записать шедевр...

К а р л о с. А разве я об этом кому-то говорил?

С о ф и. Твое тщеславие у тебя на лбу пропечатано.

К а р л о с. Ну и что он?

С о ф и. Ходил слушал тебя в кабаре. Ему понравилось. Еще, по-моему, он звонил кому-то и упоминал твое имя...

К а р л о с. Ясно. Справки наводил. Так. Это тогда. Сегодня было что-то необычное?

С о ф и. Днем я встретила Чучо. Он сказал, что ты выкрал у Диего какую-то пленку и что мне лучше не знать, что там. Он был так возбужден. Так зол на тебя... и еще я застала потом вас с Эвой в студии. Вернее, слышала из-за двери, что вы... там... Ее плач, крики... И видела ее убегающую, растрепанную... Убить тебя захотела...

К а р л о с. И?

С о ф и. И поняла, что не смогу нажать на курок. Тогда я позвонила Диего. Сказала, что ты украл у него какую-то пленку. Хотела, чтобы он отомстил тебе за меня.

К а р л о с. А что он?

С о ф и. А он спросил только, слышала ли я запись. Я сказала, что слышала только ты и Чучо. И мне показалось, что он обрадовался...

К а р л о с. Обрадовался? Дальше что?

С о ф и. Велел держать язык за зубами, потому что он не сможет меня защитить.

К а р л о с. От кого?

С о ф и. Сказал, что лучше мне не знать...

К а р л о с. Интересно...

(Повисает молчание.)

С о ф и. И что теперь... между нами?

К а р л о с. Между нами? Между нами скоро появится кто-то третий.

С о ф и. Ты меня простил?

К а р л о с. Я-то?.. Ты же меня простила.

18. ТАМ ЖЕ. ТЕ ЖЕ И КАПИТАН.

Приходит Капитан. Повелительно манит Карлоса пальцем. Тот шутовским образом кланяется и жестами показывает: мол, две минуты, сейчас отделаюсь, только с дамой потанцую.

Карлос ведет Софи танцевать. Говорит с улыбкой, а на деле инструктирует.

К а р л о с. Слушай меня внимательно. Улыбайся. Мы беззаботно проводим время. Попробуй рассмеяться. Теперь прижмись ко мне. Спрячь глаза. Приготовься к тому, что я тебе сейчас скажу. Чучо погиб. Его убили. Из-за меня. Молчи и слушай.

С о ф и. Шарль, ты меня пугаешь. Как убили? Почему из-за тебя?

К а р л о с. Долго объяснять. В студии под крышечкой пианино – катушка с пленкой. И деньги на дороге. Там немного, но больше нет. Эта запись – приговор Капитану. А нам спасение. Капитан и военные затевают переворот...

С о ф и. Какой... переворот?

К а р л о с. В стране переворот, в стране! Пленка – это улика, ее надо срочно передать Эвите. Она сейчас должна уже быть на радио вместе с майором Гонсалесом. Это мой приятель. Не доверяй Диего! Он интриган и предатель! Судя по всему, вся эта гнусная история – его рук дело! Он явно подставил меня. И Чучо! И тебя тоже.

С о ф и. Почему подставил? Зачем? Ты ошибаешься! Ты его совсем не знаешь!

К а р л о с. Зачем, точно не знаю, но вычислить нетрудно.

Первое. Капитан довольно грубо командует и наверняка забирает часть прибыли, а Диего это не нравится. Он маскируется и пока терпит, но, по моему, ждет своего часа, чтобы полностью прибрать к рукам бизнес... Ты разве не замечала, как Диего с ненавистью смотрит на Капитана, когда тот этого не видит?

Второе. Думаю, у Капитана на Диего есть какой-то компромат. Но если убить шефа контрразведки, то можно нарваться на серьезные неприятности. Попасть под следствие, в тюрьму, могут ведь запятать или пристрелить... Другое дело – если дискредитировать Капитана...

С о ф и. Тогда и компромат не страшен – могут просто не поверить...

К а р л о с. ...или даже не рассматривать. И история с переворотом подходит идеально. Моими руками Диего выдает Капитана и заговорщиков людям Полковника, в суматохе меня убирают, сам Диего ни при чем, радио становится его, все шито-крыто...

Третье. Возможно, Диего боится, что Капитан решит его убрать. А Диего явно много знает. И на-

кануне переворота убрать его – это по правилам. Но тогда для Диего свалить Капитана – это элементарная самозащита, необходимость... Сама подумай, почему он легко взял на работу музыканта с калечной левой рукой, да еще с похмелья? Почему пленка с компроматом на Капитана лежала на виду в сейфе, который я открыл отверткой? Почему он не расстроился, что пленка украдена?.. Сделай все быстро. Да! Игрушка, которую я тебе подарил... Она у тебя где?

С о ф и. В сумочке.

К а р л о с. Не забыла, как пользоваться? Держи при себе все время!

С о ф и. Хорошо.

К а р л о с. Я потяну время, лишь бы Капитан не ушел... Сейчас я дам тебе коробочку. Там внутри записка. Отнеси ее Эвите и майору Гонсалесу. Можешь прочесть. Не ревнуй. Пожалуйста, сделай как надо. Это вопрос жизни и смерти.

С о ф и. Чьей жизни и смерти? Ее?

К а р л о с. Не-а. Моей. Твоей, кстати, тоже. И маленького. Нашего маленького. Я думаю, Капитан уверен, что я знаю то, чего не должен знать. Посмотри на него. Видишь, пиджак слева оттопырен? Там наверняка пистолет. Как думаешь, для чего? А теперь соберись. Улыбнись ему, иди попудри носик и бегом на радио. Ты принесла то, что я просил?

С о ф и. Да.

К а р л о с. Теперь отдай мне ее так, чтоб это мельком увидел Капитан, но так, как будто мы это скрываем именно от него.

Перестают танцевать. Подходят к столику Карлоса, там лежит сумочка. Софи неловко отдает коробку. Карлос прячет ее под пиджак. Капитан видит и ухмыляется, мотает головой («Дилетанты!»).

К а р л о с. Умница. Исчезни. Прошу тебя. Встреться с Эвой и срочно на автобус. Эва-то не пропадет, а вот ты в опасности. Езжай в Ла-Плату к моему дяде. Славный старик. Приютит. Он мамин брат.

У него тебя нереально найти. Мы у него были недавно. Адрес помнишь? Я скоро приеду. Возьми это кольцо.

Карлос отдает коробочку.

К а р л о с. Больше у меня все равно ничего нет. Продай его, если будет нужно. Улыбайся! Теперь иди.

С о ф и. Береги себя. Ради нас. Обещай!

К а р л о с. Хорошо. Обещаю. И ты береги себя. И малыша.

Карлос и Софи целуются.

Софи уходит, взяв сумочку.

Капитан провожает ее заинтересованным взглядом. Кидает монетку. Ловит. Смотрит на монетку. Переключает свое внимание с уходящей Софи на Карлоса.

Софи исчезает.

19. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС И КАПИТАН.

Капитан жмет руку Карлосу.
 Капитан. Рад видеть!
 Карлос. Выпьем?
 Капитан. Конечно.

Капитан кивает на шахматы.
 Капитан. Какая-то трудная задача?
 Карлос. Почти решил.

Карлос наливает. Роняет один бокал. Вино разливается. Поднимает. Снова наливает.

Капитан. Примета так себе.
 Карлос. Ничего. Бокал не разбился.
 Капитан. Хорошее. Дорогое. Есть повод?

Карлос сметает фигуры с доски. Потом снова ставит.

Карлос. Есть. Сыграем?
 Капитан. Сыграем.
 Карлос. Чур я белыми!

Капитан усмехается и жестом показывает: пожалуйста. В полном молчании довольно быстро делают несколько ходов. (1.e4 e5.2.Kf3 d6.3.Cc4 h6.4.Kc3)

Капитан. Может, будем на ТЫ? Так проще общаться? Нет?

Карлос. Легко. Твой ход.

Капитан ходит: Кс6.

Капитан. Ну и что ты решил?

Карлос думает.

Карлос. Пока думаю. Ненавижу быть в долгу.

Карлос ходит: d4.

Капитан. Брось. Вернешь, когда сможешь. Да это и не долг, а дружеская помощь...

Капитан ходит: Сg4.

Карлос ходит молниеносно. Берет пешку de.

Карлос. Кто такой Диего?

Капитан слегка обескуражен. Берет пешку К:e5.

Капитан. Пешку возьму... Вот так вопрос. Почему тебя это интересует?

Карлос. Тебе не кажется, что он тебя ненавидит?

Капитан. Не исключено.

Карлос. Что ты о нем знаешь?

Капитан. Хм. Вообще-то он иммигрант. Как ты... Как моя мама... Для нашей страны это в порядке вещей... Вроде бы испанец, но думаю, может оказаться кем угодно. Свободно говорит на нескольких языках. Жил и в Штатах, и на Кубе, и в Марселе, и в Стамбуле. И в Лондоне. Талантливый бизнесмен. Смешной. Но иногда кажется, что себе на уме. На первый взгляд мягкий, слушается меня, как ягненок. Я... куратор его радио по линии инвесторов. Но если подумать – пожалуй, ты прав. Есть в нем двойное дно... Вот! В шахматы играет гениально!

Карлос. Ясно. Может он копать под тебя?

Капитан. Зачем?

Карлос. Я думал, ты мне скажешь.

Капитан. Если далеко не ходить, все просто – чтоб избавиться от меня. И получить контроль над его любимым радио... Пожалуй... Факты?

Карлос пристально смотрит на Капитана.

Карлос. Сперва я задам вопрос, на который надо ответить правду. Ты убил Чучо?

Капитан не смотрит в глаза. Делает вид, что увлечен игрой.

Капитан. Чуть. Зачем мне это? Интересная ситуация...

Карлос. Не отрицаешь. Значит, все-таки ты.

Капитан. Объяснись.

Карлос. Это произошло меньше двух часов назад... А ты не удивлен. Сразу понял, о ком речь. А не должен был... В глаза не смотришь, врать не хочешь – знаешь, что прочту...

Капитан смотрит Карлосу в глаза.

Капитан. Вот что. Время дорого. Давай в открытую. Работу сделал профессионал. Диего позвонил мне. И признался, что ты выкрал пленку с компроматом на меня и нескольких высших военных. Где он, кстати, может прятаться, не знаешь? Приказ отдал я. Твой друг узнал лишнее. Его взяли. С ним поговорили. Он отказался сотрудничать. Его больше нет. Ты мне нравишься. Поэтому жив. Пока. Мне нужна такая светлая голова со стороны. Смелая мысль. Сильный характер.

Мне нравится, как ты играешь. Я действительно готов тебе помогать. У меня куча возможностей и связей. С ними я могу тебя сделать звездой первой величины. Тем более что моя музыкальная карьера заглохла когда-то, не начавшись... Соберем для тебя оркестр. Будешь писать и играть. Прославлять страну. Пропагандировать в мире нашу музыку и культуру.

Карлос. Это все, что от меня нужно?

Капитан. Нет.

Карлос. Что еще?

Капитан. Дружба.

Карлос. То есть?

Капитан. Просто быть со мной в приятельских отношениях. Съездим на рыбалку. Выпьем как-нибудь. Может, спрошу у тебя совета. Обсудим что-то. Все.

Карлос. Хорошо. Давай обсудим. Ты понимаешь, что Диего скорее всего стравил нас с тобой?

Капитан. Очень возможно.

Карлос. А с чего бы это? Почему он это затеял?

Капитан. Моя вина. Спьяну сказал ему как-то, что в город вернулся бывший любовник Эвы. То есть ты.

Он хотел сделать сенсационный материал. Обещал скандальный взрыв интереса к радио «Бельграно» и рост прибыли. Я запретил. Он был в ярости. Кричал, что я ничего не понимаю в бизнесе...

Карлос. Что с ним будет?

Капитан. Пусть тебя это не волнует. Предоставь решить эту проблему мне. Ты его больше не

увидишь. Что ты слышал на записи, компрометирующей меня?

К а р л о с. Все.

К а п и т а н. Молодец! Что не врешь. Так я и думал. Кто еще слышал запись?

К а р л о с. Только Чучо.

К а п и т а н. А эта твоя пианистка... что-то знает?

К а р л о с. Она пленку не слышала.

К а п и т а н. Так-так...

Пауза. Капитан о чем-то думает.

К а п и т а н. А Эва?

К а р л о с. Пленку слышали только Чучо и я.

К а п и т а н. А кто Эве звонил час назад? Зачем? Сказать, о чем вы говорили?

К а р л о с. Я хотел, чтобы она позвонила майору Гонсалесу, тому самому... который из штаба ВВС. Он наш общий знакомый...

К а п и т а н. При чем тут он?

К а р л о с. Ни при чем. Просто чтоб защитил ее. Взял под охрану. Пока ситуация не прояснится.

К а п и т а н. Ну это ладно, пусть. Но она пока ничего не знает?

К а р л о с. Пока – нет.

Капитан облегченно вздыхает.

К а п и т а н. Ладно, разберемся. Где пленка?

К а р л о с. В тайнике.

Капитан усмехается.

К а п и т а н. Мне она нужна немедленно. Где тайник?

К а р л о с. Скажу, когда проясним позиции.

К а п и т а н. Спрашивай.

К а р л о с. Цель переворота? Кто придет к власти? Зачем убивать Лерона?

К а п и т а н. Зачем тебе? Не играй в борца за правое дело. Играй музыку, у тебя это хорошо получается...

К а р л о с. Любопытство. Ничего не могу с собой поделать.

К а п и т а н. Ладно. Как хочешь. Цель очевидна – отстранение Президента, ну и Полковника, разумеется. Парелли слишком осторожен. Полковник, наоборот, – умен, смел и очень популярен. Нам ясно, что он, скорее всего, победит на выборах через неделю. Этого нельзя допустить. Его популистская программа нас не устраивает... Если устранить Лерона, то к власти придем мы.

К а р л о с. Кто это МЫ?

К а п и т а н. Я и мои друзья. Они богаты и могущественны. Кто они, тебе знать не надо. Целее будешь.

К а р л о с. Если они так сильны, ты-то им зачем?

К а п и т а н. Я гражданин этой страны. С положением и связями.

А они здесь недавно. Я их входной билет.

К а р л о с. Ясно. Думаю, билет дорогой... а почему бы им не работать с Полковником?

К а п и т а н. Так этот билет еще дороже!.. К тому же спецслужбам мои друзья отводят особую роль,

они в этом знают толк. А это уже моя епархия... С Полковником они пытались наладить контакт, но он повел себя слишком независимо. К тому же у них вызывает сомнение чистота его происхождения.

К а р л о с. Национальный вопрос?

К а п и т а н. Именно. Мне-то все равно. А они довольно щепетильны в этом...

К а р л о с. Я понимаю, о ком ты говоришь. Я этих людей... немного знаю... Мои родители в августе 39-го поехали в Польшу... повидать бабушку... И не вернулись... Ты ведь знаешь, ЧТО потом началось... в Польше... Ты понимаешь, во что эти люди превратят нашу страну?

К а п и т а н. Вполне. Сначала это будет военная диктатура. Мы наведем здесь порядок. Настоящий порядок. И страна займет в мире подобающее ей положение... Мои неме... мои друзья из Европы знают, как это сделать. А когда мы докажем свою правоту делом, пойду на выборы. Займу место Полковника.

К а р л о с. А с Эвой что?

К а п и т а н. Надеюсь на ее благоразумие. Думаю, ваша пронзительная история закончилась на прощальной ностальгической ноте в студии радио «Бельграно». В любом случае ваша встреча – это явно просто каприз с ее стороны. Сейчас ей кажется, что она без ума от Полковника. Ох уж эта Эва... Это ничего. Дайте срок. Мне нужна эта женщина.

К а р л о с. Она не любит тебя.

Карлос ходит: К:е5.

К а п и т а н. Я сам разберусь. Ты отходишь? Жертвуешь королеву? Тут что-то не так... я должен подумать.

К а р л о с. Да. Я отхожу. История закончилась. Надеюсь, что начнется другая. Мы не подходим друг другу. А вот тебя понимаю. Кстати, если уж вспоминать пронзительные истории, то мне тут рассказали одну.

(Примерно на середине рассказа Капитан достает пистолет и держит его под столом, нацелив на Карлоса, стараясь не светить танцорам, посетителям и официантам.)

К а р л о с. Один мой друг рассказал: его не так давно несправедливо уволили из одной очень серьезной... фирмы. Так вот. Приехала в Байрес девушка. Юная. Красивая. С молодым человеком. Но попал молодой человек в темную историю – так уж получилось, – и пришлось ему через некоторое время уехать в Европу. А из-за войны застрял он там почти на 10 лет. Девушка ждать его не стала. Оно и понятно.

Она же не знала ничего о нем. Зарабатывала на жизнь... Ну как могла в 17 лет, так и зарабатывала. Сперва моделью в журнале работала... И вскоре появился у нее мужчина. Заметно старше нее. С положением. Моряк. Без пяти минут адмирал. И так уж вышло, что об этой связи почти адмирала и юной девушки – модели из журнала для мужчин – узнала не только его жена. Но и его... скажем так, друзья... и не только друзья из командования флота. Скандал! Жена плеснула в него кислотой. Толком не попала,

но руку изуродовала... Потом пропала без вести... А с флота он и сам ушел. По совету друзей... Потом друзья, а может и покровители, не бросили, нашли ему новое место – в контрразведке.

Но с девушкой-моделью пришлось ему, конечно, расстаться. Он-то, конечно, не знал, откуда ему знать! А она, представьте себе, была беременна, и пришлось ей делать подпольный...

Капитан. Так, хватит... зачем это все? Хочешь ответить НЕТ на мои предложения – так и скажи... довольно слов. Мне нужна пленка. Сейчас.

Капитан демонстрирует пистолет.

Карлос смотрит на часы.

Карлос. Пожалуйста.

Карлос отдает катушку.

Капитан. Так-то лучше! А то – тайник... Правильно. Гибче надо быть... Может быть, и станешь знаменитым. Все у тебя будет, если не глупить...

Капитан собирается уходить, несколько надменно прощается с Карлосом. Протягивает руку. Тот не сразу протягивает в ответ.

Карлос. Погоди. А партия? А деньги?

Капитан. Пустяки. Отдашь, когда сможешь.

Карлос. А контракты?

Капитан. Не понимаю тебя. Определись. Или плывешь сам по себе. Или вместе со мной. Ты помогаешь мне, а я тебе. Решай. ДА или НЕТ. Только время дорого. Детали пока не важны, если ты ответишь ДА...

Карлос смотрит на часы. Без одной минуты 9.

Карлос. Вообще-то мой ответ – нет. Поэтому... Вот контракты, вот аванс...

Капитан. А почему ж ты не сбежал? Деньги-то были. Не боишься меня?

Карлос. Во-первых, убегать бессмысленно, очень разные возможности у нас, вряд ли получится. А во-вторых, остался, потому что надо было доделать кое-что.

Капитан. Доделал?

Карлос. Думаю, партию надо доиграть все-таки. Надо ж довести дело до конца...

Капитан. Тогда королеву-то я забираю. Сдаешься?

Делает ход. Берет ферзя: C:d1.

Карлос. Мои бывшие соотечественники – да, там, в Испании – научили меня, что русские не сдаются.

Карлос ходит: C:f7.

Карлос. Шах.

Капитан ходит: Кре7.

Карлос ходит конем: Kd5#

Карлос. Мат... Я, наверное, сыграю что-нибудь. Пора.

Капитан кивает. Сметает шахматы с доски. Фигуры падают на пол.

Капитан. Пора.

Карлос отворачивается от Капитана, включает радио на нужный канал и делает громче.

Капитан в это время достает и кидает что-то в вино в бокале Карлоса. Бултыхает бокал. Ставит. Свой выпивает. Оба не видят действий друг друга – каждый занят своим.

20. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС, КАПИТАН И СОФИ.

Голос Эвы. (из радиоприемника). Внимание! Экстренное сообщение! Говорит Эва Гуарте! Я обращаюсь ко всем военным, полицейским, а также всем другим честным гражданам Республики! Сегодня разоблачен заговор против президента Парелли, а также вице-президента полковника Лерона. Я обвиняю главу Секретной службы капитана Рикарди в попытке государственного переворота, попытке отстранения президента, оклеветании, аресте и покушении на убийство полковника Лерона.

Сегодня рано утром полковник Лерон – надежда и защитник бедняков и всех честных граждан – был арестован по сфабрикованному обвинению и отправлен в тюрьму на острове Мартин Гарсиа!

Есть сведения, что его должны убить! Арест и смерть нашего лидера нужны тем, кто боится его победы на выборах, тем, кто не хочет создания общества справедливости, ответственности за судьбу обездоленных, общества взаимопомощи и социальных гарантий. Мы располагаем неопровержимыми уликами против заговорщиков. Наше дело правое! Офицеры из штаба ВВС только что взяли под охрану президента и его семью. Но жизнь вице-президента полковника Лерона все еще в опасности! Я обращаюсь к тем, кто сопровождает или охраняет сейчас Полковника в тюрьме! Приказ о его аресте отдал преступник! Виновные будут наказаны. Не забывайте – в нашей демократической стране никто не имеет отдавать приказ об аресте, а тем более казни арестованного. Не выполняйте преступных приказов! Требуйте предоставить распоряжение суда, требуйте выполнения закона! Я женщина из народа, и у меня нет ни капиталов, ни дворцов. Солдаты и офицеры! Прошу вас, верните мне самое дорогое, что у меня есть! Верните стране ее лидера – полковника Лерона!.. А теперь... для тех, кто сомневается в моих словах, – неопровержимое доказательство – прослушайте диктофонную запись, на которой шеф контрразведки капитан Рикарди обсуждает с сообщниками план переворота. Из-за этой записи сегодня убит наш коллега, добывший эту запись и вскрывший заговор – звукорежиссер радио «Бельграно» Хесус Ромеро...

Звучит диктофонная запись посредственного качества:

«...необходимо срочно брать власть. После вы-

боров будет поздно... Парелли нужно просто изолировать. С ним не будет проблем...

– Скажите, Капитан, а полковник – он разве не с нами?

– Полковник должен быть устранен. Его смерть – главная гарантия успеха. Наша задача – повесить его смерть на Президента...»

Капитан смотрит, усмехается, внимательно смотрит на катушку, выбрасывает. Молниеносно, не целясь, стреляет Карлосу в живот.

Карлос охает, хватается за бок и падает.. сидит на полу. Откуда ни возьмись Софи загоразивает раненого собой.

К а р л о с. Черт! Софи! Ненавижу тебя! Я же приказал тебе уходить! Дура! Все зря теперь!
С о ф и. Нет! Я с тобой!

Капитан ухмыляется.

К а п и т а н. Есть женщины в русских селеньях...

Капитан опускает пистолет, задумывается, целится в бандонеон, но стреляет, не глядя в радиоприемник. Раздается хлопок стекла – радиоприемник затыкается. Опускает пистолет. Софи роется в сумке, достает платок, отдает Карлосу, продолжает рыться.

К а п и т а н. Дураки мы с тобой. Этот хитрец все просчитал и все-таки смог нас столкнуть. Теперь ЕГО радио первым выступило с разоблачением переворота. Благодарность Полковника гарантирована. Скандальное разоблачение поднимет рейтинг до небес... Вот так. Странно сложилась жизнь... Предатель торжествует, а мы проиграли... Тебе не кажется, что у нас много общего? Мы могли бы вместе горы своротить... а теперь моя жизнь висит на волоске, а ты уже одной ногой...

К а р л о с. Ну, во-первых, я еще жив! А между нами есть разница. Существенная! Долго объяснять. Сделай одолжение, избавь меня от своего общества!

К а п и т а н. Ладно. Мне вот что интересно... Почему ты сначала согласился, а потом обманул меня? Мы же договорились.

К а р л о с. Договорились. Мне показалось, что война кончилась и можно повернуть время вспять... А потом ты убил моего друга. И оказалось, что вернуть уже ничего нельзя.

К а п и т а н. Я же сказал. Твой друг просто узнал лишнее. По твоей, между прочим, вине. Для меня тут нет ничего личного.

К а р л о с. А у меня именно личное. Он был мне как брат!

Я, конечно, тоже хорош... Но ты... Ты просто с е ш ь смерть! Для тебя она то необходимость, то случайность... Ты и меня бы убрал. Не обманывай себя – ты рассказал мне про переворот, значит, решил и меня убить... Я слишком хорошо знаю, что такое смерть. Она все меняет.

К а п и т а н. А-а... Ты прав. Смерть все меняет. Ладно. Время вышло.

Сударыня, немедленно отойдите! Вы ему уже не поможете, а я не хочу задеть вас! Ну!

Софи целует Карлоса.

К а р л о с. Иди. Прошу тебя.
С о ф и. Ухожу.

Софи отходит.

К а п и т а н. Вот и хорошо. Женщин и детей – с линии огня... Адиос. Черт. Трудно стрелять в раненого, безоружного.

На секунду закрывает глаза, отворачивается. Взводит пистолет.

Начинает поднимать руку с пистолетом, но не успевает – раздается щелчок другого пистолета.

К а р л о с. Опустит пистолет! Медленно!

Капитан видит в руке у Карлоса маленький дамский пистолетик, и он нацелен на него. Рука застывает. Потом медленно опускается.

К а п и т а н. Ух ты! Сюрприз. Нельзя недооценивать дамские сумочки, там, оказывается, порой таится Экскалибур... Игрушка-то заряжена?

К а р л о с. Заряжена. Емкость магазина 6 патронов. Прицельная дальность 5 метров. До тебя 2. Ну, от силы 3. С предохранителя... снят. Отдачи почти нет, промазать сложно. А я в своей бригаде был вторым по стрельбе.

Капитан усмехается.

К а п и т а н. А кто был первым?

К а р л о с. Сначала Хесус Ромеро по прозвищу Чучо. Вскоре его тяжело ранили. Ему пришлось вернуться.

К а п и т а н. Значит, теперь ты чемпион? Жаль, ненадолго.

К а р л о с. Даже не пытайся злить меня. Теперь-то уж я не сделаю ошибки. Калибр, конечно, маленький. Но в живот мало не покажется. Точно знаю. А если к тому же знать, куда стрелять...

К а п и т а н. Почему ж не стреляешь?

К а р л о с. Не хочу. Хватит. Нагрешил уже. Но если дернешься – выстрелю.

К а п и т а н. А что дальше? Ты ж не можешь долго ждать. А то кровь ВСЯ вытечет.

К а р л о с. Вся не вытечет. Что-нибудь да останется. Тем более ее немного...

К а п и т а н. Ну-ну... Раз ты не хочешь стрелять, я не отдам пистолет.

К а р л о с. А кто-то просил отдать? Мне ничего уже от тебя не нужно. Мы с тобой, кажется, теперь в расчете.

К а п и т а н. В расчете? Ты о чем?

К а р л о с. Угадай с трех раз, кто тогда вызвал полицию?

Капитан. Когда тогда?

Карлос. В 36-м. Я же ездил по стране. И однажды исчез.

А меня ограбили и избili до полусмерти ночью в Кордове трое каких-то мордворотов. Спасли добрые люди. Я ел через трубочку и заново учился ходить. Левую руку изувечили так... я думал, что уже никогда не буду играть... И вот что странно... потом полиция мне предъявила фото, я их опознал. Кто-то аккуратно прострелил всем троим головы... И только спустя несколько месяцев я смог вернуться в Байрес. Эва же не знала, где я... Я бежал к ней, летел... И застал ее с другим мужчиной... Как потом оказалось, это был ты... В тот вечер моя жизнь рухнула. Я даже подражаться с тобой не мог – одноруким... И тогда я вызвал полицию. В итоге Эва потеряла ребенка... а тебя взяли за растление несовершеннолетней. Ты, конечно, выкрутился. Дело замяли... Но и твоя прежняя жизнь погибла. Я уехал в Испанию. Чтобы стрелять, хватило и одной руки... А потом и вторая зажала... Теперь я вернулся и хотел начать сначала... и что в итоге?.. Некоторые ошибки нельзя исправить.

Капитан. И самое смешное, что расплата за них... неизбежна. Как ни крути. Каждый заплатит. И раз у нас тут вечер признаний – вот тебе еще одно. Наверное, последнее. Тех парней в Кордове, которые на тебя напали тогда, нанял я.

Карлос. Зачем?

Капитан. Чтобы ты исчез. И твое местоazole Эвы освободилось бы. Я ведь уже познакомился с ней. И полюбил. Но ты со своей молодостью и музыкой не оставлял мне шанса... А эти олухи вместо того чтобы добить, обчистили тебя и бросили помирать...

Я потом убрал их. Так что... может, и лучше тебе сейчас выстрелить.

Карлос. А зачем? Я так думаю, пистолет твой мне теперь уже тем более не страшен. А вот тебе, думаю, скоро пригодится. По-моему, у тебя тоже мало времени. Просто уходи. По рукам?

(Издалека приближается вой полицейских сирен.)

Капитан. Какие некрасивые звуки! То ли дело – голос океана... По рукам. Прощай.

Карлос. До встречи.

Капитан уходит. Вой становится громче. Визг тормозов. Слышны крики:

– Стой! Руки вверх! Бросай оружие!

Раздается одиночный выстрел.

21. ТАМ ЖЕ. КАРЛОС И СОФИ.

Софи плачет, достает очередной платок, затыкает рану, обнимает раненого. Пытается поднять.

Софи. Черт... тяжелый...

Карлос пытается встряхнуться, но мысли явно путаются.

Карлос. Почему ты плачешь? Не бойся, не умру... в госпитале... знают, что делать...

Софи. А ты теперь не можешь умереть. Только попробуй!

Карлос. Да, да, я помню, я же теперь должен на тебе жениться...

Ты слышишь?

Софи мотает головой.

Карлос. Ладно, помоги встать. Неужели не слышишь?

(Встают.)

Софи плачет, но храбрится. Закусив губу, пытается улыбаться.

Софи. Что угодно готов придумать, лишь бы не жениться.

(Музыка из уличного репродуктора едва слышна. Софи и Карлос слегка качаются.)

Карлос. Вот выйдешь ты замуж и что? Что это тебе даст?

Софи. Подонок. Нашел время... Поехали.

Ковыляют.

Карлос. Подожди... ай! Больно же! Дай мне мой... бокал. Пить хочу... дай...

Софи. Хватит тебе уже. Моя очередь. Лучше сама выпью!

Карлос меняется в лице. Рычит.

Карлос. Дай сюда!

Софи выливает на пол вино.

Софи. Все бы тебе пить... пить с такой раной...

Карлос. Вот что ты наделала, а? Больше нет ведь!

Софи. Нельзя тебе пить, точно знаю... Прости. Ну потерпи немного! Поехали уже в госпиталь. Такси!

(Карлос тяжело вздыхает.)

Карлос. У тебя же есть... деньги?

Софи. На такси – есть.

Карлос. За такси и дурак заплатит. А вот за выпивку...

Софи. За какую еще выпивку?!

Карлос. Счет в «Камелоте»...

Софи. Вот как? Я теперь должна платить за то, что ты пил в ресторане?! И много ты там насидел?

(Уходя, продолжают разговаривать.)

Карлос. Понимаешь, Софи... я ждал тебя целую вечность!

Софи. Наконец-то! Я уж думала, что ты никогда... Шарль! Помогите! Такси!

Затемнение. Гаснет свет в конце акта.

(На фоне затихающих последних слов Софи нам слышна усиливающаяся музыка с характерным тембром и уличным эхо из уличных репродукторов – та самая, которую написал Карлос.)

РАССКАЗЫ
ИРИНЫ БОГАТЫРЕВОЙ
И ЛИДИИ ПЕХТЕРЕВОЙ
ПРОЗВУЧАЛИ
НА ФЕСТИВАЛЕ «КОРА»
В МОСКВЕ

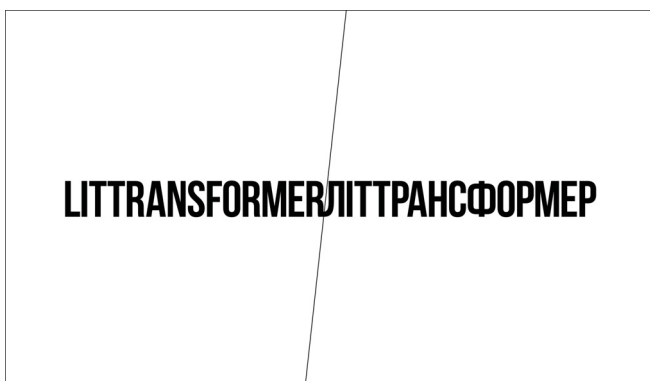
16 февраля в Москве прошел фестиваль короткого рассказа «Кора», в котором приняли участие писатель Ирина Богатырева, представившая рассказ об опыте, полученном в ульяновской школе, и автор, журналист из Ульяновска Лидия Пехтерева. На конкурс поступило около ста рассказов от авторов из разных городов России. Жюри выбрало участников финальной программы фестиваля в Москве, где писатели смогли лично представить свои рассказы.

В литературный совет фестиваля вошли

писатели Ксения Драгунская и Борис Минаев, историк литературы, профессор МГПУ Ирина Арзамасцева, редактор издательства «Волчок» Алексей Александрович Копейкин, научный сотрудник Российской книжной палаты Мария Порядина, директор издательства «Волчок» Николай Джумакулиев. Среди участников фестиваля – такие писатели как Нина Дашевская, Мария Ботева, Анастасия Строкина, Ая Эн и др. Подробности, а также видеозаписи с авторским чтением рассказов: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

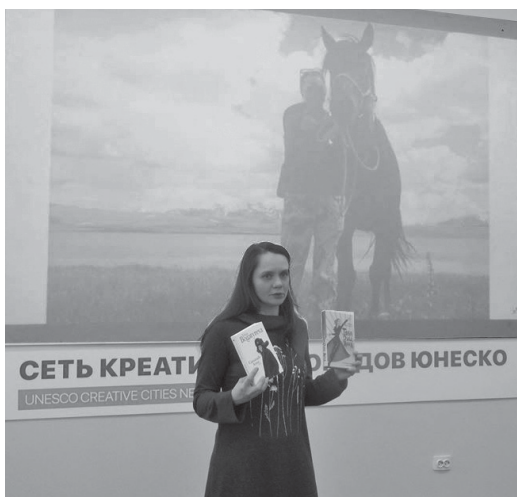
УЛЬЯНОВСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
МОГУТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ
В МЕЖДУНАРОДНОЙ
МАСТЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОГО
ПЕРЕВОДА ВО ЛЬВОВЕ

Мастерская LitTransformer пройдет во Львове, городе литературы ЮНЕСКО, с 30 мая по 8 июня 2020 года. В этом году программа семинара будет сосредоточена вокруг темы «Перевод города» и посвящена диалогу языков и культур. В ходе семинара начинающие и профессиональные переводчики из литературных городов ЮНЕСКО будут работать под руководством Арона Аджи, руководителя магистерской программы по литературному переводу Университета Айовы. Мастерская открыта для

двух категорий участников из городов литературы ЮНЕСКО: (1) продвинутые переводчики и преподаватели с соответствующим практическим опытом; (2) молодые начинающие литературные переводчики, специалисты или недавние выпускники соответствующих университетских программ. Прошедшим отбор кандидатам предоставляется проживание и питание.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

Ирина Богатырева в Ульяновске

ПИСАТЕЛЬ ИРИНА БОГАТЫРЕВА ВСТРЕТИЛАСЬ С ЧИТАТЕЛЯМИ В УЛЬЯНОВСКЕ

В феврале встречи прошли в литературном коворкинге в Ульяновске и в библиотеке на пр-те. Созидателей, 62. Автор семи книг, лауреат нескольких литературных премий, путешественник и музыкант рассказала о том, как пространство и место влияют на ее тексты, о фольклорных экспедициях, об Ульяновске в своих книгах, работе в писательских резиденциях, новом романе, в котором Волга стала одним из главных героев, а также показала фотографии из путешествий.

ОБЪЯВЛЕН ПРИЕМ ЗАЯВОК НА ФОРУМ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИПКИ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В августе в Санкт-Петербурге состоится 20-й Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки». Организатор – Фонд СЭИП – принимает заявки до 15 мая. Писатели смогут принять участие в мастер-классах с редакторами толстых литературных журналов, а по итогам форума преподаватели определяют, кому назначить стипендию. Принимаются тексты авторов в возрасте до 35 лет. Жанры: поэзия, проза, критика, драматургия, детская литература, переводы с национальных языков народов России. Прошедшим отбор кандидатам предоставляются проживание и питание.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ДРАМАТУРГ ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ ПОБЫВАЛ НА ПРЕМЬЕРЕ ПО ЕГО ПЬЕСЕ В УЛЬЯНОВСКЕ

Премьера спектакля «Свидетельские показания» по пьесе известного драматурга, лауреата «Золотой маски» Дмитрия Данилова состоялась в театре *Enfant Terrible* (реж. Дмитрий Аксёнов). Пьеса «Свидетельские показания» написана в 2018 году, опубликована в журнале «Новый мир» (№ 7, 2018). Как отметил автор пьесы: «Снова порадовал ульяновский театр *Enfant Terrible*. Осенью видел их прекрасный спектакль «Человек из Подольска». А 15 февраля был у них на премьере «Свидетельских показаний». И снова точнейшее попадание, очень тонкое режиссёрское и сценографическое решение, прекрасная актёрская работа, без переигрывания и «создания ярких образов». Отличный и, надо сказать, очень мрачный спектакль, люблю такое».

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка *Writers' Info Point* от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulskcitofliterature@gmail.com

Подготовила Гала УЗРЮТОВА

АПРЕЛЬ 2020

1 апреля – 115 лет со дня рождения кинодраматурга, сценариста **Марии Николаевны Смирновой** (1.04.1905, с. Самайкино Сызранского у. Симбирской губ., ныне Новоспасского р-на Ульяновской обл. – 4.05.1993, г. Москва). Окончила Государственный техникум кинематографии (1927). Автор сценариев фильмов «Первая учительница» (1947), «Повесть о настоящем человеке» (1948), «Хождение за три моря» (1950), «Повесть о первой любви» (1950) и др. Лауреат Сталинской премии (1948). Награждена орденом Трудового Красного Знамени.

2 апреля – 210 лет назад родился писатель, этнограф **Василий Афанасьевич Сбоев** (2.04.1810, с. Чернуха Макарьевского у. Нижегородской губ. – 20.06.1855, г. Казань). Учился в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1840 – 1841 гг. преподавал в Симбирской семинарии библейскую и церковную историю, археологию, каноническое право и немецкий язык. Затем жил и работал в Казани. Автор сочинений «Иов в художественном отношении» (1837), «Гносис и гностики» (1839), «О быте крестьян в Казанской губернии» (1855) и др.

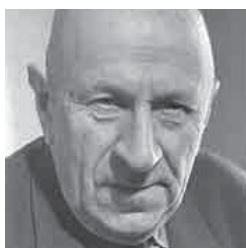
3 апреля – 95 лет со дня рождения поэта, публициста **Аркадия Аркадьевича Троепольского** (3.04.1925, с. Любохна Бежицкого у. Брянской губ. – 12.08.2010, г. Лениногорск РТ). Жил в Самаре, Мелекесе, Ульяновске. В 1941 – 1944 гг. трудился на ульяновском заводе «Металлист».

Окончил Казанский университет (1954). Работал на телевидении и в газете Лениногорска. Член Союза журналистов СССР (1966). Автор книг «Дорогу осилит идущий», «В дипломах не значится», «Звёздный путь», «Утоление жажды», «Война и Мир Григория Никишина».

4 апреля – 260 лет назад родился писатель, актёр, режиссёр, драматург **Пётр Алексеевич Плавильщиков** (4.04.1760, г. Москва – 30.10.1812, с. Ханенево Бежецкого у. Тверской губ.). Окончил Московский университет. Актёр Петербургского придворного театра (1779 – 1793). Участвовал в подготовке актёров и руководил созданными в подмосковной усадьбе Люблино, в Симбирске и Никольском-на-Черемшане труппами крепостного театра А.Н. Дурасова. Автор трагедий «Дружество» (1783), «Рюрик» (1816), комедий «Бобьль» (1790), «Сиделец» (1804) и др.

Участвовал в подготовке актёров и руководил созданными в подмосковной усадьбе Люблино, в Симбирске и Никольском-на-Черемшане труппами крепостного театра А.Н. Дурасова. Автор трагедий «Дружество» (1783), «Рюрик» (1816), комедий «Бобьль» (1790), «Сиделец» (1804) и др.

5 апреля – 130 лет со дня рождения биолога, философа, публициста **Александра Александровича Любищева** (5.04.1890, г. С.-Петербург – 31.08.1972, г. Тольятти). В 1950 – 1972 гг. жил в Ульяновске, возглавлял кафедру зоологии Ульяновского педагогического института. В 1950-х гг. написал работу «О монополии Лысенко в биологии». Изданы его сочинения «В защиту науки» (1991), «Линии Демокрита и Платона в истории культуры» (1997), «Мысли о многом» (1997) и др. Д.А. Гранин посвятил Любищеву повесть «Эта странная жизнь» (1974).

В 1950-х гг. написал работу «О монополии Лысенко в биологии». Изданы его сочинения «В защиту науки» (1991), «Линии Демокрита и Платона в истории культуры» (1997), «Мысли о многом» (1997) и др. Д.А. Гранин посвятил Любищеву повесть «Эта странная жизнь» (1974).

5 апреля – 60-летний юбилей отмечает художник, поэт **Николай Викторович Забродин** (р. 5.04.1960, с. Прислониха Карсунского р-на Ульяновской обл.). С 10 до 12 лет занимался у А.А. Пластова. Окончил Ульяновское педагогическое училище (1979). С 1986 года жил в Тольятти. Член Творческого союза художников России (2004). Сейчас преподаватель Языковой детской школы искусств. Автор стихотворений «Сказ о Прислонихе», «Мама», «Беспризорность», «Западня», вошедших в поэтический сборник «Журавлиный крик».

Сейчас преподаватель Языковой детской школы искусств. Автор стихотворений «Сказ о Прислонихе», «Мама», «Беспризорность», «Западня», вошедших в поэтический сборник «Журавлиный крик».

6 апреля – 245 лет назад родился писатель, переводчик **Гавриил Васильевич Гериков** (6.04.1775, г. Москва – 14.07.1838, г. С.-Петербург). Преподавал в Петербургском кадетском корпусе (1797 – 1809). Автор сочинений «Герои русские за 400 лет» (1801), «Вечера молодого грека» (1802), «Твёрдость духа русских» (1804), «Князь Меншиков и в ссылке великий человек» (1811) и др. В 1820 – 1821 гг. путешествовал по России; 22 июня 1820 года посетил Симбирск. Впечатления изложил в «Путевых записках по многим российским губерниям».

Преподавал в Петербургском кадетском корпусе (1797 – 1809). Автор сочинений «Герои русские за 400 лет» (1801), «Вечера молодого грека» (1802), «Твёрдость духа русских» (1804), «Князь Меншиков и в ссылке великий человек» (1811) и др. В 1820 – 1821 гг. путешествовал по России; 22 июня 1820 года посетил Симбирск. Впечатления изложил в «Путевых записках по многим российским губерниям».

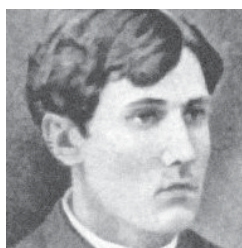
6 апреля – 40 лет исполняется поэту, журналисту, композитору **Александру Владимировичу Филатову** (р. 6.04.1980, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский филиал МГУ. Автор поэтических сборников «Помолись за меня» (1997), «Путь к грешной земле» (2002), «Сценокардия» (2016), «Ступени» (2018). Член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей России. Исполнитель эстрадных песен собственного сочинения; выпустил музыкальные альбомы «Неотсюда», «Распродажа», «Малосольный концерт» и др. Живёт в Ульяновске.

Окончил Ульяновский филиал МГУ. Автор поэтических сборников «Помолись за меня» (1997), «Путь к грешной земле» (2002), «Сценокардия» (2016), «Ступени» (2018). Член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей России. Исполнитель эстрадных песен собственного сочинения; выпустил музыкальные альбомы «Неотсюда», «Распродажа», «Малосольный концерт» и др. Живёт в Ульяновске.

10 апреля – 70-летний юбилей отмечает лингвист, литератор **Александр Иванович Фефилов** (р. 10.04.1950, д. Заимки Красногорского р-на Удмуртской АССР). Окончил Лейпцигский университет (1973). Доктор филологических наук (1993), профессор. С 1994 года живёт в Ульяновске. Декан факультета лингвистики Ульяновского государственного университета. Автор книг «Притчи» (2013), «Словомолвие» (2014), «Иваниана» (2015), «Новые сказки на старый лад» (2016) и др. Издал свой поэтический перевод трагедии И.В. Гёте «Фауст» в 2-х книгах (2017, 2019).

Окончил Лейпцигский университет (1973). Доктор филологических наук (1993), профессор. С 1994 года живёт в Ульяновске. Декан факультета лингвистики Ульяновского государственного университета. Автор книг «Притчи» (2013), «Словомолвие» (2014), «Иваниана» (2015), «Новые сказки на старый лад» (2016) и др. Издал свой поэтический перевод трагедии И.В. Гёте «Фауст» в 2-х книгах (2017, 2019).

13 апреля – 150 лет назад родился поэт **Иван Осипович Лялечкин** (13.04.1870, г. Пенза – 11.03.1895, г. Калуга). Окончил курс Сызранского реального училища (1890), Петербургский лесной институт. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Служил в Департаменте земледелия и государственных имуществ. Публиковал стихи в журналах «Север», «Звезда», «Живописное обозрение», «Будильник», «Наблюдатель» и др. Переписывался с писателем И.А. Буниным. В 1895 году подготовил к печати сборник стихов, который остался неизданным.

Окончил курс Сызранского реального училища (1890), Петербургский лесной институт. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Служил в Департаменте земледелия и государственных имуществ. Публиковал стихи в журналах «Север», «Звезда», «Живописное обозрение», «Будильник», «Наблюдатель» и др. Переписывался с писателем И.А. Буниным. В 1895 году подготовил к печати сборник стихов, который остался неизданным.

14 апреля – 120 лет со дня рождения писателя, литературоведа **Гумера Тулумбая**, настоящие имя и фамилия – **Габдулхак Джалалетдинович Шагиахметов** (14.04.1900, с. Адав-Тулумбаево Буинского у. Симбирской губ., ныне Буинского р-на РТ – 8.05.1938, г. Казань). Участник Гражданской войны в Поволжье. Окончил Институт красной профессуры (1934). Преподавал в Казанском педагогическом институте. Автор пьесы «Своё» (1925), книги «Тукай и народная литература» (1930), повестей «На нижней речке» (1932), «Трусливый солдат» (1933) и др.

16 апреля – 235 лет назад родился государственный деятель, литератор **Дмитрий Николаевич Блудов** (16.04.1785, с. Романово Шуйского у. Владимирской губ. – 2.03.1864, г. С.-Петербург). В 1823 году на его средства была построена Богоявленская церковь в Старой Майне. В 1833-м в письме к императору изложил просьбу открыть подписку на сбор средств для памятника Н.М. Карамзину в Симбирске. Он же выбрал место и предложил темы рельефов памятника. Стоял у истоков литературного общества «Арзамас». Автор мемуаров.

17 апреля – 135 лет со дня рождения прозаика, драматурга, искусствоведа **Александра Иосифовича Гидони** (17.04.1885, г. С.-Петербург – 1943, г. Касабланка, Марокко). Окончил Петербургский университет (1909). Летом 1917 года бывал в Симбирской губернии. Выполнял ответственные поручения Временного правительства в Среднем Поволжье, был военным комендантом Сызрани. Автор книг «Любовь под маской» (1915), «Роден» (1915), «Осёл в богатстве» (1925), «Алиса Терри» (1928) и др. С 1929 года жил в эмиграции.

19 апреля – 155 лет назад родился эсперантист, литератор **Александр Андреевич Сахаров** (19.04.1865, с. Кудеиха Алатырского у. Симбирской губ., ныне Порецкого р-на Чувашии – ?.07.1942, г. Москва). Окончил Симбирскую гимназию (1885). В 1891 – 1893 гг. канцелярский служащий Симбирской казённой палаты. В 1907 году основал в Москве книжный магазин «Эсперанто». Руководил Московским эсперанто-обществом. Автор эсперанто-русского словаря, романа «Воспоминания стопроцентного эсперантиста», рассказа «Сверхсильная амбиция» и др.

22 апреля – 150 лет со дня рождения государственного деятеля, публициста **Владимира Ильича Ленина (Ульянова)** (22.04.1870, г. Симбирск – 21.01.1924, г. Москва). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1887). Создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1895). Организатор Октябрьской революции (1917), инициатор создания СССР (1922). Автор книг «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм» и др. В состав 55-томного Полного собрания сочинений вошло около 9 тысяч произведений.

23 апреля – 50-летний юбилей отмечает прозаик **Игорь Анатольевич Поляков** (р. 23.04.1970, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский политехнический институт. В 1990-х гг. выпускал самиздатовский альманах «Северный царь». Работал в Ульяновске зам. главы администрации Ленинского р-на (1997 – 1999), зам. директора предприятия «Водоканал» (1999 – 2001). С 2005 года живёт в С.-Петербурге. В 2011 – 2014 гг. зам. главного редактора журнала «Аврора». Автор книги прозы «Фата Моргана» (2014). Член Союза писателей России.

24 апреля – 60 лет исполняется детскому писателю **Владимиру Михайловичу Сотникову** (р. 24.04.1960, д. Холочье Чечерского р-на Гомельской обл. Белоруссии). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1989). Принимал участие в VII Международном культурном форуме в Ульяновске 14-15 сентября 2017 года; провёл творческие встречи с читателями. Автор трилогии «Покров», «Пролитая вода», «Фотограф»; повестей «Чёрный котёнок», «Мой первый детектив», «Детский клуб приключений», «Филя-простофиля» и др. Живёт в Москве.

25 апреля – 180 лет назад родился писатель **Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир** (25.04.1840, г. Москва – 18.12.1908, там же). Учился в Московском университете. В 1871 году совершил путешествие на пароходах по Волге, во время которого посетил Симбирск. Описал свои впечатления в путевом очерке «Волга». Автор повестей и романов «Найдёныш», «Мор на Москве», «Вольнодумцы», «Кудесник», «Свадебный бунт», «Граф Калиостро», «Бригадирская внучка», «Крутоярская царевна», «Володимирские мономахи» и др.

460 лет со дня рождения иранского посла **Оруджбека Баята**, псевдоним – **Дон Хуан Персидский** (1560 – 1604). В 1599 году был зачислен в состав дипломатической миссии, отправившейся ко двору испанского монарха. Из Астрахани плыл на корабле вверх по Волге через Царицын и Самару; два месяца спустя достиг Казани. Во время путешествия проплывал мимо Симбирской горы. Автор сочинения «История Дон Хуана Персидского», в третьей книге которого описано путешествие посольства от Астрахани до Архангельска.

345 лет назад «синбирский рохмистр» **Пётр Кашинский** перевёл с польского на русский язык 260 басен Эзопа, Бабрия и Абстемия. Из них более 100 басен были переведены в России впервые. Источником перевода Кашинскому послужила книга, изданная в польском городе Кракове в 1600 году. В издании переводчик указал, что «1675 мая переведена сия книга в Синбирске». В сборник вошли басни «Об орле и вороне», «О господине со слугою», «О ворожее», «О вороне с ластовицею», «О двух отроках», «О шуте с ослом», «О волке и журавле» и др.

290 лет со дня рождения писателя **Алексея Герасимовича Зыбелина** (1730, г. Москва – 8.10.1797, г. Макаров Нижегородской губ.). Ректор Славяно-греко-латинской академии (1768 – 1770), епископ архангелогородский (1770 – 1773), епископ нижегородский (1773 – 1782). В 1780 году приезжал в Синбирск; 16 и 27 декабря выступал на торжественных собраниях со «словами при начале и окончании открытия Синбирского наместничества». Написал наставление против Емельяна Пугачева (1774), четыре письма к Екатерине II (1779 – 1789) и др.

225 лет назад родился первый русский историк философии, архимандрит **Гавриил**, в миру – **Василий Николаевич Воскресенский** (1795, г. Москва – 22.05.1868, г. Муром Владимирской губ.). С 1835 года профессор Казанского университета. В 1840 – 1841 гг. был ректором Симбирской духовной семинарии. Автор сочинений «История философии» (1839 – 1840), «Описание Зилантова монастыря» (1840), «Философия правды» (1843), «Основание опытной психологии или нравственная философия» (1845), «Поучительные слова» (1850) и др.

135 лет со дня рождения военачальника, автора мемуаров **Иосифа Сергеевича Ильина** (1885, г. Москва – 1981, г. Веве, Швейцария). Окончил Морской кадетский корпус (1907). Участник Гражданской войны на стороне Белого движения. Не раз бывал в Симбирске. После 1920

года жил в Харбине, работал в эмигрантских газетах. В 1960-е гг. сотрудничал в США с калифорнийской газетой «Русская жизнь», русскоязычным «Новым журналом». В 1937 году передал свои «Воспоминания биографического характера» в архив эмиграции в Праге.

125 лет назад родилась мемуаристка **Нина Алексеевна Кривошеина** (1895, г. С.-Петербург – 29.09.1981, г. Париж, Франция). В 1919 году эмигрировала в Финляндию; с 1920-го жила в Париже. В 1948 году возвратилась с семьёй в Советский Союз. Жила в Ульяновске (1948

– 1954), затем в Москве. В 1974 году вместе с мужем снова уехала в Париж к эмигрировавшему ранее сыну. Автор книги воспоминаний «Четыре трети нашей жизни» (1984), где описала пребывание в Ульяновске. По мотивам книги в 1999 году был снят фильм «Восток-Запад».

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Аркадий ТРОПОЛЬСКИЙ (1925 – 2010)

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

На нашей земле эти выросли люди,
И им никогда уже не постареть.
Их подвиг, их мужество мы не забудем.
И Вечный огонь будет вечно гореть.

Никто не забыт и ничто не забыто.
Солдат с автоматом над чашей огня.
Косыми дождями аллея промыта.
С портретов герои глядят на меня.

Направо портреты. Налево портреты.
Вглядись в эти лица и в эти глаза.
Войны отгремевшей застыли приметы.
Прислушайся. Слышишь ты их голоса?

В потухшем костре головешка дымится.
Пасётся в ромашках стреноженный конь.
Как молоды эти безусые лица!
Глядят через годы на Вечный огонь.

В пилотской кабине сверкнула зарница.
На кожаной куртке дымится погон.
Как молоды эти прекрасные лица!
Глядят, не мигая, на Вечный огонь.

В атаку, в атаку, в атаку на фрицев!
Прикрыла глаза от разрыва ладонь.
Как молоды эти бессмертные лица,
Что смотрят на нас
И на Вечный огонь...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Пусть в этот день не ноют ваши раны
И яркий свет коснётся ваших глаз.
С весною новой, наши ветераны,
И с Днём Победы, дорогие, вас!

Исполнили священный долг солдаты.
Был враг силён, коварен и жесток.
Замолкли пушки в мае, в сорок пятом,
И наступил на свастику сапог.

Сегодня вы стройнее станьте, деды,
Сегодня снова марши прозвучат.
У Вечного огня в наш День Победы
Вы поднимите на руки внучат.

Чтоб видели прекрасную планету,
Чтоб слышали гремящий сердца стук.
Нести им дальше жизни эстафету,
Приняв Победу из солдатских рук.

Пусть в этот день утихнут ваши раны
И солнца луч коснётся ваших глаз.
Ваш подвиг не забудем, ветераны,
Вам благодарность вечная от нас!

Николай ЗАБРОДИН (р. 1960)

* * *

Дремлет поле за дальней околицей,
Стынет снег.
Тень в окне, поклоняясь, молится,
Рыжий свет...

За морозною синь-заволокою
Грусти шаль.
Но тебя, хоть теперь одинокую,
Мне не жаль.

В час назначенный, словно в повести,
Вышла ты.
И сожгла, коль сказать по совести,
Все мечты.

Мысль убила во мне глубокую,
Стынет даль.
Может быть, мне тебя одинокую
Просто жаль...

ЗАПАДНЯ

Душа металась в западне,
А сердца стон услышан не был.
И, как седое злое небо,
Лежит он тяжестью на мне.

Хочу сорвать не свой цветок,
Не вдоль того брожу я сада,
И леденящая прохлада
Мне серебрит давно висок.

Я от любви порой бегу
И от неё же скрыть пытаюсь:
Все эти годы только маюсь,
Словно дельфин на берегу.

Печальной музыкой звеня,
Любовь безжалостно калечит.
Я тоже верил – время лечит,
Но, оказалось, не меня...

Александр ФИЛАТОВ (р. 1980)

* * *

Мы все играем в странную игру,
Где нет порой в словах ни капли правды,
Где пыл души сгорает на ветру,
Ну а мечты заветные – распяты...

Мы все играем в глупую игру –
Самим себе не вымолить прощенья.
И вновь от глаз людских я берегу
Свою любовь в надежде на спасенье...

И ты не скажешь правды невпопад,
А промолчишь, заделав брешь мгновенно.
Глаза... Твои глаза ещё горят –
Отдельный малый космос во Вселенной.

Мы все играем в старую игру –
Лукавство масок, гром аплодисментов:
Я был, я есть, и всё же я умру,
Не доиграв до нужного момента...

* * *

Перешагнув рубеж очередной,
Где за спиной – гармонии осколки,
Смотрю на мир, печальный и больной,
Уставший жить в безумной супергонке.

От бесконечно новых виражей,
Где не сберечь всё ценное – так просто,
От равнодушья занятых людей,
Где каждый первый – одинокий остров,

От суеты и временной возни,
Которые на диво постоянны,
Меня, мой Бог всесильный, охрани,
Хоть я и жил порой грешно и странно...

Не дай толпе стереть моё лицо:
Она уже накладывает руки, –
Не дай вражды, с прикладом и свинцом,
И отведи от близких те же муки!..

Я буду жить, коль скоро мне пришлось
Привыкнуть и к эпохе, и к погоде,
Но дай мне шанс, чтоб всё-таки нашлось
Моё предназначение в природе...

Иван ЛЯЛЕЧКИН (1870 – 1895)

* * *

Мятежным вихрем суеты,
Спеша, проходят дни за днями,
А душу с новыми годами
Волнуют старые мечты.

Всему есть грань, всему есть мера –
Есть мера злу, мы ждём добра
И говорим: придёт пора,
И будет – свет, любовь и вера.

Борясь с неправдою и злом,
Мы чаем светлый праздник встретить
И в нашей памяти отметить
Миг правды – правды торжеством.

Чем гуще мрак, чем зло сильнее,
Тем будет радостнее час,
Когда сойдется много нас
Делить победные трофеи.

Года идут, а мы всё ждём
Желанной радостной победы
И верим, что, минуя беды,
Мы к тихой пристани придём.

Не вняв страданиям бесконечным,
Мы свято чтим завет времён...
О человек, как ты силён
В своём терпенье вековечном!

1891

ОСЕННИЙ ПУТЬ

Моросит. Мы едем рощей;
Едем две и три версты.
Вкруг берёз кустарник тощий
Сыплет жёлтые листья.

И летят они за нами,
И догнать коней хотят,
Но, бессильные, коврами
Устилают землю в ряд.

Путь далёк. Проедем снова
Мы не две, не три версты,
Злом гонимые сурово,
Точно холодом листья...

Что нас ждёт: тепло ль участия?
Иль, как листья под дождём,
Не найдём себе мы счастья
И покоя не найдём.

1894

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Василий СБОЕВ (1810 – 1855)

ЗАМЕТКИ О ЧУВАШАХ (отрывок из книги)

Гораздо определительнее и постоянное было учение о происхождении человека и его назначении. По мнению чуваш, люди созданы были из земли самим первоверховным богом, Сюльди-Торою. Но это были существа слабые, безобразные, бессмысленные, ходившие на четвереньках, питавшиеся одними растениями, ничем не защищённые от вредоносного влияния стихий и от лютой хищных зверей. Сюльди-Тора сжалился над этими бедными созданиями своими: по его воле третий верховный бог Чон-Сиорадан-Тора, т. е. творящий души бог, создал бесчисленное множество духовных существ

и некоторые из них соединил с новосозданными людьми, а другие оставил в райской обители для детей и потомков первых людей. Как скоро душа соединилась с человеком, – он сделался существом умным, стал ходить на ногах, укрощать диких животных, питаться их мясом, владеть землёю и всем, что на ней находится.

Первобытное состояние людей было блаженное. Земля произращала им всякого рода хлеб и плоды в дивном изобилии, ничуть не требуя от них ни удобрения, ни возделывания; скота у каждого было множество; имущество у всех было равное

или лучше равно изобильное; они не знали ни труда изнурительного, ни тяжких лишений и нужды, ни горя, ни печали, ни болезней. Но недолго пользовались люди этим блаженством: самое богатство обратилось им в пагубу. Они обленились, упали духом и телом, выдумали хмельные напитки – пиво и мёд, от нечего делать предались пьянству и обжорству, а в пьяном виде начали заводить между собою распрю, ссоры, драки; каждый хотел быть больше другого, каждый хотел властвовать над всеми. Наконец, отуманенные гордостью и хмельными напитками, они поддались влиянию шайтана и совершили ужаснейшее преступление, убив первенца Сюльди-Торы. Тогда-то Сюльди-Тора рассеял их по лицу земли и поручил четвёртому верховному богу Кебе назначать людям различные жребии. С того времени явилось между людьми различие состояний, племён и языков; последние в числе семидесяти семи изобретены для разных народов самим высочайшим Богом. С тех пор Кебе при рождении каждого младенца назначает ему счастливую или несчастную участь, сообразно с будущим его образом жизни, который Кебе, как верховный бог, ясно провидит.

Пюлюхси и Пигамбар приводят в исполнение это назначение, раздавая людям внешние и внутренние блага и совершенства. Для того чтобы водворить между людьми спокойствие, порядок, благоустройство, Сюльди-Тора поставил над ними сир-

ди-падшу (земного царя), который как видимый образ высочайшего Бога облечён божественною властью творить между своими подданными суд и расправу, водворять между смертными благочиние и добродетель и карать всякое преступление, а особенно нарушение прав собственности и присвоение кем-либо из его подданных таких прав, преимуществ и достояний, которые не назначены ему от Кебе и не даны ни Пюлюхси, ни Пигамбаром. По этой причине земному царю и дана свыше особенная природа или лучше особенный божественный дух, который может иметь таинственное сношение с высшими богами небесными и который не переходит вместе с ним на тот свет, но остаётся в наследие его преемнику. Когда все люди при содействии сирди-падши сделаются добродетельными, то для них ещё на земле настанет блаженная жизнь.

В чём же состоит добродетель? В почитании богов и принесении им обычных и назначаемых йомсями жертв, в исполнении повелений царских, в уважении к старшим и особенно к йомсям, в любви к равным, в снисходительности к низшим, в довольстве своим жребием, в неприсвоении себе ничего чужого, в гостеприимстве, в трудолюбии и, наконец, в праздновании пятницы и воздержании себя в этот день от всякой работы. Люди добродетельные предназначены наслаждаться счастьем не только в настоящей, но и в будущей жизни.

Пётр ПЛАВИЛЬЩИКОВ (1760 – 1812)

БОБЫЛЬ (отрывок из комедии)

Матвей: Здравствуй, Анютушка!

Анюта: Здорово, Матвеюшка!

Матвей: Что у тебя в кузовочке-та?

Анюта: Земляника; я в лесу набрала, чтоб барину поклониться.

Матвей: Дай-ка мне отведать твоей земляники-та?

Анюта: Как бы не так; тебе-та и есть мою землянику?

Матвей: Что? Разве невидальщина твоя земляника? Молчи ж, Анюта! Будет и на моей улице праздник: ведь в барском огороде смородина поспеваает; тогда я буду Матюша. Бог с тобой, Анюта! (*Хочет взять из кузовка.*)

Анюта (бьёт его по руке): Перестань, Матвей! Эдакой нахал!

Матвей (в сторону): Дерётся; это знак добрый. (*Вслух:*) Однако, Анюта! можно бы и не драться.

Анюта. А ты не вольничай.

Матвей: Да что ж я такое сделал? Нешто, брат, ты, Анюта, заспесивела нынче: бывало, так и Матвей бывал миленьким дружкойм.

Анюта: Пошёл, ну, что за миленькой дружок?

Матвей: Так эдак-та нынче? Видно, что у вас в доме-та всё переделано, так уж во мне и нужды не стало; а как тын городить, да овец стричь, так Матвеюшка да Матвеюшка; а нынче так и землянички горстки жаль; а я так не жалел и себя для вас: всюду готов и в лес за дровами, и жать, и молотить, и косить: а от вас видел ли я хоть полушку?

Анюта: Батюшка тебе за всё за это заплатит.

Матвей: А за это чем он мне заплатит, что я убил волка, который чуть было тебя не съел?

Анюта: За это тебе спасибо, Матвеюшка!

Матвей: Спасибо! Только-та?

Анюта: Да что ж тебе больше-та?

Матвей: Я думал, что ты меня за это полюбишь, а отец твой за меня выдаст тебя.

Анюта (с застенчивостью): О! Ты многого хочешь, Матвей!

Матвей: Многого! Не думал я, Анюта, чтоб ты была такая спесиха; а у меня вот такой обычай: либо всё, либо ничего.

Анюта: Да ведь батюшка купил тебе шляпу, а я лентой подвязала; что тебе больше?

Матвей: Право! Так шляпа-та у вас так дорога?

Анюта: А другой нет у тебя.

Матвей: Я лучше век стану ходить без шляпы, чем терпеть такой попрёк. (*Сняв ленту, бросает перед ней шляпу.*) На вот, отнеси её своему отцу и скажи ему, что я не хочу от него ничего; пускай же моё за вами пропадает. Вы люди богатые; а я хоть гол, да прав.

Анюта: Коли шляпы носить не хочешь, на что ж ленту снял? Поддай ленту.

Матвей: Нет; многого хочешь, Анюта!

Анюта: Да на что тебе лента без шляпы?

Матвей: Я знаю на что. Всякой раз в посиделках, в хороводах, где только завижу тебя, стану этой ленточкой потряхивать, авось, взглянув на неё, покраснееешь, Анюта! Да от чего ж ты теперь вдруг покраснела и потупилась? Ага! Видно, совесть есть; нет, Анюта! От совести-та никуда не уйдёшь. Пускай она тебя так же помучит, как любовь к тебе меня. Узнаешь, каково добрых людей обижать; прощай, бог с тобою.

Анюта: Да шляпу-та возьми.

Матвей: Не возьму.

Анюта: Да и я не возьму.

Матвей: Так пусть её волк унесёт.

Александр ЛЮБИЦЕВ (1890 – 1972)

О ГЛУПОСТИ (отрывок из дневника)

По поводу давно прочитанной книги Елачича о глупости мне хочется привести в порядок и занести некоторые собственные мысли по этому предмету, хотя они ещё слишком мало определены. Книга Елачича, в общем, очень поверхностна и далеко не последовательна. Глупость в его изображении характеризуется отрицательными чертами (слабость памяти, бедность представлений, медленность мышления, нелюбовь к мышлению, неумение отличать существенное от несущественного, неумение понимать причинную связь, лёгкая внушаемость, упрямство и нетерпимость). Автор, будучи правоверным дарвинистом, склонен видеть в глупости просто пройденную ступень в развитии, считает её большим злом и тормозом и считает возможным с ней бороться.

Мне представляется всё это совершенно неверным – несомненно, глупость – гетерогенное понятие и далеко не все сорта глупости вредны и опасны. Несомненно, много правды и во мнении Анатоля Франса, что было бы великим несчастьем для человечества, если бы оно внезапно поумнело. К числу таких «мудрых глупостей» мы должны отнести прежде всего косность масс (конечно, в сильном развитии она сильно тормозит движение, но полное её уничтожение имело бы такое же катастрофическое последствие, как уничтожение трения), а затем, так сказать, интенсивную ограниченность; первую можно было бы назвать (и вообще отнести к разряду пассивной), вторую – активной глупостью. Эта интенсивная ограниченность, например, ясна на примере Курбэ и странно, что Елачич, признавая в случае Курбэ «полезность» глупости, совершенно отрицает возможность полезности глупости в случае учёных, считая, что глупые учёные никогда не могут внести творческого элемента в науку.

Мне представляется, напротив, сомнительным, может ли внести действительно умный человек что-либо кроме критики, так как широкий ум видит одновременно все трудности (закрытые ограниченному уму), что часто парализует его усилия. В этом смысле опять-таки очень меткие суждения у

Анатolia Франса (во «Мнениях Жерома Коаньяра»): Жером Коаньяр именно образец вполне умного человека, который не исключал из презрения, питаемого к людям, и самого себя, и это не позволило ему сделаться великим мыслителем. Коаньяр не питал того убеждения, необходимого для людей науки, что он выше всех бывших ранее гениев. Ограниченность в этом смысле, по-видимому, необходимое условие гениальности.

Другим свойством гениальности является непоследовательность (в известном, конечно, смысле) и паралогичность. Здесь опять-таки приходится вспоминать вредное влияние на развитие науки чрезвычайно умных софистов и, пожалуй, общее явление, что прогресс в новых областях идёт сначала вопреки здравому смыслу и лишь потом, когда плодотворность нового направления принуждает признать его истинным, начинается работа по подведению основ под новое здание. Поэтому проявления глупости у нормальных людей, конечно, часто вредны и непонятны, но проявления того же свойства у людей способных может сослужить крупную службу человечеству.

Поэтому и борьба с глупостью, вероятно, невозможна (как всякое евгенистическое начинание), да и в случае возможности не принесла бы, по всей вероятности, ничего, кроме вреда, так как усердные гонители глупости наряду с ней уничтожили бы многое талантливое. Скорее обилие «махровой глупости» может служить, как это ни странно, утешительным признаком, свидетельствуя, что дифференцировка человеческого рода не уменьшается, а ведь, вероятно, именно широкая амплитуда (а не средняя величина умственных способностей) и отличает культурное человечество от некультурного. Сам Елачич признаёт, что в умственном отношении человечество вряд ли шагнуло вперёд по сравнению с Элладой, Вавилоном, Египтом, а значит, и прогресс знания не есть следствие прогресса человечества, а лишь следствие суммирования и накопления знаний.

Гавриил ГЕРАКОВ (1775 – 1838)

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ПО МНОГИМ РОССИЙСКИМ ГУБЕРНИЯМ (отрывок)

1820 год. 21-го июня. В шесть часов выехали из Казани, и на седьмой версте, на прехудой лодке, с коляской и бричкой переехали Волгу, шире Невы реки; слава Богу, что тихо было, а то беда неминуемая; спускаться по крутейшему берегу страшно; счастливы мы, что ночь не настигла нас. Горько, что люди мало заботятся о безопасности ближнего, и ждут, чтоб грянул гром; а без того хоть трава не расти, для них всё равно! Переехав Волгу в Верхний Услон, шли под гору и на гору версты три, устали; девять часов утра, и мы ждём, сидя на горе, экипажей. Две станции *Сейтово* и *Бурундук* – татары; *Чи-вергин* – русские; хотя гористо, но виды прелестные; леса, – дуб и липа, цветов множество, и благовоние от оных; мосты очень дурны; в Бурундуке остановились у татарина крестьянина; на дворе обедали, окружённые татарами; рамазан, – пост их; они едят по закат солнца, и потому будто тощи, бледны; дети презамаранные и женщины тоже, и дурны же к тому. Четыре станции, ослепляющие частые молнии, громы, дождь проливной, ветер сильный, грязь и от того может быть дурные дороги, приводили в ужас; мы закрыли коляску, я предал душу свою Богу и заснул; пробудился у последней станции, подъезжая к Симбирску, от крику женского и девичьего; протирая глаза, слышу: «Баре! Не ездите по мосту, пусть грешники ездят, и то перед вами ось переломилась у какого-то проезжего». Спасибо, сказал я, и выпрыгнул из коляски, которую вместе с бричкой отправили в объезд, а сами перешли по новым перилам; мост сверху нов, а снизу гнил: вот причина, что провалились четыре доски; беда да и только!

22-го июня. Въехали в Симбирск; город прегрязный, а осенью, говорили мне, Боже упаси. Все почти строения деревянные, ветхи; девичий монастырь, где Богоматерь Свирская, четырнадцать монахинь, бедненьких старушек; Троицкий Собор отвечает всему городу, беден. Через час выехали; в станции Ключищи обедали в избе, и проехав Ташлу Ясашную, Теренгул, Горюшки, Ивановку, в четыре часа утра 23-го июня въехали в чистенький город Сызрань.

Весело видеть людей хороших, старинного покроя; здесь экспедитор почты, тридцать лет на одном месте, и всё-таки беден, а очень доволен своею судьбой и тридцатилетним рыжим париком своим. Выпивши кофею, поехали; дорога от Сызрани – степи гладкие, редко увидишь деревцо и земля не вспахана; грустно видеть вёрст сто и более нагую природу, и трава сквозь известь мало выказывается; вёрст также более ста, гора за горою известковые; пешком должны были идти почти до города Хвалынска; по охоте раз можно видеть, а на картине красивее; лишь Хвалынск проехали, почва земли лучше, и рука человеческая видна, везде хлеб; солнечные лучи, ударяясь о горы известковые, прекрасными их кажут; тут начинаются горы, зеленью покрытые, и до самой Алексеевки Саратовской губернии, деревня моего товарища с 1500 душ. Сколько мы были восхищены в Богородицком селе или Капцове, столько здесь не то по всем отношениям. Отчего же такая разность? Оттого, что бурмистр не по выбору крестьян. В три часа лишь приехали, принесли и стерлядей, и осетра аршина полтора длиною, в челноке, да всё так сухо; поели, и в девять часов, поговоря о том и о другом, заснули. Итак, в двадцать один день езды мы останавливались ночевать в Тихвине, Капцове, Ярославле, в Нижнем Новгороде и здесь, в Алексеевке.

24-го июня. Праздник у моего товарища, были у обедни, церковь в самом горестном положении; душа моя тронута была во время службы; мало крестьян у обедни, хотя великий праздник, церковью установленный, Иоанна Предтечи. Товарищ мой недовольный поехал по другим своим деревням, а я обходил избы, и по распросам моим, много крестьян имеют по десяти лошадей, столько же коров и по пятидесяти овец, а бурмистр впятеро более, не говоря о деньгах; отчего же церковь Божия в бедности, и мало было и бывает у обедни? Несмотря, что деревня богатая, дом, или лучше сказать изба для приезда барина, не отвечает избытку крестьян. В шесть часов обедали, погуляли без удовольствия; никогда не видал столь бесчисленного множества мух; однако в поставленных стаканах с вином по минутно исчезало тысяч по несколько.

Александр ФЕФИЛОВ (р. 1950)

ВОЛГА ВЛИВАЕТСЯ В КАМУ, НО ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ (байка)

Мы много наслышаны о великой русской реке Волге, но мало знаем о реке Каме. Считается, что «исток Волги – ключ у деревни Волговерховье в Тверской области». Про Каму находим следующую информацию: «Кама – река в европейской части России, левый и самый крупный приток реки Волги. Берёт начало в центральной Верхнекамской возвышенности из четырёх ключей у бывшей деревни Карпушата».

Как-то, проезжая на автомобиле мост через

Каму, я обратил внимание моего попутчика на то, что Кама довольно широкая и полноводная река, и она нисколько не уже Волги.

– Кама шире, – спокойно поведал мой попутчик, – поэтому Волга впадает в Каму.

Я подумал, что это неудачная шутка и, сдерживая улыбку, глупо спросил:

– А что же тогда впадает в Каспийское море?

Ответ был краток:

– Кама!

– Как это так? – опешил я.

– А так. Все узкие и мелкие реки впадают в более широкие и полноводные, а не наоборот. Где-то ниже Казани узкая Волга впадает в широкую Каму и прекращает своё номинальное существование. В вашем Ульяновске течёт уже точно не Волга, а Кама.

Приехав домой, я заглянул в географический атлас и с удивлением обнаружил, что в месте слияния этих двух рек Кама намного шире, чем Волга. Я задумался, в голову полезли странные мысли...

- По логике вещей, маленькое вмещается в большое, но не наоборот. Гораздо удобнее вылить содержимое бутылки в кружку, чем влить его из кружки в бутылку. Вот почему сегодня многие пьют пиво из *горла!*

- Наши культурные предки пили пиво из кружек. Хотя доподлинно неизвестно, какой напиток выливался из широких кружек в узкое горло народа. По-видимому, по этим причинам наши предки называли Каму Волгой.

- Неудобство вливания жидкости из широкого в узкое подхватила вездесущая реклама. Посмотрите, как смакуется сцена, где какой-то придурковатый образчик великого русского народа, этакая этническая подстава, пьёт молоко, стекающее по его подбородку прямо *на и под* вышитую рубашу. Надо обязательно облиться молоком. А как же иначе! Типаж превыше всего!

- С незапамятных времён повелось у нас выдавать маленькое за большое. Тогда же появился фразеологизм «Из мухи делать слона». Особенно преуспели в этом современные политики. Была бы муха...

- Историки! Не надо дурить народ. Персидскую царевну Стенька Разин утопил не в Волге, а в Каме. Если бы он попытался это сделать в тогдаш-

ней Волге, ему бы пришлось ступить из челна в воду и держать царевну за ноги, чтобы она «прекратила своё номинальное существование». («Не топи ты её, не топи, в волосах у неё бигуди». Жалко царевну! Однако, удивительный народ воспел зверский поступок Стеньки Разина в песне. Дружки Степана Разина роптали от зависти. Мужики! Те из вас, у которых подруги красивы, словно персидские царевны. Вам, случайно, друзья не завидуют?). Кстати, голову Стеньке Разину отрубили не на Красной площади, а на Болотной. На окроплённых кровью местах толпимся!

- Деревню Волговерховье дважды возвысили, а деревню Карпушата, в которой даже в истоке Камы водились маленькие карпы (карпушатки), унизили. За это унижение заплатили бурлаки на Каме. А Илью Репина ввели в заблуждение.

- Мост через волжскую Каму в ульяновском Симбирске строили два десятка лет. Когда у людей создалось впечатление, что мост строят вдоль реки, вмешались верхи, чтобы не топить больше государственные денежки в воде. Таким образом реку спасли от помельчания.

- В воде топят, а в землю закапывают. За всю историю человечества столько денег закопали! А то мы сегодня не знаем, как появляются курганы!

- Хорошо бы знать, откуда мы проистекаем и куда впадаем. Варяги, Рюрики, соколики? Хотя вряд ли узнаем. Кто-то предписал нам, что Кама впадает в Волгу, мы и поверили! Завтра нам скажут, что название нашего этноса восходит к индоевропейскому корню *russ* (кóпоть, сажа, ср. нем. *Russland* – букв. Чумазая Россия), мы тоже поверим. Кому-то очень хочется, чтобы наши лица были мёрдами, а мёрды были непременно в саже.

Дмитрий БЛУДОВ (1785 – 1864)

ЗАПИСКА О БУНТЕ В БОЛЬШЕРЕЦКОМ ОСТРОГЕ (отрывок)

Камчатка, по смене капитана флота Извекова, находилась в управлении капитана Григория Нилова, человека нерадивого и особенно подверженного слабости пьянства: он всем ссыльным предоставил полную свободу ходить и знакомиться с кем они хотели. Большерецк заключал в себе тогда не более 35 домов: гарнизон его состоял из 70 казаков, не включая из сего числа стариков и малолетних; сверх того многие из служивых были в беспрестанных командировках. Там новопривезённые арестанты нашли старых ссыльных и в числе их бывшего камер-лакея правительницы Анны, Гурченинова, которой в 1742 году участвовал в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны. (Он вместе с прапорщиком Преображенского полка Ивашкиным и сержантом Сновидовым повинился. Все трое наказаны кнутом с вырезанием ноздрей и отрезанием языка у Гурченинова).

Все сии люди, с большею или меньшею степенью образованности, могли иметь преимущество перед прочими жителями Большерецка, не исключая самого камчатского командира Нилова, у кото-

рого Бенёвский или Бейнак (как его там все тогда называли) приобрёл особенную доверенность, ибо он между прочим обучал его сына иностранным языкам и математике. Между тем он начертил для будущего своего предприятия карту Камчатки и островов Курильских и Алеутских, и в начале 1771 года тайный заговор его и Винблада со Степановым, Батуриным, Пановым, Хрущовым, Мейдером и Гурчениновым достиг совершенной зрелости. Они успели склонить на свою сторону Чулошников, приказчика купца Холодилова с его работниками, штурмана Чурина, штурманского ученика Бочарова, священнического сына Уфтюжанинова, шельмованного казака Рюмина, нескольких матросов и камчадалов.

Простым людям они внушали, что Бенёвский и привезённые к ним арестанты страдают невинно за великого князя Павла Петровича. Бенёвский в особенности показывал какой-то зелёный бархатный конверт, будто бы за печатью его высочества с письмом к императору Римскому о желании вступить в брак с его дочерью, и утверждал, что будучи

сослан за сие тайное посольство, он однако ж умел сохранить у себя столь драгоценный залог высочайшей к нему доверенности, который и должен непременно доставить по назначению. Он не мог только подговорить Гурьева и прибил его. Такой поступок обратил на себя внимание даже и капитана Нилова, который приказал приставить к Бенёвскому и Винбладу в их квартиры по одному солдату и ещё одного к двум русским их соучастникам. Бенёвский не принял приставленного к нему караула и в тот же день дал знать всем, чтобы ночью были готовы на дело. Штурманские ученики Зябликов и Измайлов подслушали их разговоры, спешили в Большерецкую канцелярию и объявили о том караульным, которые, будучи пьяны, не хотели поверить их словам, тем более, что и Измайлов был тоже не в трезвом виде. Он и Зябликов хотели известить самого капитана, но никак не могли к нему достучаться.

Во 2-м часу ночи необычайный крик часового привёл в тревогу канцелярию, но уже было поздно. Бенёвский, Винблад, Батурич, Панов, Степанов, Хрущов, Чулошников, крестьянин Кузнецов, матрос Ляпин и многие из промышленников бросились на дневального и часовых, обезоружили их и посадили на гауптвахту, потом явились пред квартирую

капитана. Там в большой прихожей спал сын его и сержант Лемзаков, в малой-казачьей пятидесятник Потапов, в чёрной избе – три вестовые казака и двое камчадал работников. Мятежники страшно застучали в дверь. Сержант первый услышал их и разбудил сына Нилова: «Что спишь? Вставай; пришли многие люди и ломаются!». А сам старался удержать дверь, запертую крюком. Сын не медля бросился к отцу, который, как бы предчувствуя вечную с ним разлуку, прижал его к себе так крепко, что он едва мог вырваться из рук его и скрыться в отхожее место. Злодеи ворвались, крича: «Имай, хватай, режь, пали, вяжи!» Нилов три раза кричал: караул! и звал вестовых. Голос его замолк в страданиях: ему изрезали ножом левую руку, лицо под ущицей пробили насквозь и нанесли глубокую язву в ногу; мёртвое тело, покрытое синими пятнами и кровью, вытащено в сени и брошено. Сержант и прочие люди связаны и уведены на гауптвахту, кроме казака Дурынина, пролежавшего всё опасное время под столом. Отсюда мятежники, овладевшие уже казною, двумя пушками и всеми военными припасами, обратились в 3-м часу утра к дому сотника Чёрного, где встретили храброе сопротивление...

Александр ГИДОНИ (1885 – 1943)

СМЕРТЬ ПОЭТА

Умер Александр Блок. Потеря тяжкая, невознаграждаемая, – как в этом сомневаться! – не только для России. Его смерть – утрата безмерная для всякого, кто не привык культурные ценности мерить маленьким аршином собственного угла, кто знает, чувствует красоту человеческих достижений – навеки для всех.

Надо верить, – без этого жить не стоит, – есть в мире царство превыше всех царств, – царство Духа. В нём, в сиянии любви, в свете вдохновения одинаково милы чутким сердцам образы Гёте и Шиллера, Байрона и Шелли, Гейне и Альфреда де Мюссе, Пушкина и Мицкевича, Словацкого и Лермонтова, Гюго и Бальзака, Толстого и Достоевского. Как мелко и ничтожно, – придя в это царство, судить о великих тенях по внешним случайным и частным признакам, в свои оценки внося мелкие вкусы злобной повседневности.

Из убеждённой англофобии называть Байрона сном в мантии трагического сплина, во имя напыщенного пангерманизма окрестить Гюго романтическим фанфароном или во имя плохо понятого еврейского национализма объярлычить Достоевского злостным антисемитом – легче лёгкого. Но ведь все это оценки – по признакам преходящим.

Горе держите сердца!

Так думал я при чтении посмертных оценок Блока зарубежной печатью. И, как это печально! – при чтении некрологов той печати, на языке и буквами которой писал поэт «Прекрасной Дамы» и «Двенадцати». О чём спорят? Кто был Блок, – большевик или антибольшевик? Поэма «Двенадцать» сатира – или лироэпическая ода?

Зачем – это? Не для того ли, чтобы в первом

случае – причислить Блока к мариологу святых, умученных большевистскими зверствами, во втором – презрительно и брезгливо отмести самую память о нём с праведного пути спасителей России. Сколько во всём этом фальши и забвения собственных убеждений!

В ходе русской культуры зарубежные газеты, которые *так* пишут, несомненно, имеют право претендовать на преемственность с теми русскими публицистами, которые, защищая в 80-е и 90-е гг. идею чистого искусства, боролись с политической тенденциозностью в области литературной и художественной критики. Именно под этим углом зрения удалось в общественном сознании молодой России поставить на должную высоту «реакционеров» Достоевского, Фета, Лескова. Именно отсюда началась переоценка многих культурных ценностей русской общественности и этим путём была завоёвана автономия русского искусства и поэзии, давшая плоды столь пышные.

Когда девять муз России перестали служить политике как самоцели – стало, в числе других, возможно и явление певца «Прекрасной Дамы».

И вот теперь – этот спор!

Скажем прямо, поэма «Двенадцать» есть поэма, а не сатира. Она воспекает *октябрьский* переворот. Она написана в пору «коалиции левых эсеров с большевиками», когда левый эсэр *товарищ* Александр Блок *так* видел октябрьский переворот. Самые споры об этой поэме возможны только потому, что она, – как всякое большое поэтическое произведение, – многогранна, потому что исполнена высшей объективности. Той самой объективности, которая умеет в сегодняшнем *частном* прозреть завтрашнее, историческое, *общее*.

Именно поэтому не звучит в поэме Блока кощунством сопоставление убийцы и распутницы с Иисусом «в белом венчике из роз». Именно поэтому не звучит обидой у Блока наименования России «толстозадой», «избеной», «кандовой». Поэт не скрыл от нас всех ужасов разбоя и убийства, слепой разнузданности страстей, и тем не менее переворот представился ему великим и окрыляющим во имя движущей идеи его, – идеи восстания. И Христа на кресте первым признал разбойник и был принят в Царство Небесное.

Такой, в общих чертах, представляется мне идея «Двенадцати». Вы можете спорить об исторической ценности этой идеи, которая, кстати сказать, намечена самыми общими штрихами революционно-романтического пафоса, а не точными формулировками отчётливой политической идеологии, – но,

споря об этом, спорьте с политиками, ещё процветающими на этой тёплой от крови и солнца земле, а не с ушедшим в вечность поэтом.

*Замолкли звуки дивных песен,
Не раздаваться им опять.
Приют певца убог и тесен,
И на устах его печать.*

Эта печать останется на его устах, его приют пребудет убогим и тесным, покуда вы будете писать на его языке, общаясь с ним не словами, которое есть дух, – но буквами.

Но когда от вас, споривших о ризах поэта, не будет и помина, будущим поколениям явится светлый певец Прекрасной Дамы и Снежной Маски во всём благоуханном великолепии его нежной, обманной и ласковой Музы.

1921

Александр САХАРОВ (1865 – 1942)

ВОСПОМИНАНИЯ СТОПРОЦЕНТНОГО ЭСПЕРАНТИСТА

(отрывок из книги)

В 1885 году я успешно сдал выпускной экзамен в Симбирской классической гимназии и получил так называемый «аттестат зрелости». Этот документ давал мне право без последующего экзамена стать студентом какого-нибудь университета. В августе 1885-го я выбрал математический факультет Казанского (ближайшего) университета. Здесь я намеревался подготовиться к педагогической работе, но случилось следующее.

В 1887 году студенты всех российских университетов восстали против сурового политического режима, который практиковала администрация царя Александра III. Студенческая забастовка была и в Казанском университете. Как и многие другие студенты, я принял участие в этой забастовке. Из-за неё университет был на некоторое время закрыт. Несколько студентов, особенно из числа наиболее активных забастовщиков, было исключено из университета, а другие получили различные наказания. Между прочим, во время этой забастовки был исключён и выслан из Казани студент Владимир Ульянов, который позже взял псевдоним «Ленин» и сыграл столь важную роль в истории нашей страны и даже всего мира. Лично я не был исключён, но получил строгий выговор и характеристику «политически неблагонадёжного гражданина». Хотя мне разрешили закончить полный курс университета, для меня закрылся путь к профессии педагога.

Итак, после сдачи в 1890 году государственного экзамена, мне нужно было поискать какую-нибудь должность, не связанную с педагогикой. После года безработного положения я по случаю получил канцелярскую должность в симбирском финансовом учреждении «Казённая палата». Проведя там два года, я получил должность финансового инспектора в районе города Ардатова. Эта должность не требовала слишком много работы и в то же время хорошо оплачивалась и была довольно независимой. Из-за отсутствия в городе каких-либо публичных развлечений я имел возможность много времени посвящать духовным занятиям.

Так я прожил десять лет, когда в 1903 году

неожиданно получил письмо от университетского друга Сергея Полянского, с которым мы студентами жили какое-то время в Казани в одной комнате. Письмо было написано на каком-то незнакомом мне языке, хотя в учебных заведениях я изучал латинский, греческий, французский, немецкий и немного английский. И странно, не зная языка, на котором оно было написано, я понял почти всё письмо.

В последних строчках письма было сказано, что оно написано на языке Эсперанто, и был дан адрес, по которому можно получить грамматику и словарь этого языка (Варшава, д-р Заменгоф). По этому адресу я написал д-ру Заменгофу письмо с просьбой прислать необходимые для изучения языка материалы. Вскоре я получил от него наложенным платежом Первую книгу Эсперанто, содержащую 16 правил грамматики, краткий эсперанто-русский словарь и короткий пропагандистский текст об Эсперанто. В бандероли я нашёл также русско-эсперантский словарь, написанный автором языка, несколько эсперантских брошюр для чтения и один номер болгарской эсперантской газеты «Рондиранто» («Идущий в кругу»). Получив книги, я положил их в шкаф до лучших времён, но, как часто бывает, другие дела заставили меня забыть о них. Только через несколько месяцев, во время беседы в каком-то обществе об изучении разных языков, я вспомнил о полученных книгах и извлёк их из шкафа.

Вскоре мне предстояла железнодорожная поездка в Казань. Чтоб развлечься в ходе 10-часовой поездки, я положил учебник Эсперанто в карман и за время пути изучил всю грамматику. Это было начало моего занятия языком Эсперанто.

Должен сказать, что я всегда мечтал о поездке за границу, чтоб сравнить тамошнюю жизнь с нашей, но не отваживался осуществить эту мечту, так как не мог бегло говорить ни на одном чужом языке, хотя теоретически знал многие. Это стимулировало мой интерес к идее универсального языка и подготавливало хорошую почву для семени, брошенного моим другом Полянским. Поэтому, вернувшись из Казани, я продолжил занятия Эсперанто.

Владимир ЛЕНИН (1870 – 1924)

ПИСЬМО К СЪЕЗДУ (отрывок)

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна её неустойчивость и неизбежно её падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдалённое будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нём говорить. Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по моему, самые

выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьёзном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по моему, двойкой или даже тройкой цели, чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох.

Игорь ПОЛЯКОВ (р. 1970)

ЖЕРТВА (отрывок из повести)

Когда в высокие решётчатые окна било дождём, в комнату судьи Иконникова вошла его жена. Руки её были переплетены у живота и сутулили хрупкие плечи.

– Ты знаешь... Ты знаешь... – сказала она шёпотом. – У нас скоро будет ребёнок.

Спинка высокого кресла зашевелилась и медленно повернулась. Осторожно, словно боясь спугнуть тихий голос, Иконников оттолкнулся от полировки стола и, подойдя к жене, опустился на колени, приставив голову к животу так, чтобы слушать.

Судья Иконников давно хотел иметь детей, но

не потому, что очень любил их или хотел оставить наследника, а по настойчивому желанию наблюдать с самых первых минут человеческую жизнь.

Он вжался ухом в тёплую ткань платья и замер, словно проверяя, действительно ли это так, как сказала жена. И, прикрыв глаза, с интонацией человека, заинтересованного только в общей цели происходящего события, проговорил:

– Замечательно...

Недавно в суде он вынес приговор двоим преступникам за совершённую кражу, а ещё неделю назад – одному убийце и насильнику, осуждённому

за одно и то же во второй раз. И в обоих случаях, как и во многих других, не мог понять, как и почему происходит преступление и где зарождается то неуловимое и невидимое, что слепо и безрассудно руководит этим.

Просиживая на процессах и как обычно внимательно перелистывая дело, он думал о жизни того или другого человека, рассматривая его случайно оброненным взглядом. И потому как суд затягивался и приходилось скучать, Иконников задумывался глубоко и отрешённо. Если сначала он отгонял упрямые мысли и, передёрнув плечами, быстро погружался в работу и её смысл, то потом начинал каждое заседание с пристального всматривания в сидящие напротив фигуры. И если взгляд падал на кого-нибудь в зале, то Иконников был уверен, что знает о нём уже всё или очень многое, и даже без затруднения определял его прошлое. Но там, где взгляд, а с ним и мысль упиралась в преступника, и Иконников хотел представить себе человека и сложную цепь событий в наложении лет, приведшую его сюда, – вставала тёмная непроходимая завеса. Блеклыми и странно серыми выглядели лица осуждённых в зале суда, и за лицами не было видно жизни. Чёрным туманом покрывалось прошлое. И за толстыми папками, за цифрами и буквами текста было непонятно – что больше виновато в этом, сам человек или слепые силы обстоятельств, которыми никто не владеет. И Иконников не понимал, кто эти люди и

где произошло то, что сделало их сразу так не похожими на остальных и лишало прошлого, поместив лишь в настоящем, где были они только ворами и убийцами и уже не были обыкновенными людьми.

Холодом и неопределённостью тянуло от тревожных вопросов. И в маленьком пространстве зала, в нагнетаемой ответственности событий, где вместе с преступниками сидело само преступление и сам незримый Закон появлялся над всеми, поднимая величественно голову, – казалось ему, что такое может произойти с каждым, и даже с ним. И если узнать, отчего это происходит, то всё будет понятно и хорошо, и что он, судья Иконников, решающий судьбы людей, может быть спокойным, что такого с ним не случится.

Иконникову было сорок три года, и он подсчитал, что оставшихся лет ему хватит ровно на столько, чтобы на будущем ребёнке просмотреть человеческую жизнь с самых её первых шагов и разрешить все вопросы. Он не думал, кто у него родится, мальчик или девочка. И даже оставался равнодушным к тому, какое дать будущему ребёнку имя и кем он вырастет. И было так, что между отцовскими чувствами и судейским долгом он выбирал последнее, и рождение первенца рассматривал как какое-то средство от вредной и опасной болезни, которая вносила в его стройный ритм жизни страх и незащищённость...

Владимир СОТНИКОВ (р. 1960)

ОХОТНИК (отрывок из повести)

Идущий берегом человек правой рукой отмахивал чуть-чуть назад, разворачивая плечо – я вспомнил Валеру, который на походку перенёс свою боксёрскую привычку вместе с шагом метнуть вперёд и руку.

Этого звали Константин. Все в партии обращались к нему коротко – Кость, а Кость, и я слышал почему-то в этом обращении не уменьшенное имя, а значение самого слова, короткого и острого. А когда говорили о нём, то употребляли полное имя – Константин.

– А я тебя искал в лагере, – он бросил к моим ногам пустой мешок. – Сейчас сеть выберу, скажу зачем. Хочешь, помоги.

Стоя в лодке, он перебирал сеть руками, вытаскивая рыбу. Я сидел на корме и отгребал вёслами. «Табань легонько», – сказал он. Вспомнилась частушка Высоцкого: «Эх, табань, табань, табань, а то в берег врежемся...» Я подумал: если повторять это странное слово несколько раз, то обязательно появится Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России.

На берегу он переложил из лодки рыбу в мешок, весело ругнувшись, что улов оказался велик.

– Пошли? – сказал он и закинул мешок за спину.

Почему-то не хотелось так сразу оказываться с ним вместе. Но что я скажу – посижу ещё? Погуляю?

Пройдя метров сто, он бросил две рыбины с расклёванными головами, которые нёс до этого в

руке, летевшим за нами бакланом: «От, обжоры!»

– Мужики стреляют бакланов, отпугивают, чтоб не клевали. А по мне, так это неизбежный процент потери. Все питаются как могут.

– А если головы отрезать – нельзя эту рыбу есть? – спросил я.

Он посмотрел на меня, чуть-чуть задержал взгляд.

– Да наверное, можно. А чего ты ходишь сюда? Я раза два тебя видел возле зимовья.

Я удивился: мне казалось, что я всегда здесь находился в полном одиночестве.

– Так. Отдыхаю.

– Ты брось. Место нехорошее. Когда сюда первая партия приехала, рассказывают, в леднике возле избушки вместе с мороженой рыбой стреляный труп нашли. На материк отвезли, закопали неопознанного. А как его опознаешь – неизвестно, сколько лет он пролежал.

Я вспомнил зуб мамонта, все предметы в избушке – вот в чём была разгадка их нетронутости. Как на могиле, нельзя было ничего трогать. Морозец пробежал по спине при воспоминании о моих долгих посиделках внутри избушки.

– А к тебе бабы липнут? – вдруг спросил он.

Я помолчал, поняв, что в разговоре с ним надо не удивляться неожиданностям, а привыкнуть к ним.

– Нет.

Он хохотнул:

– Коротко и ясно.

– Помнишь, как Остап Бендер спросил, есть ли в городе невесты, дворник ответил – кому и кобыла невеста? Всё относительно.

Он махнул рукой:

– Да ничего не относительно. Какой-то умник придумал, и все повторяют, как попки: относительно, относительно... Я же, например, не буду сравнивать этот мешок, – он дёрнул плечом, – с тем, что на Клязьме ловлю. Там одно – здесь другое.

– Но вот же – сравнил.

– Да где ж я сравнил? Я ж не буду там сеть ставить, а здесь с удочкой сидеть. А удовольствие от

рыбалки – одно и то же. Понимаешь? Не количество этой долбаной рыбы...

– Я понимаю. Только не пойму, при чём тут бабы.

– При том же. Один всю жизнь увлека-а-ается, слюни пускает, на поплавок смотрит, а у другого и без наживки клюёт.

Мы некоторое время шли молча. Лагерь был уже совсем близко.

– А вообще-то я тебя на охоту хотел позвать. На вездеходе. А то ходишь один вокруг зимовья, как... всадник без головы!

Мне стало и смешно и жутковато от этого сравнения.

Евгений САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР (1840 – 1908)

ВОЛГА (отрывок из очерка)

За сутки тоски в Симбирске судьба вознаградила меня. Я попал на отличный пароход общества «Кавказ и Меркурий». Всюду виднелись другие порядки. Всё было чище, всё подавалось быстро и опрятно. Капитан парохода... не ломался перед публикой, не заводил споров, пока пароход лез на беляну или на мель, а почти не слезая с мостика, делал своё дело. Помощники его, два молодых человека, и лоцманы, и прислуга оправдывали поговорку: «каков поп, таков и приход». Сам пароход, громадный и широкий, шёл необыкновенно быстро, и при поворотах и причаливаниях к пристаням повиновался команде, как хорошо выученный медведь. Приятно было смотреть, как эта громадина, тяжёлая и на вид неуклюжая, математически верно причаливала, поворачивалась, взбаламучивая чуть не половицу реки. За нами всё время, от самого Симбирска, гнался пароход «Самолёт», с явным намерением где-нибудь отчалить ранее и уйти вперёд, но ему это не удалось. Ему оставалось только пропустить какую-нибудь пристань или принять пассажиров с лодки...

Симбирск, невидимый с парохода, когда к нему подходишь сверху, теперь весь как на ладони, рассыпался по скату горы и более 2-х часов пути ещё виден вдалеке, сначала ярко освещённый солнцем и затем в лиловатом тумане сумерек. Впереди гора, видимая из города, теперь надвинулась ближе. Это, кажется, Сенгилей. Признаюсь, что до приезда сюда и не слышал ничего о городе Сенгилее.

Отсюда начинается та Волга, о которой столько говорят, которая покрыта историческими прозвищами, испещрена легендами и упоминается чаще всего в сказаниях о временах атаманов разбойников, как до Стеньки и Емельки, так и после них. Самое красивое место Волги, к несчастью, проходится всеми пароходами ночью... Было уже поздно, но полная луна ярко освещала путь, когда мы, пройдя Криуши и Сенгилей, приближались к тому месту, где река широко разливается, как озеро, у подножия огромного утёса по имени Усолье, который положительно стал среди дороги матушки Волги... Когда тёмный утёс, из-за которого выплыла и сияла луна,

надвинулся над нами, загрозив всю южную часть небес – вдруг подул порывистый ветер, погнав нам навстречу большую волну с серебристым гребешком. Пароход стал покачиваться. «Шквал! Да ещё какой! – сказал капитан. – Посмотрите! С тех пор, что я делаю рейсы на Волге, не запомню такого шквала в июне!»

Ветер усилился так, что не только рвал одежду, но, дойдя до морских размеров, сбивал с места... К шквалу и вихрю с гулом и свистом прибавились человечьи стоны. Голосов 30 дико и дружно завывали в полверсте от нас, где чернелась масса плотов, колыхаемых волной и разгорались, при виде парохода, давно потухшие огоньки и костры... «Чего они орут?» – сказал капитан. «Может быть, помощи просят? – сказал кто-то, – Бурей разбило». «Да ведь их полсотни голосов, – какая же это беляна или плот? Стало, несколько плотов тонет зараз. Ну, да пароход этот рейсовый, а не душеспасительный... Бог поможет!»

Капитан, не сходявший с мостика, поминутно давал свистки, поминутно объезжал плоты с горевшими на них кострами. Все эти длинные плоты, сильно колыхаемые волнами, уже не держались на воде поодиночке, а были просто разбросаны по реке кучками, бились по 2 и по 3 вместе или растягивались поперёк реки. Пароход лавировал между ними, поминутно приостанавливаясь и круто поворачивая вправо и влево. «Ах, проклятые!» – шептал капитан поминутно.

Волна била и качала всё сильнее. Вдруг капитан скомандовал: «Стоп! – Затем: – Задний ход!». Перед носом парохода плавала какая-то чёрная масса, и волна брызгала по ней... Мы обошли это место и с трудом разглядели разбитый или разорванный плот. Балки были наворочены кучей друг на друга по три и по четыре... После этой плавучей кучи мы шли около часа среди десятков, если не сотен таких же разорванных и разбросанных волнами кусков. Очевидно, что шквал успел размыть более десятка плотов. Мне невольно пришло на ум: что сделали и куда девались при этом хозяева или батраки. Днём я видал на таких плотках и детей...

Орудж-бек БАЯТ (1560 – 1604)

ИСТОРИЯ ДОН ХУАНА ПЕРСИДСКОГО (отрывок из книги)

На берегу этой реки, по пути в Московию с правой стороны, обитает татарское племя, которое разводит верблюдов, лошадей и мелкий скот и живёт, подобно бедуинам, переменяя своё местожительство по временам года. Это племя называется Ногаи. Так как пастбища находятся на другом берегу реки, а мостов, по которым мог бы перейти скот, нет, то при ежегодной переправе через реку в августе, когда вода стоит особенно низко, они употребляют для скота такой способ: связывают животных хвостами и пускают их по 30 и по 50; животные, толкая друг друга, преодолевают течение воды и переправляются. Для мелкого скота протягивают над водой полотно толстой просмоленной ткани, наподобие корабельных досок, очень плотно сотканное, и, натянув их шестью, переводят баранов и овец; но так как расстояние очень велико – ибо и в более узком месте река имеет в ширину одно лье, – то половина стада обыкновенно погибает. Это племя татар одинаково готово служить тому или другому государю и владеет скотом в таком изобилии, что баран стоит меньше реала. В делах религии они в высшей степени невежественны, но чрезвычайно гостеприимны и когда пригласят кого, то убивают жеребца, готовят блюдо из половых частей его и подносят гостю в знак особой любви и уважения к нему.

Два месяца мы плыли по этой реке и через каждые 10 дней высаживались на каком-нибудь местечке, потому что по берегам реки расположены небольшие селения с деревянными домами. В каждом селении мы оставляли гребцов и брали других на свои галеры – всё это делалось по распоряжению ратников, которые провожали нас по приказанию московского царя. По обоим берегам реки тянутся горы, населённые и весьма высокие; в них мы видели много медведей, львов, тигров и куниц разных пород. На расстоянии каждых 100 лье есть город, принадлежащий московскому царю, и первый из них, к которому мы прибыли, назывался Ямар (Чёрный Яр), второй – Саресен (Царицын), третий – Симер (Самара) и другие, им подобные. Когда на реке поднималась буря, гребцы высаживали на берег лошадей, и они тянули галеры канатами. Каждую ночь мы проводили на берегу в открытом поле, под охра-

ной и защитой ратников.

Под исход этих месяцев мы прибыли в очень большой город, принадлежащий московскому царю. Он называется Казань и имеет более 50 000 жителей-христиан. В городе множество церквей, и в них столько больших колоколов, что в канун праздника нет возможности заснуть.

Когда мы прибыли к этому городу, нас вышло встречать такое множество людей, смотревших на нас с удивлением, что мы едва могли проехать по улицам и площадям. Мы пробыли в городе 10 дней, причём нас так обильно угощали, что кушанья приходилось выбрасывать за окно. В этой стране нет бедняков, потому что съестные припасы столь дешёвы, что люди выходят на дорогу отыскивать, кому бы их отдать. Зато есть недостаток в хороших винах, ибо нет иного вина кроме того, которое выделывают из пшеницы и ячменя; оно чрезвычайно крепко, так что пьющие быстро приходят в опьянение, и потому законом установлено, чтобы чиновники не носили оружия, так как среди них то и дело случаются убийства.

Страна эта очень холодна, и потому все ходят в одежде из меха куниц, которых здесь очень много. Нет иных плодов, кроме очень кислых лесных яблок, да и тех немного. Жители хорошо сложены: мужчины очень белы, полны и высоки; женщины вообще весьма красивы; одежда и шапочки из куньего меха, которые они носят, придают им ещё больше красоты. Печи в большом употреблении. В каждом доме держат собаку, подобную льву, потому что боятся быть ограбленными ночью. Эти собаки днём привязаны на цепи, а вечером в известный час дают знак звоном в колокола, что собак хотят выпустить на улицы – пусть люди остерегаются: когда их выпустят, никто не осмеливается выйти из дому, иначе собаки растерзают его в клочки. Все дома этого города деревянные, но есть большая и сильная крепость с каменными стенами; в ней находится весьма значительное число ратников, которые ночью держат стражу на постах – как в Испании, Италии и Фландрии. Такая предосторожность вызывается тем, что ночью турки и татары совершают нападения и поджигают селения...

Пётр КАШИНСКИЙ (XVII век)

БАСНИ (в переводе с польского)

О ПТИЦАХ

Прилетали на совет птицы, чтоб больше королей между собою выбрать, разумеючи, что орёл сам не может осуществлять эту власть, так велико и много птиц. Молвила им ворона, чтоб помнили, такую причину давая, что лучше накормить одного волка, нежели многих.

Толк: трудно одному слуге двум господам служить, а то ещё пуще, когда многих господ предлагают.

О ПАСТЫРЕ С ОВЦОЮ

Жаловалась овца на пастыря, что он от неё много имеет молока – но мало ему, так ещё стрижёт её. Разгневавшись, пастырь взял ягнёнка и понёс колоть. Увидевши, овца молила его, чтобы того не делал, желая быть ему всегда покорною.

О ВОЛКЕ С БАРАНОМ

Когда барашек шёл за козлом, встретил его волк и спросил: «Для чего ты, отставши от матери своей, ходил за дурным козлом?» – «О, злой волче! Поскольку мать моя дала ему меня на сбережение, лучше бы мне матери своей слушать, нежели тебя, ибо ты хочешь словами своими меня отвлечь, чтобы затем съесть меня».

О РЕМЕСЛЕННИКАХ

Повелел бог Евиш Меркурию, послу своему, чтобы во всякое ремесло разные вымыслы делал. Меркурий-посол дал сапожнику всякие вымыслы, чтобы он ремеслом своим жился. С тех пор все мастера хитрить начали, особенно сапожники, которые не только зубами своими кожи вытягивали, но и смолою наклеивали. Толк: мало таких есть мастеров, которые бы правдою работали, чтобы не обманывали, поскольку не укравши не могут существовать.

О ЛАКОМОМ И ЗАВИДЛИВОМ

Двое людей молились богу: один лакомый, а другой завидливый. И послан до них посол, чтоб их воли по их молению учинил и дал им выбирать, чего бы хотели таким способом: чего б один просил, то другому вдвое было бы дано. Потому когда лакомый хотел иметь много – этого всего завидливый получал вдвое больше. Толк: лакомством не может никто насытиться. Только и на зависть нет ничего худшего: завидливый человек, чтобы только другому убыток сделать, о том всегда печалится, – наконец и сам своего убытку для злого дела не жалеет.

О ВОРОЖЕЕ

Ворожея сказывала о себе, что много будущих событий видела. После была оговорена, что изводи-ла людей. И велено её было взять, как ведунью, на смерть. Молвила к ней одна невеста: «Милая тётка! Дивно мне то, что ты грядущие события ведала, а своей беды не узнала».

Иосиф ИЛЬИН (1885 – 1981)

БЕЛАЯ ОДИССЕЯ (отрывки из дневника)

1918 год. 10 августа. Симбирск. У Протасовых.

Вот я и в Симбирске. Боже, сколько воспоминаний, какая щемящая грусть охватывает душу. Ещё когда подъезжал на пароходе и вдали увидел на фоне бирюзы неба кружевной мост, повисший над зеркальной водой, мне стало так тяжело, что едва удержал слёзы, которые сами катились из глаз.

Я нарочно взял свой прекрасный бинокль и всё время смотрел на Венец, белеющие домики, маковки церковей и купу зелени, кудрявой и сочной, раскинувшейся по всему городу.

Печать чего-то неизъяснимо грустного, обречённого лежала на всём. Мёртвая Волга, мёртвый вокзал, мёртвый, замерший, сонно повисший мост, мёртвая пристань. Я сошёл с парохода и пошёл прямо к Протасовым. Меня встретили как выходца с того света. Ещё бы, виделись последний раз чуть не десять лет назад, когда отец был в Симбирске. Забросали вопросами. Стали спрашивать, что в Самаре. Рассказали, как брался Симбирск и какая небольшая кучка каппелевцев наступала. Говорят, что всё на фу-фу и красные в городе свободно ходят и открыто говорят, что и Казань, и Симбирск всё равно будут ими взяты обратно. Перед занятием города ЧК свирепствовала и объявила красный террор. Расстреливали пачками, и до сих пор ещё не все трупы убраны из подвалов винного склада и управы.

Протасовы сейчас открыли гастрономический магазин и этим живут. От Протасовых пошёл в штаб, где говорил с комендантом и начальником штаба, полковником Генерального штаба Шварцем. Он не в такой форме, но тоже говорит, что держаться нечем и в случае наступления красных город не удержать.

Познакомился тут же с каким-то казачьим подъесаулом, который мне рассказывал с явным наслаждением, как он собственноручно рубил головы взятым и сдавшимся в плен красным. От его рассказов веет просто ужасом, это садист какой-то. И, разумеется, он не один. Вот тут и разберись!

Красные и белые! И там и тут одни методы, и там и тут кровавый, ничем не оправдываемый террор. Разницы ведь никакой, да и быть не может, ведь по обе стороны люди одного теста, одной закваски: у нас только это не вводится в систему и тщательно замалчивается, ну и не так цинично и откровенно. А в общем, кошмар.

С тяжёлым сердцем пошёл по улицам родного Симбирска. В час дня он почти пустынен и кажется дремлющим под тенью густых садов, пышной зелени в жарких истомных лучах летнего солнца. На душе было сосуще тоскливо, и я никак не мог отделаться от чувства, что город обречён и что будет ещё что-то жестокое и ужасное.

1919 год. 16 июня. Екатеринбург.

Сегодня первый раз вышел, но чувствую ещё слабость. Пошёл в штаб, где явился инспектору артиллерии генерал-майору Томашевскому. Чёрный, моложавый, со сладким лицом поляк. Когда красные были в Екатеринбурге, и тут Томашевский занимал у них должность инспектора артиллерии. Он жил в квартире некоего Аничкова, бывшего управляющего банком, где ему была реквизирована комната.

Штаб Гайды произвёл на меня плохое впечатление. Везде царил тоже Генеральный штаб новой формации, который отличается от старого тем, что быстро усвоил решительно все самые худшие недостатки Генштаба, но не приобрёл хотя бы сотой доли знаний. Штабс-капитан Белоцерковский, с лицом, изъеденным оспой, занимался контрразведкой и был в роли жандарма-провокаatora, который всюду втирался, лез и затем доносил. Я пошёл на вокзал и тут узнал, что среди многих вагонов штабных имеется вагон и генерала Томашевского, который всегда готов к отходу и в котором живёт его собственная супруга. Это мне сказало всё. Та же история, что и в Самаре, Симбирске, что бывало и на германском фронте.

4 июля. Екатеринбург.

Весь день бегал и хлопотал, чтобы вывезли вагон и прицепили к поезду, идущему в Омск. Встретил Протасова, он говорит, что, памятуя Симбирск, теперь же уезжает, и прямо во Владивосток. Кропоткин уже уехал, вообще после англичан почти все стали уезжать, я даже начинаю бояться, как бы

не застрять, потому что в последнюю минуту понесётся штаб и нас, конечно, бросят без всяких разговоров.

Был у коменданта, был в паровозном депо и наконец ухитрился получить обещание, что завтра утром дежурный паровоз выведет теплушку и она будет прицеплена к поезду.

Нина КРИВОШЕИНА (1895 – 1981)

ЧЕТЫРЕ ТРЕТИ НАШЕЙ ЖИЗНИ (отрывок из книги)

Страшный город был Ульяновск в те годы – дома не ремонтировались больше тридцати лет, заборы и частоколы месяцами лежали, поваленные на тротуар, – приходилось обходить их, сойдя на мостовую, а там зачастую лужа по щиколотку... Во многих домах обрушились балконы; некоторые висели на металлической подпорке вдоль дома и покачивались на ветру. Всё хозяйство города было в полном расстройстве; по две-три недели целые кварталы оставались без воды – не раз пришлось мне растапливать снег в ведре на кухне – и получалось четверть ведра грязной чёрной воды, ведь вся округа бывшего Ильинского Храма была на много сантиметров погребена под угольным шлаком, который день и ночь выплёвывала двадцатипятиметровая труба, победоносно громоздившаяся над алтарём, – а ночью горела она тучками искр вроде фейерверка в день салюта. Вторая труба вделана была внизу, прямо в алтаре, коротенькая, метр-полтора, и открывала она свою громадную пасть прямо на проходной двор – тупик позади храма, где и был расположен ряд домов, небольших, деревянных, – а мы жили как раз в доме против трубы. Каждые двадцать минут труба эта с грохотом сотрясалась, и из неё вылетала громадная порция горячего шлака. Первое время я ночами не могла заснуть – всё ждала: когда же опять захочет?..

В последнем доме нашего тупика жила Екатерина Николаевна Венцер, из старой купеческой симбирской семьи Волковых – о ней ещё будет ниже; в её дворе стоял небольшой дом, где жила просвирня – бывшая в прошлые времена горничной у матери Екатерины Николаевны... Характер просвирня имела грозный и держала себя неприступно – но... каждый месяц ей привозили несколько мешков муки (откуда?), и дров у неё было запасено на целый год... К этой просвирне изредка хаживал в гости «поп-расстрига», я его несколько раз видела в нашем тупике: одет он был, как в Малом театре в пьесах Островского купцы – синие брюки заправлены в высокие сапоги, синий армяк с кушаком, на голове картуз тоже матерчатый, синий с козырьком – борода длинная, седая, и походка лёгкая, быстрая,

как у молодого... Идя к просвирне, он останавливался перед бывшим алтарём, перед шлаковой трубой, и долго молился, крестясь, вздыхая и причитая негромко. Молясь, снимал картуз и вдруг становился похож на священника.

Снабжение? Тут, собственно, два периода: вплоть до 1950 года было очень неплохое – много свежей рыбы, колбаса разных сортов, украинское сало в колбасной, всякие конфеты в гастрономах. А на рынке всегда много мяса, отборная свинина, отличные овощи – и картошка... самая вкусная, какую ела за всю жизнь! Однако люди были разорены войной: они покупали, стоя без конца в очереди, жуткую ливерную колбасу, которую и не всякий кот бы съел, а на базаре, где было чудное мясо (по шесть-десять рублей килограмм), позволяли себе изредка купить граммов двести-триста на семью, чтобы сделать к картошке «соус»...

А начиная с указа «о понижении цен на товары», всё более дешёвое и доступное исчезло... и исчезло навсегда. И зайти в колбасную, купить на вечер докторской колбасы стало проблемой: цена на неё была не двенадцать или десять рублей – а... двадцать-тридцать пять! Почему же так, почему нет больше дешёвой колбасы? Ответ был всегда один: «Этих сортов мясокомбинат больше не выделяет». – «Почему же?» – «Да вот потому». С хлебом и мукой было всегда плохо, очереди – часами, хлеб чёрный часто мокрый, тяжёлый как камень. Вот когда и мы узнали, что это значит – купить есть что, но цена-то уже не для нас... Да и всё, что продавалось в ОРСе, было уж не для нас после исчезновения Игоря Александровича.

Помню, как мы с Никитой осенью 1950 года в течение шести часов подряд, сжатые как в тисках, стояли под Октябрьские праздники в очереди, вившейся змеёй, за... килограммом муки... Отстояли всё-таки и получили по кульку – это благодаря Никите – я одна не стала бы ни за что целый день проводить в этой злобной толпе. А военные калекки обходили нас, с рыком и бранью оголяя свои страшные культяпки, и их, конечно, пропускали без очереди...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*